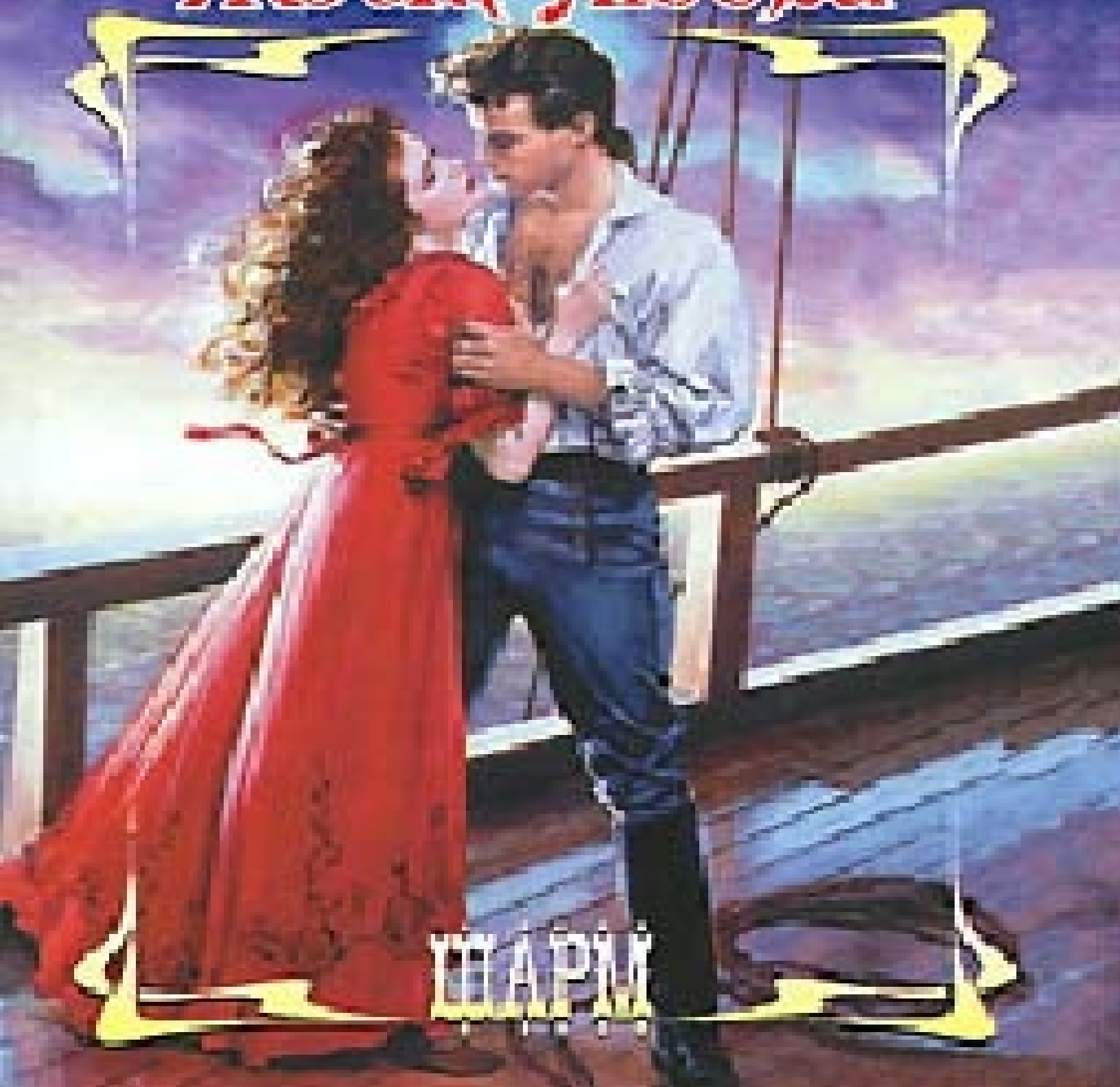

СЮЗАННА ЭНОК

Сердце ждет любви

ИТАЛИЯ

У лорда Брэмуэлла Джонса необычное хобби: он похищает драгоценности, нажитые несправедливым путем. Однако сердце Брэма устало от одиночества. И когда он случайно узнает, что прелестную Розамунду Дэвис собираются насильно выдать замуж, то решает действовать незамедлительно. В конце концов, разве девушка не должна обрадоваться, заполучив такого жениха, как он?

Однако у Розамунды есть все основания не доверять Брэму. Она готова стать женой этого опасного человека, но не любить его. Чтобы покорить ее сердце и пробудить в нем пламя страсти, супругу придется приложить немало усилий...

- [Сюзанна Энок](#)

- [Пролог](#)
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Эпилог](#)
-

Сюзанна Энок

Сердце ждет любви

Пролог

Февраль 1815 года

Лондон

— Я против праведного образа жизни. — Лорд Брэмуэлл Лаури Джонс допил виски и потянулся за следующей бутылкой, чтобы наполнить свой бокал. — Я бы не прожил так и пару недель.

— Ты так говоришь только потому, что для тебя «праведный» означает скучный, — заметил сидевший напротив него Салливан Уоринг, его голос перекрывал беспорядочный шум, царивший в заведении «Иезавель» после полуночи. — Для человека с твоей репутацией ты поразительно наивен.

— Это вы наивны, — раздраженно возразил Брэмуэлл. К тому же его несколько удивило, как это слово могло применяться по отношению к нему. «Наивный? Ха!» — Вы можете представить меня женатым и сидящим за... как это называется, рукоделием? Или как я играю в вист, прикованный узами брака, с моей дражайшей пустоголовой супругой? Как пью чай и пытаюсь завести с ней разговор? — Он содрогнулся, даже не притворяясь, — столько ужаса было в выражении его лица.

Третий член их компании, Финеас Бромли, насмешливо фыркнул:

— Не институт брака виноват в том, что у тебя никогда не возникало желания жениться на одной из тех женщин, которым задирали юбки. Тебе надо выбрать в жены кого-то получше, вот и все.

Брэм усмехнулся:

— Я говорю не о твоих дамах, и тебе не стоит чувствовать себя оскорбленным. Вам удалось отыскать в Англии двух единственных приличных женщин, но даже при этом я бы не хотел поменяться местами с любым из вас.

— Это меня несколько успокаивает, — заметил Салливан, пробуя вино.

— И тебе не следует беспокоиться. Просто вы должны оценить мою сдержанность и доброе отношение к друзьям.

— Боюсь, из-за своей разборчивости ты никогда не найдешь жену.

Брэм посмотрел на Финеаса:

— Возможно, я бессердечен, но не испытываю никакого желания связать себя постоянными узами с какой-нибудь несносной юной девицей, не важно, невинна она или нет. Я не ставлю целью быть продолжателем нашего рода, и у меня может найтись другая причина тащиться в церковь раньше, чем сыграть в ящик.

— Так ты собираешься провести остаток жизни в распутстве, пьянстве, азартных играх и оставаться таким же отчаянным, каким и был?

Брэм вздрогнул. Он старался как можно реже быть серьезным, и к тому же ему не хотелось спорить с двумя молодоженами о преимуществах брачных уз.

— Пожалуйста, Фин, — сказал он вслух, — я никогда не задумывался о таких мелочах. Ты же знаешь, что моей единственной целью было немного смягчить моральные запреты, чтобы все, что я делаю, стало приемлемым для общества.

— По-видимому, так и произошло с Содомом и Гоморрой, — заметил Салливан.

— Остается только надеяться. И зачем вы оба все же пытаетесь проповедовать мне библейскую мораль и приверженность домашнему очагу? Это пустая трата времени, учитывая, что один из вас — в прошлом вор-домушник, а другой — разбойник с большой дороги. Едва ли

это занятия для истинного джентльмена. Это нехорошо с вашей стороны. Эгоистично думать, что вы единственные, кому позволено плохо вести себя.

Его самые близкие друзья уставились на него. Он общался с ними уже много лет, с тех пор как все трое служили в Первом полку королевских драгун в Испании, а с Салливаном дружил еще дольше — с Оксфорда. Он наизусть знал, что каждый из них может ему посоветовать. Если бы у него было чем занять этот вечер, он бы ушел, захватив с собой бутылку. Неразумно отказываться от прекрасного вина. Но Лондон во время затишья в светской жизни предлагал мало развлечений.

— Кстати, о наших особых эскападах, — снова заговорил Фин, самый рассудительный из них. — Брэм, ты соображаешь, черт побери, что ты делаешь? Твоя новая игра и бессмысленна, и рискованна. И опасна к тому же.

— В риске весь смысл, Фин. — Он взглядом остановил коннозаводчика прежде, чем тот вмешался. — И не забывай — это ты дал мне идею, Салли. Я ее только усовершенствовал.

— Я не хочу брать на себя ответственность за твое новое увлечение, большое тебе спасибо, — ответил Салливан. — У меня тогда была на это причина.

— Да, начать с того, что вещи, которые ты украл принадлежали тебе. Я рад, что у тебя была причина совершить это. У меня ее нет.

— Тогда не надо грабить.

— Я сказал, у меня нет причины. У меня есть цель.

— Какая же?

— Не ваше дело. Вы начинаете надоедать мне. Салливан выпрямился.

— Я не стыжусь того, что сделал. Я бы повторил это еще раз. Ведь так я познакомился с Изабель. Но, Брэм, существуют последствия. Меня чуть не повесили. Если бы...

— Если бы я не притворился тобой и не совершил еще одно ограбление. — Он взглянул на Фина. — И еще я притворился, что это не я, а ты, чтобы спасти тебя, неблагодарного. И имение твоего брата. Так что перестань поучать меня, а лучше помоги прикончить эту бутылку. Я прекрасно знаю, что делаю. И не нуждаюсь в вашем одобрении.

— Вопрос в том, — вставил Фин, подставляя свой опустевший бокал, — понимаешь ли ты, когда следует остановиться? Самоконтроль...

— Вам не надоели эти скучные прописные истины? — перебил приятеля Брэм с раздражением. — Теперь, когда вы оба женаты, вы ведете себя как две курицы, которые кудахчут и жалуются на петуха, который их топчет. — Он сделал большой глоток.

— Брэм...

— Удовольствие они получали в прошлом, — продолжил он свою мысль. — А теперь петух постарел, и им остается только возмущаться и осуждать других. К тому же миссис Уоринг и миссис Бромли больше не позволяют им развлекаться.

Они действительно не проводили время в его обществе так же часто, как это бывало прежде. Все трое в свое время пользовались дурной славой, а теперь двоих из них поглотил домашний уют. Вот так-то, просто кошмар. Даже позор.

С глубоким вздохом Финеас пожал плечами:

— Видит Бог, я не святой и не пугаю тебя наказаниями за нарушение закона. Мы вместе вступили в битву, и ты прекрасно знаешь, во что ты ввязался.

— Конечно. Просто моя цель отличается от вашей. Вы счастливы, и это хорошо для вас. Что же касается меня, я не желаю жить долго и праведно. — Брэм указал на другую бутылку. — И я выслушал всякого вздора вполне достаточно для одного вечера.

— Ты говоришь, что знаешь, какие последствия тебя ожидают, — после некоторого молчания тихо сказал Салливан. — Я только надеюсь, что ты действительно это понимаешь.

— О, разумеется! — Брэм скривил губы, изображая улыбку. — Я ожидаю их с большим нетерпением.

Глава 1

Май 1815 года

Лорд Брэмуэлл Лаури Джонс проскользнул в холл чуть раньше дворецкого. Прислонившись к стене и прижав к груди мешочек с драгоценностями, он слушал, как слуга прошел в трех футах от него и скрылся за дверью соседней комнаты. Там одна за другой стали гаснуть свечи.

Затаив дыхание, Брэмуэлл направился к входной двери, приоткрыл ее и бесшумно выбрался из дома. Закрыв за собой тяжелую дубовую дверь, он спустился по широким ступеням и вышел на улицу.

Все прошло гладко — маркизу Брейтуэйту следовало бы нанять слуг с более острым слухом. И еще ему следовало быть разборчивее при выборе друзей, если он не хотел становиться жертвой последующих ограблений. С мрачной улыбкой он обогнул угол дома и вышел на другую улицу, где остановился около большой черной кареты, ожидавшей его в темноте.

— Обрато к Экли-Хаусу, — сказал он, усаживаясь на мягком черном кожаном сиденье. — Но остановись на Брюер-стрит. Оттуда я пойду пешком.

— Хорошо, милорд. — Прищелкнув языком, Грэм тронул лошадей, и карета покатила вниз по улице.

Все прошло очень просто. Никакого шума, минимальная вероятность быть обнаруженным, и карета на прекрасных рессорах, ожидавшая его неподалеку. Его сердце билось спокойно, и пульс оставался ровным. Он никогда не задумывался, почему так жаждет этого азарта и возбуждения, хотя достижение подобного состояния каждый раз требовало все большего риска. Но он стремился к нему. Выбор жертв имел значение, но это было не так важно. А вещи, которые он брал, почти совсем ничего для него не значили.

Даже не заглянув в мешочек, Брэм достал из-под сиденья потайной ящичек, сунул в него свою добычу и снова задвинул его. В эту субботу прихожане церкви Святого Михаила в Найтсбридже будут приятно удивлены, заглянув в чашу для пожертвований, но он никогда бы не признался, что занимается благотворительностью. Он не был каким-то Робинот Гудом, просто ему были не нужны эти вещи. Как бы скромно он ни оценивал себя, он все же считал ниже своего достоинства присваивать драгоценности, принадлежащие людям, равным ему. Конечно, за исключением их жен.

Завтра Мейфэр будет взбудоражен новостью, что Черный Кот снова проявил себя, избавив еще одного аристократа от коллекции дорогих побрякушек и безделушек. Он был далеко не первым грабителем, державшим в страхе лондонское высшее общество, но считал, что вносит особый, «благородный» стиль в эту профессию. И если не найдется ничего более... интересного, он не имел намерения отказаться от этого занятия. В отличие от некоторых знакомых ему джентльменов он нисколько не желал присвоить что-нибудь, затем найти настоящую любовь, превратиться в благочестивого дурака и так прожить всю жизнь.

— Милорд! — раздался сверху голос Грэма, и карета остановилась. — Брюер-стрит.

Грум соскочил на землю и выдвинул ступеньки, Брэм вышел из кареты.

— На сегодня все. Я сам найду дорогу домой. — Он насмешливо скривил губы. — Или куда-нибудь еще.

Его слуги никогда не знали, где он находился по ночам, Грэм кивнул:

— Да, милорд.

Быстрым взглядом окинув окрестности, Брэм перепрыгнул через каменную стену,

окружавшую сады Экли-Хауса, отряхнул свой черный сюртук и черные панталоны и направился мимо небольшого пруда с рыбками к террасе. Еще двадцать минут, и все будет как надо. Крепкий напиток, а еще лучше — крепкий...

Чья-то рука схватила его за рукав.

— Вот вы где, — запыхавшись, тихо сказала леди Экли. — Я уже начала думать, что вы нашли другую.

Это и было ему нужно. Очень приятный способ побороть раздражение, овладевавшее им.

— Да что ты! Не сегодня, Миранда. А теперь почему бы тебе не показать мне ту интересную фреску, о которой говорили?

Она удивленно подняла брови и озадаченно посмотрела на него своими изумительными синими глазами:

— Какую фреску, Брэм?

— Это маленькая хитрость, к которой я прибегнул на случай, если кто-то подслушивает нас, — усмехаясь, объяснил он.

— О, здесь никого нет. Я хорошо проверила. А лорд Экли в библиотеке любитесь новым атласом, который недавно приобрел.

— Тогда все в порядке. Где нам никто не помешает совершить смертный грех?

Она хихикнула:

— Наверное, в мансарде. Там есть мягкие кресла и шезлонг.

— Отлично!

Леди Розамунда Дэвис на минуту задумалась: смогло ли бы ее семейство приезжать куда-нибудь вместе или вовремя, если бы она не научилась переводить часы вперед или назад в зависимости от того, кто смотрел на них? Ее мать, графиня Абернети, приезжала бы раньше всех, потому что боялась пропустить новые сплетни.

Ее старшая сестра Беатриса считала, что приезжать строго вовремя немодно. Конечно, Беатриса была самым совершенством в человеческом облике, потому что вышла замуж в возрасте восемнадцати лет за такого важного и любезного человека. На самом деле она часами могла заниматься своими волосами и сережками, это доставляло ей истинное наслаждение.

К счастью, Беатриса и ее важный и любезный муж Питер, лорд Фиштон (Боже, что за имя!), решили провести лондонский сезон вместе со всей семьей в Дэвис-Хаусе, потому что два отдельных домашних хозяйства требовали бы слишком много хлопот. Роуз вздохнула, оглядывая толпу в бальном зале в доме Экли.

И еще был ее отец, граф Абернети, который настаивал, что приезжать надо точно в указанное в приглашении время, что, конечно, никогда не удавалось. Несмотря на то что благодаря ее стараниям они всегда приезжали более или менее вовремя, если бы кто-то из ее семьи потрудился сравнить часы, она бы оказалась в затруднительном положении.

Расправив плечи, Роуз шагнула вперед и ухватила за руку самого молодого члена семьи, присутствовавшего здесь, того самого, который легко мог затеряться на пути на какое-нибудь суаре — или вообще не появиться там. Ему требовались не часы, а сторож, и по целому ряду причин.

— Потанцуй со мной, Джеймс. Младший брат покачал рыжей головой:

— Не могу, Роуз. А то упущу его. Вздохнув, Роуз снова потянула его за рукав.

— Кого ты упустишь? — спросила она.

— Я видел его раньше. Знаешь, это единственный человек, который в «Уайтсе» выиграл все пари, заключавшиеся там за весь сезон. Все пари, Роуз.

— Кто же этот великолепный образец мужчины?

— Ха! Образец? Так можно назвать... капитана Кука проказником, который немного

попутешествовал. Или Шекспира — парнем, написавшим несколько пьес. Или...

— Я сказала «великолепный», — повторила она, думая, уже не в первый раз, что ее родителям надо приобрести очень крепкий замок для двери спальни ее брата.

— Ну, лорд Брэм Джонс не образец. Это супермен!

— Ох, пожалуйста! — ответила со скептицизмом Роуз, мысленно поморщившись, слыша это имя. Почему ее брат не мог подружиться со священником или добрым старым любителем виста — это было выше ее понимания.

— Ну, в общем, это птица высокого полета. По меньшей мере. — Он, прищурившись, сердито посмотрел на нее: — И как это ты умудрилась не слышать о лорде Брэме Джонсе? Я все время говорю о нем.

— Да я слышала, конечно. Но ты же мне не сказал, кого именно ищешь. — Она снова потянула его за руку. — И я все еще хочу танцевать. Такой приятный вечер!

— Вечер с танцами и комнатой для карточной игры. Роуз вздохнула:

— А ты не подумал, что этот твой кумир, может быть, уже покинул Экли ради... более важных дел?

— Господи, может, ты и права. — Он вырвал у нее свою руку. — Скажи отцу, что я уехал в «Иезавель». Если Джонса там нет, то я знаю, где его искать.

Она едва сдержалась, чтобы не выругать его.

— Джеймс, пожалуйста, останься. Составь мне компанию.

Он, обернувшись, улыбнулся ей:

— Не беспокойся, Роуз. Я не наделаю глупостей.

Он начнет вечер в «Иезавели», что не считает глупостью, если только его пустят туда.

Но если поехать за ним, то это только укрепит желание этого восемнадцатилетнего мальчишки доказать, что он способен выиграть в карты, кости или в любую игру, азартную и будоражащую кровь.

И конечно, она слышала о лорде Брэмуэлле Лаури Джонсе. Судя по тому уважению, с которым ее брат весь прошедший месяц говорил о нем, он казался скорее мифом, чем человеком. Но она не помнила, чтобы он когда-либо попадался ей на глаза. Если бы даже она его видела, то ей бы очень хотелось разбить нос этому скандальному герою зато, что такой удачливый негодяй сумел заставить молодого идиота без гроша в кармане подражать его ужасным поступкам.

Сквозь довольно плотную толпу пробрался сухонький старенький лорд Огильви и остановился перед ней.

— Могу я пригласить вас на этот танец, леди Розамунда? — прошептал он.

«Только если обещаете не упасть посередине танца», — подумала она.

— Конечно, милорд, — произнесла она вслух, изображая улыбку. Танец, по крайней мере, отвлечет ее от мысли об ужасной гибели, которая неизбежно ожидает Джеймса и, следовательно, всю семью. Увы, она еще не нашла подходящего способа спасти младшего брата от беды. И его надо было найти как можно скорее.

Ибо, как бы она ни боялась, не начнутся ли завтра разговоры о проигрыше брата и ее горькой участи, в душе она питала еще слабую надежду, что он встретит лорда Брэмуэлла Джонса в «Иезавели». Все же она точно еще не знала, действительно ли это Джонс был тем человеком, из-за которого Джеймс попал в беду. Ей только оставалось надеяться, что клуб «Иезавель» будет в этот вечер слишком тихим местом для юного искателя приключений.

Лорд Брэмуэлл Лаури Джонс оправил сюртук и вошел в бальный зал. Суаре у лорда и леди Экли всегда охотно посещалось, и в этот вечер толпа именитых гостей перемещалась, напоминая рыб в аквариуме, — вынужденная двигаться вместе со всеми, если хочешь хотя бы

куда-то двигаться.

Однако рыбы, встречая хищника, рассыпались по сторонам, обходили его и потом снова смыкали свои ряды. Таким вот образом вокруг Брэма образовалось свободное пространство. Оказавшаяся ближе всех к нему яркая рыбка бросала на него тревожные взгляды, явно опасаясь его аппетита. Но эта акула только что поела, и в данный момент ей больше всего хотелось стаканчика виски.

Он заметил лакея, разносившего на подносе мадеру и сладкий портвейн, и сообщил ему свою просьбу. Лакей, кивнув, мгновенно исчез. Дворецкий, с трудом перекрывая стоявший в зале шум, объявил кадрили, и несколько рыбок оторвались от косяка и выстроились в центре зала.

Брэму принесли спиртного, и он с наслаждением сделал большой глоток. Каким бы занятым он ни был в этот вечер — сначала грабежом, потом сексом, — но была всего лишь полночь. И какое-то беспокойство охватывало его. Брэм взглянул в сторону стола с закусками, где стоял лорд Брейтуэйт, набивая рот бисквитами и засахаренными апельсиновыми корочками.

Из-за этого глупого толстого медведя ограбление оказалось слишком легким. И вот почему: фамильные, самые лучшие, драгоценности были сложены в большой ящик из резного красного дерева, затем этот ящик поставили под кровать в хозяйской спальне. Еще проще было найти и опустошить мешочек с вышитым на нем словом «драгоценности». Брэм жаждал риска, опасности, а ограбление Брейтуэйта могло бы удовлетворить лишь мальчика в коротких штанишках.

К маркизу, стоявшему у стола со сладостями, подошел еще один человек, но не притронулся ни к одному из блюд. Брэм сжал зубы. Именно его мог бы поблагодарить Брейтуэйт за исчезновение своих сокровищ. Этого проклятого герцога Левонзи. Брейтуэйту следовало быть разборчивее — как в десертах, так и в друзьях.

Они продолжали разговор — розовощекий круглолицый льстец и худой угловатый тиран. Оба друг друга стоили.

Проклятие! Сейчас ему хотелось позлословить, но не было подходящего собеседника. Он со вздохом повернулся спиной к герцогу и отправился на поиски двух из присутствующих здесь людей, общество которых он мог переносить.

Вскоре он увидел их среди танцующих. Женатые всего лишь шесть месяцев Финеас и Элайза Бромли кружились, глядя лишь друг на друга с выражением полного счастья и истинной любви на лицах.

— Ты что-то слишком мрачен, — раздался рядом с Брэмом голос, — особенно когда смотришь на очень счастливую пару.

А этого третьего человека Брэм еще мог вынести. Виконт Кузне сидел в своем кресле-коляске, которой управлял неизменно стоявший позади слуга.

— Уильям, — сказал Брэм, протягивая руку. — Я ничего не имею против того, что твой брат и его жена счастливы. Но уж слишком приторно все это, а от сладости могут зубы испортиться.

Куэнс усмехнулся:

— От избытка счастья еще никто не умирал. Умирают чаще всего на войне. Но вам повезло: вы не раз спасали друг друга в боях с французами.

Брэм улыбнулся в ответ на эту вежливую фразу и заглянул за спину виконта:

— Кстати, о спасенных жизнях. Твоя сестра здесь?

— Бет благополучно танцует с очередной жертвой ее чар. Теперь, когда она выезжает, думаю, она может освободиться от увлечения тобой.

— Слава Богу! Ты же знаешь, она держит меня в страхе.

— Гм... Если ты хочешь признаться, что был достаточно благороден, чтобы не повредить ей своей ужасной репутацией, то я не стану с тобой спорить.

— Я охотно признаю, что доволен ею. Не надо притворяться. Как ты знаешь, она была заработана многочисленными стычками, опасными сделками, пьянством, буянством, и я очень горжусь своей репутацией.

Виконт покачал головой:

— Я согласен, это у тебя хорошо получается.

Несмотря на титул Куэнса и то, что он был владельцем очень перспективной собственности в виде горячих минеральных источников, он сидел в одиночестве. Брэм, скучая, поддерживал разговор, пока не закончился танец. У него бывали ситуации и похуже.

Когда к ним присоединились Финеас и Элайза, он уже выпил наполовину свой стакан. Взяв руку хорошенькой Элайзы, он наклонился к ней и улыбнулся.

— А вы уверены, что не измените своего мнения об этом неприятном типе? — невозмутимо спросил он. — Я милее и красивее, а к тому же знаю людей, которые в любую минуту могли бы отправить его в Австралию.

Она засмеялась:

— Спасибо за предложение, лорд Брэм, но я чувствую себя вполне... счастливой. Зачем же отправлять моего супруга так далеко?

Он поднял бровь.

— Но прошло полгода.

— А я не какой-то старый фрукт, чтобы сгнить за одну или две недели, — вмешался Фин, хватая ее за руку. — И оставь мою жену в покое, разбойник.

Любой воспринял бы это как предупреждение и не стал бы трогать женщину, по праву принадлежащую другому. Существовала граница, которую никогда не переходил Брэм, — это была верность дружбе. А Финеас Бромли был его другом. Но черт его побери, если он хотя бы не притворится хищным волком.

— Я пришел сюда с единственной целью — пригласить твою жену на вальс, — сказал он — Или тебя самого. Для меня нет большой разницы.

— Гм... — Финеас отвел от него взгляд, ставший немного строже. — Элайза, не уделишь мне минутку?

Она кивнула.

— Я ожидаю от вас приглашения наследующий вальс, — обратилась она к Брэму и вместе с Куэнсом встретила чересчур оживленную Бет, после танца подошедшую к ним со своим кавалером.

— Брэм, ты ведь не можешь быть причиной того, что леди Экли потеряла одну сережку, а у лорда Экли такой вид, как будто он собирается снять со стены саблю, — подойдя к нему ближе, тихо сказал Финеас.

Фин всегда отличался наблюдательностью.

— Знаешь, дружище, иногда мне нравится, когда женщина раскрывает рот, но за стенами спальни я предпочитаю немного сдержанности.

— Ты находишься, черт тебя подери, в доме этого мужчины, — возразил Фин. — Не слишком ли это смело даже для тебя?

Брэм усмехнулся:

— А несколько минут назад я был в постели его очаровательной женушки. Да ты и сам не святой.

— Я никогда и не претендовал на это звание. Но теперь уже должен думать не только о себе. И если Экли вызовет тебя на дуэль, я не хочу, чтобы ты находился в этот момент где-то

близко от Элайзы.

— Что ж, это очень благородно — так заботиться о репутации супруга. Наслаждайся своим сладким домашним уютом, Фин. Никто на него не посягает.

Как правило, Брэм не позволял себе обращать внимание на осуждающие его замечания, но разговоры с Финном Бромли о благочестии чертовски раздражали его. Они втроем, он, Фин и Салливан Уоринг, оставили четкий след разрушений, совершенных в половине стран Европы, — по крайней мере тех, которых Англия пыталась уберечь от Бонапарта. Секс, игра, драки, убийство — они занимались всем. Прошло два года с тех пор, как они с Салли вернулись, и только год после возвращения Финна. Брэм оказался последним стойким мужчиной. Они могли стыдить его и убеждать, что, женившись, он станет счастливее, но, ни один из них, не решался подсылать к нему респектабельных, подходящих для брака женщин.

— Брэм!

— Что? — повернулся он к Финну.

— Мне надо потанцевать с моей сестрой. Мы продолжим наш спор, или ты собираешься сбежать отсюда?

— А тебе не кажется, что здесь становится скучно?

— И что же ты предлагаешь?

Брэм тяжело вздохнул, опасаясь, что ему придется слоняться еще пару часов по бальному залу, стараясь избегать лорда и леди Экли, от которых его тошнило. Но чем заинтересовать Финна?

— Поедем со мной в «Иезавель», достойный друг. Я расскажу тебе, кого ограбил сегодня вечером.

Фин открыл рот и снова закрыл его. Брэм подумал, что Финну, должно быть, трудно показывать свое моральное превосходство над человеком, который знал о каждом совершенном им преступлении. В эту минуту Брэм несколько не жалел его.

— Попробую догадаться, — наконец сказал бывший разбойник с большой дороги, а теперь любящий муж, взглянув в сторону стола с закусками. — Брейтуэйта или Абернети.

— Абернети? — Брэм обернулся. Действительно, третий экземпляр присоединился к рядам самых достопочтенных джентльменов. — Какой удачный поворот событий! Я беру обратно свое приглашение ехать в «Иезавель».

— Черт побери, Брэм! Ты не можешь грабить дом каждого, кто хоть слово скажет с Левонзи.

— Ты знаешь, мне кажется, стоит попробовать. — Он улыбнулся, его сердце сильнее забилось. Вторая кража за одну ночь. Завтра все заговорят о Черном Коте.

Даже Левонзи.

— А герцог имеет хотя бы малейшее представление о том, чем ты занимаешься?

— Кому это интересно? Только не мне.

— Но он твой отец.

— Вот это единственное, в чем я не виноват. Прошу тебя, не напоминай мне про сие прискорбное обстоятельство.

Фин пожал плечами:

— Я вижу, это ни к чему не приведет. Но разве я не видел на днях тебя в обществе сына Абернети?

— Да. С виконтом Лестером. Он таскается за мной и Косгроувом, как потерявшийся щенок.

На мгновение Фин сжал челюсти, но Брэм все же это заметил. Если его ожидает еще одно проклятое нравоучение, то пора сбежать.

— Так ты можешь ограбить и дом друга?

— Я не говорил, что Лестер мне друг. И это тебя не касается. Пойдем же! Не жалея лошадей, Фин!

— Нет, я не собираюсь ввязываться вместе с тобой в это дело.

Брэм заставил себя усмехнуться:

— Тогда иди и танцуй с Бет. И передай Элайзе мои извинения за пропущенный вальс. — С небрежным поклоном он вышел из зала. Его видели все и каждый, и никто не подумал бы, что именно он — Черный Кот. Теперь перед ним стояла задача чем-то еще занять этот вечер. Он надеялся, что совершить кражу в доме Абернети куда интереснее, чем посещать Брейтуэйта. А чем еще заняться, что еще придумать, чтобы по-настоящему развлечься?

Принимая во внимание легкость и отсутствие всякого удовлетворения от кражи драгоценностей Брейтуэйта, Брэм придумал другой план посещения дома лорда Абернети. За исключением его надоедливого сына Джеймса, виконта Лестера, он не был знаком с этой семьей. Это само по себе вносило элемент опасности — его никогда официально не приглашали в Дэвис-Хаус, и он не имел представления о расположении комнат. Конечно, как было принято, спальни находились на верхнем этаже, серебро заперто в шкафу, а самые большие ценности хранились у хозяина дома.

Брэм прижался к темной стене конюшни Дэвисов. Семья вернулась домой с вечера у Экли почти полчаса назад, и в нескольких окнах верхнего этажа горел свет. Брэм мог бы пробраться в дом до их возвращения, но он уже делал так в этот вечер, и ему не хотелось повторяться.

Жуя соломинку, он следил за домом. За последние шесть месяцев Финеас стал занудным ханжой. Он мрачнел при упоминании о кражах, хотя раньше сам совершал такие же грехи, и упоминание имени Косгроува действовало на него как апоплексический удар. Кингстон Гор, маркиз Косгроув, никогда не причинял никакого вреда Фину или Салливану и их семьям — благодаря Брэму. Они должны были быть благодарны ему за дружбу с маркизом.

Он знал Косгроува дольше, чем Фина и даже Салливана. Этот человек буквально вырастил его — или по крайней мере оказался очень умелым учителем, — после того как он и Левонзи расстались, когда ему только что исполнилось шестнадцать.

Еще одна свеча погасла в верхнем окне; и Брэм выпрямился. Не было никакого смысла слишком облегчать задачу, а кроме того, во дворе у конюшни было чертовски холодно. Отбросив соломинку, он достал из кармана черную полумаску, скрывавшую верхнюю часть лица, и надел ее. Испытывая легкое волнение, он задержался на минуту, наслаждаясь этим ощущением. Слишком мало было случаев, когда он чувствовал себя по-настоящему азартным, и редко проявлял к чему-то интерес. Так можно и навыки утратить.

Может быть, его следующей задачей будет совершить восьмой смертный грех. Или он мог набрать их даже дюжину. Дьявол знает, что он совершил первые семь. С затаенной улыбкой он подошел к окну первого этажа и заглянул в него. За ним было темно и пусто. Если бы он относился к людям, любящим копаться в себе, он мог бы увидеть в этом что-то символическое, но он не был таким и, просунув пальцы под раму, потянул ее вверх. Окно распахнулось.

Очень глупо со стороны семейства Дэвисов оставлять окна незапертыми. Грабитель держал в страхе самые богатые дома в Мейфэр. Беспечность, видимо, была вторым грехом этого семейства. Первым считалось то, что патриарх семьи был застигнут за дружеской беседой с герцогом Левонзи.

Забравшись в дом, Брэм закрыл за собой окно. Он оказался в помещении, похожем на комнату для завтраков. Кое-какие безделушки и вещички украшали стены и сервант, но его взгляд ни на чем не остановился. Он надеялся, что наверху найдутся вещи, которые стоило бы позаимствовать. Набитый кошелек мог бы вдохновить паству святого Михаила на молитву за таинственного благодетеля — или хотя бы за спасение его души.

Брэм бесшумно повернул ручку двери, и она приоткрылась на дюйм, не больше. В холле горела одинокая свеча, очевидно, оставленная для молодого виконта Лестера, поскольку юноша не вернулся вместе с семьей. Вероятно, он где-то проигрывает последнюю рубашку Косгроуву. Опять. Глупый щенок!

Перед Брэмом была парадная лестница. Он прислушался, но в доме царила тишина, и он поднялся на второй этаж. В темноте в своей темной одежде он, вероятно, выглядел мелькающей тенью.

Кто же находился в доме? Он подсчитал, когда еще ждал во дворе, — граф, графиня, Джеймс и незамужняя дочь, чье имя он не запомнил, но которая, очевидно, была слишком непорочна или слишком заурядна — или и то и другое, — чтобы привлечь его внимание. Здесь же, кажется, находилась и замужняя дочь со своим вызывающим раздражение скучным мужем, отличавшимся неприятным смехом.

Он насчитал шестерых, а еще, возможно, втрое больше слуг. Вполне подходяще для удачной кражи, которая не обременит его и не оставит его неудовлетворенным, по крайней мере до завтрашнего дня.

Слева послышался тихий приглушенный голос. Брэм застыл на месте. Абернети. Ему отвечал женский голос, и Брэм повернул голову, прислушиваясь. Голоса доносились из-за неприкрытой двери в конце коридора, по-видимому, из библиотеки или верхней гостиной. Очень удобно, ему не придется пробираться в покои самого графа, когда тот заснет, что могло бы привести к неприятностям, которые способны ранить даже его чувствительность.

Однако сначала ему надо было найти комнаты графа. Поскольку он сам не любит яркого утреннего солнца, он начнет с комнат, выходящих окнами на запад. Не сдерживая зловещей улыбки, Брэмуэлл тихо двинулся по коридору.

Если бы его в этот вечер не одолевало какое-то смутное беспокойство, он бы признался, что ему следовало бы лучше изучить обстановку. Если он знал, что Брейтуэйт особенно ценит жемчужное ожерелье жены в гарнитуре с такими же серьгами, то он даже не имел представления, какие драгоценности были у лорда и леди Абернети. Но какая разница? Ему хотелось риска и опасности!

— ...понять, как, выдав меня замуж за мерзавца, вы избавитесь от него, — говорил женский голос.

Брэм остановился. Перед ним была неплотно прикрытая дверь. Узкая щель не позволяла видеть, что происходит внутри, но слышно было прекрасно. Он всегда был любопытен, как кошка, и наострил уши.

— Потому что большая часть долгов, которые наделал Джеймс, — это долги ему. — Густой голос принадлежал Абернети. — Ты думаешь, у нашей семьи найдется десять тысяч фунтов?

— Я уверена, Косгроув охотнее даст нам еще какое-то время, чтобы расплатиться с ним, чем довести нас до разорения.

«Весьма сомнительно», — подумал Брэм. Если его называли бессердечным, то Косгроув давно уже проиграл свою душу. Но девица упомянула замужество. С чем это связано? Брэм нахмурил брови, подвинулся поближе к двери и сжал пальцы, чтобы преодолеть соблазн еще немного приоткрыть дверь.

— Ты читала его письмо, Роуз. Он очень ясно сказал, что хочет получить долг или твою руку. Я, наверное, уговорю его отложить решение до конца месяца, чтобы это выглядело приличнее, но это все, что можно сделать. Если ничего не произойдет, мы будем разорены.

— Ради Бога, отец! Я же не вещь, которой можно заплатить долг.

— Что делать? Ты член этой семьи и должна спасти ее. Она презрительно усмехнулась:

— Эти долги сделал Джеймс, пусть он и женится на Косгроуве. Он проводит больше

времени снимил его ужасными приятелями, чем с собственной семьей.

— Если ты собираешься спорить, то предложи другой выход.

— Вы позвали меня сюда не для того, чтобы услышать мое мнение. Спокойной ночи, мама, отец.

Брэм бросился в сторону и нырнул в дверь соседней комнаты, в которой было темно. Дверь библиотеки распахнулась, и кто-то прошуршал вблизи шелком платья. Брэм почувствовал легкий аромат лаванды. Внезапное желание посмотреть на девушку заставило его выглянуть в коридор. Он увидел только край зеленого узорчатого платья, исчезнувший за углом.

Такого он не ожидал. Самое интересное заключалось в том, что Косгроув, кажется, решил жениться и даже сделал предложение в письменной форме. Он и раньше разорял и губил жизни многих, и в этом не было ничего нового. Но жениться...

— Она не смирится с этим, ты же знаешь, — услышал Брэм другой женский голос, без сомнения, принадлежавший графине Абернети. — Тебе следовало поручить мне уговорить девочку. Я всегда умела убеждать ее.

— Но нет необходимости убеждать ее, Джоанна. Это ее долг. Тебе пришлось позволить ее сестре выйти за этого никчемного Фиштона. Стало быть, она уже нам не поможет.

— Но Фиштон все же виконт, мой дорогой. И не говори так громко, они спят совсем рядом.

— Да, вот еще одна обуза. И Джеймс, конечно, идиот, но он наследник. Так что Роуз один путь — под венец, как бы она ни протестовала. Она же больше ни на что не годится.

— А ты уверен, что это наилучший выход для нее? Она могла бы выйти замуж за кого-нибудь из окружения Принни или за человека по положению выше Фиштона. Или...

— Она недостаточно хороша. Слишком много читает, слишком бледна и худощава. Нет, ее предел — это Косгроув. Не понимаю, зачем она ему нужна. Нам надо благодарить судьбу, что она приглянулась ему. Он, по крайней мере, богат и имеет титул. А у нас нет другого способа вылезти из ямы, в которую столкнул всех нас Джеймс.

— Косгроув не может похвастаться своей репутацией.

— Репутация у него ужасающая. Но все же это законный брак, и мы больше не будем у него в долгу. Может, Роуз придаст ему некоторую респектабельность. В любом случае это дело решено. В принципе я согласен и завтра встречаюсь с Косгроувом, чтобы обсудить детали. Я только надеюсь, что он согласится на месяц отсрочки, иначе все узнают о нашем бедственном финансовом положении.

Брэм вернулся в темную гостиную и прислонился к стене возле двери. Так, значит, Абернети был еще одним человеком, считавшим своих отпрысков заложниками или марионетками. В этом не было ничего нового или необычного. Он сам был одним из таких заложников, хотя Левонзи был бы по меньшей мере безумцем, если бы попытался использовать его в этом качестве сейчас.

Но его поразило, когда он услышал, как просто и откровенно было это сказано, и такими знакомыми словами. Это не причиняло боли, потому что уже больше ничто не могло ранить его, но по иронии судьбы ему хотелось, чтобы кто-то еще помнил, что тринадцать лет назад, когда он услышал так похожую на эту речь, он убежал и нашел Косгроува, который посочувствовал ему. А теперь леди Роуз толкали в руки Косгроува из таких же побуждений.

Гм... Брэм послушал еще несколько минут, но хозяин и хозяйка, казалось, уже обсудили самое интересное. Он снова вышел на лестницу, спустился и выбрался из дома через то же окно, в которое влез. Теперь у него было чем заняться в ближайшее время: поговорить с Косгроувом и узнать, почему это дьявольское отродье захотело жениться на какой-то неприметной девушке. И поскольку у Черного Кота пробудилось любопытство, кто знает, какое занятие он найдет для себя завтра?

Глава 2

— Роуз, может быть, мы уже пойдем?

Роуз подписала свое имя и взяла с прилавка «Историю Нового Света».

— Спасибо, мистер Симмс, — сказала она. — Я верну ее через две недели.

Высокий библиотекарь кивнул:

— А я посмотрю, не смогу ли к этому времени найти для вас книгу о мореплавателях. До свидания, леди Роуз, леди Маргарет.

С кислой улыбкой леди Хавендиш направилась к выходу, буквально волоча за собой Роуз.

— Я сбежала с чаепития с мамой и тетей Джоанной, чтобы пойти в публичную библиотеку, — пожаловалась она. — Эскотт больше никогда не захочет видаться со мной, если подумает, что я синий чулок.

— Чтение — интересное занятие, Мэгги. Только если ты без конца цитируешь все, что прочитала, вот тогда ты, пожалуй, синий чулок. — Роуз улыбнулась. — А кто такой Эскотт? И что случилось с лордом Бентемом?

Маленькая кузина покраснела до корней своих светлых волос, цвет которых был теперь в моде.

— Он попросил меня называть его «Эскотт». Я не хотела, чтобы он умер от отчаяния.

— Господи, конечно! Особенно если такая простая вещь, как называть его по имени, может спасти его.

— О, не смейся надо мной.

Роуз вздохнула, сунула книгу под мышку, и они пошли по направлению к Бонд-стрит. Множество женщин в ярких муслиновых платьях и мужчин в начищенных сапогах и сюртуках из самой дорогой ткани толпились перед окнами магазинов, а поток экипажей полз по улице со скоростью улитки. Роуз любила суету Мейфэр, но сегодня эти толпы напоминали ей, что скоро наступит полдень. Не пройдет и часа, как ее отец сядет за стол с маркизом Косгроувом.

И совсем не помогло делу то, что прошлой ночью Джеймс проиграл в фараона еще сорок фунтов, — небольшая для него потеря, но очередной удар по семье, совсем не подготовленной к этому. Роуз пыталась поговорить с братом, уломать его, но было ясно, что Косгроув имел на него большее влияние, чем она.

Она должна быть благодарна, что маркиз предложил семье замену долговой тюрьме, хотя она не понимала, почему он решил, что ее замужество стоит десяти тысяч фунтов. Они встречались два раза случайно, очень коротко, и оба раза она дала понять, что относится к нему с презрением.

— Роуз, — прервала ее мысли Мэгги, — дядя Эскотта достаточно богат. Если твоему отцу удастся выторговать отсрочку до нашей свадьбы, Эскотт мог бы убедить лорда Полбриджа одолжить эти деньги твоему отцу.

— Тебе еще не сделали предложения, Мэгги. Ты только день или два называешь его по имени.

— Ты думаешь, он не попросит моей руки?

— Я только говорю, что Косгроув хочет, чтобы мой отец заплатил долг Джеймса. Самое большее, что сможет сделать отец, — это отложить объявление о помолвке до конца месяца. Точнее, на двадцать шесть дней. Я предпочитаю факты, а не волшебные сказки. А что Эскотт сделает тебе предложение, я не сомневаюсь.

Лицо кузины просияло.

— Надеюсь... А тебе сочувствую. Право, не знаю, что тут можно придумать.

Роуз и сама безуспешно искала выход. Всю ночь она пролежала без сна, пытаясь найти способ достать эти десять тысяч фунтов. Ничего не приходило ей в голову, если не считать продажи Джеймса пиратам. Как бы ни была забавна эта мысль, в эту минуту она чувствовала себя просто... раздавленной.

— Пойдем же, Роуз. Давай купим ленты для прически. Это поднимет тебе настроение.

Свалившийся с неба мешок с деньгам и по-настоящему поднял бы ей настроение. Роуз кивнула, стараясь улыбнуться:

— Да, это как раз...

Внезапно она натолкнулась на встречного прохожего. Книга выскользнула из-под ее руки и упала на землю. Приготовившись извиниться перед человеком за свою неловкость, Роуз обернулась и застыла на месте.

— «История Нового Света», — прочитал он, подняв книгу.

На нее смотрели черные, как уголья, глаза. Она никогда не видела таких глаз. Впечатление от этого прямого пристального взгляда... пугало. Мэгги рядом тихонько ахнула.

— Благодарю зато, что подняли мою книгу, сэр, — сказала Роуз, стараясь сдержать неожиданную дрожь в голосе. — Могу я ее взять?

Мужчина склонил набок голову, и прядь угольно-черных волос упала ему на лоб. Он был одет во все черное, заметила она. Лишь белый воротник рубашки и незатейливо завязанный белый шейный платок несколько смягчали строгость его одежды. Он снова перевел взгляд на книгу.

— Вас интересует Америка? — спросил он низким приятным голосом, который проникал в душу.

— Люблю узнавать новое, — ответила она и протянула руку за книгой.

Уголки его губ дрогнули, и он медленно передал ей книгу.

— А я мог бы научить вас кое-чему, леди Розамунда, — тихо произнес он.

Последний раз взглянув на нее своими черными как ночь глазами, он повернулся и исчез в толпе, как будто никогда и не появлялся. Как будто она создала его в своем воображении.

— О Боже! — шепнула Мэгги и сжала ее руку. Роуз вздрогнула.

— Что? Ты его знаешь?

Мэгги затрясла светлыми волосами:

— Нет. Но я слышал о нем. Как и ты.

— Кто же он? Ради всего святого! Он назвал мое имя. — И то, как он произнес его, и что он сказал... ей захотелось покраснеть, но только незаметно.

— Святость не имеет к нему никакого отношения. Мой отец однажды указал мне на него и велел держаться от него подальше.

— Мэгги!..

— Это был лорд Брэмуэлл Лаури Джонс.

Брэм поднял крышку карманных часов. Если Абернети должен встретиться с Косгроувом в полдень, то он опаздывал.

— Пошел, Титан, — приказал он, ударив в бока черного коня. Они помчались галопом, с быстротой, которую только позволяла обстановка на Пэлл-Мэлл в этот час.

Если бы девушка не провела так много времени в этой чертовой библиотеке или если бы он поборол себя и шагнул через порог хранилища книг, чтобы поближе рассмотреть ее, он мог бы сберечь немного времени. Но бывают препятствия, которые даже он не мог преодолеть. Одним из них было посещение публичной библиотеки.

Книга, которая выпала из ее рук, удивила его, он не предполагал, что она читает подобную литературу. Наверное, потому, что заранее составил свое представление о ней. Она была серой

мышкой, со слабым характером, близко посаженными глазами, в платье с воротником до подбородка, игривым смешком, неспособной вести разговор, а книга должна была быть одной из этих ужасных готических развлекательных историй, которые молодые девицы находили очень романтическими.

Ее глаза не были близко посаженными. Они были зеленые, он это прекрасно запомнил, и хорошо гармонировали с ее темно-рыжими волосами, и смотрели прямо ему в лицо. Женщины не часто делали это. Невзрачные девицы заведомо опускали взгляд.

Ее отец был прав, когда говорил, что в ней нет ничего особенного, что грудь у нее маловата, а рот чуть великоват. Ее рост был на несколько дюймов выше того, при котором женщина считалась миниатюрной, и он разглядел на ее переносице полдюжины веснушек.

Подъехав к дверям клуба, он спрыгнул с Титана и бросил поводья подошедшему запыхавшемуся груму, который сопровождал его.

— Выгуляй его, Реддинг, — распорядился он. — Я ненадолго.

— Хорошо, милорд.

В дверях его приветствовал швейцар:

— Лорд Брэмуэлл, добрый день.

— Спасибо, Джоунс. А Косгроув здесь?

— В столовой. Он ожидает господина...

— Да, я знаю. — Брэм прошел через вестибюль в большую темную, с деревянными панелями столовую.

В ней пахло жареной дичью и вином. Даже в такой ранний час более половины столов занимали сливки мужской части лондонской аристократии. Во всей этой растущей полуденной толпе выделялся человек, сидевший в дальнем углу комнаты. По меньшей мере один незанятый стол отделял его от остальных обедающих.

— Кинг, рад видеть тебя, — сказал Брэм, садясь на стул напротив маркиза. Обычно он не любил сидеть спиной к залу, Косгроув тоже этого избегал, но он пришел первым.

— Брэмуэлл, странно видеть тебя в таком приличном обществе. — Маркиз взял бутылку портвейна, стоящую в центре стола, и налил бокал Брэму.

— Могу сказать то же о тебе.

Бледно-голубые глаза на мгновение остановились на Брэме.

— У меня гость к ленчу. Дело. Я бы избавился от него. Если бы мог.

— Да, ты же готовишься к свадьбе. — Брэм отхлебнул слишком сладкого вина, единственного, которое пил Косгроув до наступления ночи. — Пришел заранее тебя поздравить.

Брэму хватило бы пальцев одной руки, чтобы пересчитать случаи, когда Кингстон Гор бывал по-настоящему удивлен, и это был один из них. Выражение его лица не изменилось, но зрачки глаз сузились, и этого было достаточно.

Если посмотреть на него со стороны, Кингстон Гор, маркиз Косгроув, очень напоминал ангела, спустившегося с небес. Непослушные золотистые волосы, белая кожа, бледно-голубые глаза, стройная высокая фигура — поэты могли лишь мечтать о таких героях. Но, будучи знакомым с ним в течение тринадцати лет, Брэм знал: бледность его кожи объяснялась тем, что он редко выходил из дому в дневное время, и абсентом, который маркиз пил почти каждый вечер. Ангельские черты лица были всего лишь маской, которую уместно носить на маскараде, а существо, прятавшееся под ней, было бессердечно и бездушно, и весьма этим довольно. Что касается его возраста, он никогда не называл его, но Брэм догадывался, что ему больше тридцати.

— Надеюсь, — выдавил Косгроув, — ты сообщишь мне, кому заплатил за эти сведения?

— Я держу своего оракула в винном погребе. Он расскажет все, что я захочу узнать.

— Гм... Все? — Кинг в который раз обвел взглядом комнату. Вероятно, у него в этом помещении было больше врагов, чем у Брэма.

При других обстоятельствах Брэму бы не понравилось быть в чем-то на втором месте — в игре, сексе, неприличном разговоре, скверных привычках. Однако когда победителем состязания оказывался Кингстон Гор, второго за ним места было достаточно, чтобы удовлетворить Чингисхана или Брэма Джонса.

— Все, что имеет хоть какое-то значение, — вслух сказал он.

— Выходит, ты знаешь, что я решил сегодня встретиться за ленчем с лордом Абернети.

— Мне интересно, — с хмурым видом осведомился Брэм, — почему ты решил жениться и почему на этой леди Дэвис?

Косгроув скривил губы в холодной улыбке.

— Потому что она хорошей породы, а у ее семьи нет другого выхода. И потому, что она родит мне наследника и не посмеет возражать против моих... привычных занятий.

Маркиз снова посмотрел за спину Брэма.

— Абернети, дружище, спасибо, что согласились встретиться со мной здесь. Боюсь, вы страшно заняты эти дни, ваша светлость.

Брэм невольно напряг внимание. Проклятый Косгроув! Так вот о чем он говорил! За спиной Брэма появился герцог Левонзи. И по приподнятым бровям маркиза, приглашавшего жестом обоих мужчин сесть, было понятно, что он знает, как неловко чувствует себя Брэм.

— Я здесь только по просьбе Абернети, — заявил герцог, переводя взгляд своих серых как сталь глаз, словно не замечая Брэма, на Косгроува. А тот скосил взгляд на «третьего лишнего».

— Ты остаешься, Брэмуэлл? Я знаю, ты не переносишь деловые разговоры.

Брэм подумал, не остаться ли и в самом деле, но когда представил, что предстоит целый час выслушивать рассуждения отца, решение было принято. Он отодвинул стул и встал.

— Я ухожу. — Брэм кивнул Абернети. — Можете спокойно продавать вашу дочь.

Лицо графа помрачнело.

— Я...

— Не обращай внимания на этого дурака, Льюис. Он не разбирается ни в долге, ни в приличиях. — Герцог жестом заказал бутылку вина.

— Не могу с этим спорить. Я только скажу, что никогда не был счастливее, чем в тот момент, когда узнал, что меня не считают приличным джентльменом, Косгроув. — Еще раз кивнув, Брэм пробрался сквозь лабиринт столов и вышел на улицу.

Подъехал Реддинг, ведя на поводу Титана, и Брэм вскочил в седло. Сложность состояла в том, что он не знал, куда ему ехать. Он мог вернуться домой и хорошенько поспать... или поехать к Фину и убедить его где-нибудь позавтракать.

Чего ему на самом деле хотелось, так это подольше поговорить с леди Розамундой Дэвис. Его ничего не должно было интересовать в ее судьбе; слава Люциферу, браки по расчету были старше египетских пирамид. Но, в то же время, этот брак возбуждал в нем любопытство.

Он понимал Косгроува и его побуждения. Маркиз решил, что ему нужен наследник собственной крови и имени, который вытеснил бы его робкого младшего кузена Томаса Уайта из числа наследников. Будучи Косгроувом, он выбрал жену, которой он будет управлять и которая будет придавать респектабельность семье, в то время как маркиз беспрепятственно продолжит развратничать, пьянствовать и играть в карты.

А что в этом плохого? Ничего, полагал Брэм, за исключением того, что нареченная Кинга берет книги по истории колоний. Он привык быстро оценивать человека, и даже по нескольким словам, которыми они обменялись, он понял: она не была заурядной, бесхарактерной девушкой, которая бы, не протестуя, мирилась с ролью мишени для шуток. Но он и раньше ошибался.

Редко, но такое случалось.

Вероятно, он чего-то в ней не разглядел. Он любил разгадывать тайны, а здесь пахло чем-то загадочным. В конце концов, Косгроув мог быть хорошим учителем, но и Брэм был отличным учеником. И если что-то сложится в его пользу, то следует разобраться в этом.

Он снова посмотрел на свои карманные часы. Еще нет половины двенадцатого. Куда, сказал этот щенок Джеймс, он сегодня поедет? Обычно лорд Лестер столько болтал, что Брэм вообще перестал его слушать. Но должно же быть что-то...

— Поехали, Реддинг, — обернулся он к груму, пуская Титана рысью. — Едем в клуб «Джентльмен Джексон».

Грум даже и глазом не моргнул.

— Хорошо, милорд.

Спустя минут двадцать он вошел в боксерский зал и задал себе вопрос, что же он делает. Участие в интригах Косгроува никому никогда не приносило пользы, и он не верил, что расследование чего-либо оправдывает себя. Это все его проклятое любопытство, полагал он. Ну ладно. Немного сведений ему не помешают.

— Послушайте! Лорд Брэм!

Сдержав вздох, Брэм оглянулся и увидел сына и единственного наследника графа Абернети. По крайней мере не придется обыскивать весь Лондон в поисках мальчишки.

— Лестер!

Юноша радостно улыбнулся:

— Вот уж не ожидал увидеть вас в клубе «Джентльмен Джексон»!

Брэм поднял бровь.

— Почему же? Ты думаешь, я не способен защитить себя в драке?

Лорд Лестер покраснел.

— Нет. Конечно, нет. Просто... вам, кажется, больше подходят... шпага и пистолет.

— Согласен. Кулачные бои вульгарны. — Он нашел взглядом самого Джексона и кивнул. Улыбнувшись, боксер продолжал урок. Брэм снова обратил свое внимание на молодого виконта. — Раз уж мы встретились, почему бы тебе не позавтракать со мной?

— Обязательно, старина. Подождите, я только оденусь. Пока виконт торопливо одевался, Брэм думал, что его хитрость удастся. Первоначально он собирался нанести визит мисс Элоизе Блэнчард, чтобы немного развлечься после утренней репетиции актрисы. Но, пожалуй, таким удовольствием придется пренебречь — ради застолья с этим идиотом.

— «Уайте»? — спросил Лестер, когда они сошли с лошадей и передачи поводья Реддингу.

— Здесь подают прекрасного фазана, — заметил Брэм. Однако на лице его спутника промелькнула тень разочарования. Казалось, выбор Брэма его огорчил. — А ты думал, куда мы едем?

— Я надеялся, что вы отвезете меня в «Иезавель». Косгроув расхваливает этот клуб уже несколько недель. Вчера я попробовал туда войти, но, очевидно, надо знать пароль, или секретный стук, или что-то еще.

Или заплатить шиллинг парню у дверей. Печальная задумчивость виконта выглядела довольно забавно.

— В «Иезавель» ходят не для того, что бы поесть, Джеймс.

— Да, но столы для фараона — просто загляденье. Швейцар принял у них шляпы и перчатки, и Брэм почувствовал смутное беспокойство. Он был азартным игроком, но никогда не проигрывал больше того, что мог себе позволить. А этот дурачок явно преувеличивал свои скромные возможности. Поэтому и наделал долгов.

— Ты полагаешь, мы увидим здесь твоего отца? — небрежным тоном спросил Брэм.

Лестер покачал головой:

— Нет, отец встречается с Косгроувом. Он запретил мне там появляться. — Юноша пожал плечами, следуя за официантом, проводившим их к столику у окна. — Я, правда, настаивал, что должен быть там, ведь Косгроув все-таки мой друг.

Косгроув никому не был другом, даже тем, кто знал его уже лет десять. Брэм считал Кинга наставником, а в последнее время скорее просто знакомым, с которым у него были общие интересы и склонность к цинизму и безнравственности.

— Не мое дело, конечно, но что твоему отцу нужно от Кингстона Гора?

На минуту Лестер растерялся.

— Я должен Косгроуву немного денег. Они обсуждают условия выплаты.

— Вот оно что...

— Я говорил отцу, что мог бы отыграть эти деньги, но он обращается со мной как с ребенком.

Брэм пытался вспомнить, когда он сам был таким же глупым и наивным, как Джеймс Дэвис, но ничто не приходило ему на ум. С детством он распрощайся, когда ему исполнилось шестнадцать. Он даже помнил этот день. Семнадцатое мая. Именно тогда он впервые встретился с Кингстоном Гором и сознательно продал душу этому дьяволу.

Возможно, существовала разница между тем, как он тогда жил, как находил уязвимые места светского общества, и тем, как вел себя молодой Джеймс. Виконт хотел, чтобы в семье его считали взрослым. Брэм же намеревался изведать все пороки, известные человеку, а если возможно, то и изобрести новые. Но было трудно вырваться из когтей Кинга, хотя он и пробовал.

Подошел официант и прервал воспоминания Брэма. Они оставили неприятный осадок, и он решил, что вряд ли имеет смысл беречь свою память. Особенно в людном месте. И все этот проклятый разговор, который он подслушал прошлой ночью. Граф Абернети и герцог Левонзи имели больше общего, чем они, вероятно, предполагали.

— Что прикажете, милорд?

Боже, он все еще находился во власти воспоминаний. Сколько можно?!

— Фазана, — попросил он, — и бутылку вашего самого лучшего кларета.

— Сию минуту, милорд, — поклонился официант.

— А что вы думаете о Воксхолл-Гарденс? — спросил Лестер, устраиваясь поудобнее. — Мой отец говорит, что это не место для джентльмена, а я слышал, что их посещает сам Принни.

— Я по возможности избегаю появляться там. Если только вам по вкусу грошковые развлечения... А меня они мало привлекают.

Виконт наморщил лоб:

— О, я и не предполагал...

— А как ваш отец расплатится за твои долги? Косгроув не единственный, кому ты должен. — Кстати говоря, мальчишка и ему задолжал несколько сотен фунтов. Когда Косгроув начал забавляться с этим щенком, Брэм держался в стороне от известного зрелища — бодался волк с ягненком. Но свой вопрос он задал не без задней мысли.

Лестер небрежно отмахнулся:

— Судя по тому, что он не хотел моего присутствия, я думаю, разговор меня не касался.

— Видимо, так.

Брэм налил себе кларета и поднял бокал.

— На какое суаре в следующий раз поедет твоя семья?

— Сегодня мы все направляемся в Клактон-Хаус. Леди Клактон — тетка моей матери. Ужасно скучная, но отец настаивает, чтобы я поехал.

Лорд и леди Клактон... Эти двое до сих пор пудрили волосы и выглядели какими-то призраками прошлой эпохи. Однажды, находясь не в самом трезвом состоянии, он поклялся, что скорее повесится, но никогда больше не переступит порога их дома. Однако, вернувшись после встречи с Лестером домой, он отоспал несколько запоздалое согласие принять их приглашение. Что же касается причины, заставившей его пойти на такую жертву, то он не мог найти достойного объяснения даже для самого себя. Должно быть, он не понял чего-то в происходящем вокруг, а он терпеть не мог, когда тайна оставалась неразгаданной. Даже если ему может не понравиться разгадка.

Розамунда Дэвис неторопливо выбирала платье и причесывала волосы. Она была глубоко убеждена, что внешний вид женщины так же важен, как доспехи для рыцаря, а она в этот вечер одевалась для предстоящей битвы.

— Вы прекрасно выглядите, леди Роуз, — сказала ее горничная с улыбкой восхищения.

— Спасибо, Марта. Я думаю, лучше надеть жемчуг, — прикинула Роуз, придирчиво рассматривая себя в зеркале. Фальшивые изумруды выгодно подчеркивали ее зеленые глаза и светло-зеленый с сероватым оттенком цвет платья, но жемчуг придавал наряду изысканность. В этот ничем особенно не примечательный вечер ей хотелось показать себя с лучшей стороны. Что-то такое подсказывало ей чутье...

Она всегда следила за порядком в доме и за тем, чтобы ее семья производила на окружающих благоприятное впечатление, насколько это было возможно. В большинстве случаев посторонние едва ли подозревали, каких трудов ей это стоило. Составлять меню, присматривать за слугами, проверять хозяйственные расходы... А теперь, после ночного разговора с родителями, она чувствовала себя так, будто ей дали пинка. Спустя двадцать лет они вдруг увидели в ней не столько родную дочь, сколько средство погашения долга. И она впервые подумала — не слишком ли большую цену ей придется заплатить за чужие грехи?

В дверь ее спальни громко постучали. — Пойдем, Роуз, — позвала ее мать. — Твой отец не желает опаздывать. Поторопись!

Они уже опаздывали, но об этом знала только она. Розамунда не ответила матери, главным образом потому, что хотела проверить — осмелится ли леди Абернети войти в ее комнату? Поскольку после возвращения ее отца с того ленча родители старательно избегали ее, она несколько не удивилась, когда услышала шаги матери, направлявшейся к лестнице.

Роуз презрительно фыркнула. Хорошо. Прекрасно! Наконец-то в глазах семьи она оказалась полезной. Однако она была рада, что в грязную историю попала она, а не Беатриса; ее сестра едва ли стала бы безропотно переносить косые взгляды. Она явно была не парой для Косгроува. А вот ей была уготована эта жертва. За какую провинность, интересно?

В дверь опять стукнули.

— Роуз!

Джеймс. Она поморщилась, встала и подобрала свои белые лайковые перчатки. Вчерашняя беспечность брата неприятно удивила и даже испугала ее. Теперь же его поступки казались почти преступлениями. А он, без сомнения, останется безнаказанным. Вздохнув, она открыла дверь.

Брат уставился на нее и отступил на шаг назад.

— Вот ты где. Я уж думал, ты собираешься прятаться всю ночь.

— Я не сделала ничего такого, чтобы от кого-то скрываться.

Она посмотрела ему в глаза, пытаясь понять, когда же его юношеская беспечность перестала быть забавной, а сделалась невыносимой. Ее не удивило, что он поспешил отвести взгляд.

— Неужели ты не чувствуешь никакой вины за то, какое горе причинил нашей семье и мне лично?

Юноша нахмурился.

— Отец поступил неправильно, — забормотал он, следуя за ней по лестнице. — Ему следовало разрешить мне поговорить с Косгроувом. Он же мой близкий друг, и я мог бы поиграть с ним на деньги. В фараоне я почти непобедим. Это он сам сказал мне.

— Джеймс, ты задолжал ему больше, чем стоит весь этот дом. Осмелюсь предположить, что я могла бы сыграть в эту игру лучше тебя. По крайней мере остановилась бы, когда начала проигрывать.

— Если остановишься, проигрывая, то никогда не вернешь своих денег.

— Идиот!

— Ты не должна так со мной разговаривать, Роуз! — огрызнулся он. — Мне уже не пятнадцать.

— Конечно, тебе восемнадцать, но ты ведешь себя как двухлетний ребенок.

— Это неправда, — заявил он. — И я не знаю, почему ты разозлилась. Косгроув думает, что ты стоишь десяти тысячи фунтов. Ты царица Савская.

— Если ты о нем такого высокого мнения, то сам и выходи за него замуж.

— Ты его совсем не знаешь. Сегодня он придет на суаре, а он этого никогда не делает. Он хочет увидеться с тобой.

Неприятная дрожь пробежала по ее спине.

— Увидеться со мной? — повторила она. — Если бы он хотел... поухаживать за мной, он мог бы приехать сюда и пригласить покататься. А не покупать меня за цену карточного долга.

— Отец заставил его согласиться подождать с объявлением о помолвке до конца месяца, так что теперь он может пригласить тебя покататься. Я надеюсь, он тебе понравится.

Все происходило как в дурном сне. Она спустилась в холл, где отец строго посмотрел на нее, и они направились к ожидавшей их карете. Понимают ли родители масштабы нависшей опасности? Косгроув мог согласиться простить долг Джеймса, но, женившись на ней, маркиз приобретал постоянное место в жизни ее слабоумного брата. Десять тысяч фунтов могли оказаться всего лишь аперитивом. Он бы прибрал к рукам состояние всей семьи, дайте срок.

Каковы бы ни были планы Косгроува, он просчитался. Он мог втереться в их жизнь, но в то же время и она займет место в его жизни. И как бы она сейчас ни сердилась на родных, она оставалась одной из Дэвисов. Той самой, на которой держалось благополучие семьи. И она не будет стоять в стороне и смотреть, как они погибают. Не будет! А в чем это выразится, время покажет.

Она села в карету с твердым намерением молчать всю дорогу до Клактон-Хауса. В эту минуту она предпочитала быть предоставленной самой себе и терзаться, воображая с некоторой долей удовлетворения, как ее родители во всеуслышание объявят на весь Мейфэр, что после месяца положенного ухаживания их дочь выходит замуж за всем известного негодяя. Да, быть оскорбленной и возмущенной было намного легче, чем молчать и думать, что ее долг, долг дочери, требует выйти замуж за этого ужасного человека.

— Розамунда, — резко сказал ее отец, — ты знаешь, что никому из нас не нравится создавшееся положение. — Он бросил сердитый взгляд на Джеймса, сидевшего рядом с ней. — Но я ожидаю, что ты будешь вести себя прилично и держать язык за зубами.

— Конечно, отец.

Джеймс заерзал на своем сиденье.

— Не понимаю, почему это такая уж жертва со стороны Роуз... Я думаю, что Косгроув очень великодушен. И он знает все и обо всем.

— Лорд Косгроув простил твои текущие долги, Джеймс, — проворчал отец. — Мне больше нечего ему дать... или некого, так что прошу, больше не поступай так.

— Да, Джеймс, — подтвердила Роуз, — еще раз разоришь семью, и тебе придется ответить за это.

— Ха! Вы думаете, Косгроув и его дружки принимают меня за слабака? Это совсем не так. Как раз сегодня Брэм Джонс пригласил меня на ленч, и мы поехали в «Уайте». Никакой игры, и

он даже спросил меня, что я собираюсь делать вечером, и сказал, что может тоже туда поехать.

Дрожь снова пробежала по спине Роуз. Должно быть, лорд Брэмуэлл встретился с Джеймсом сразу же после их... неожиданного короткого разговора. Что он задумал? Не хватало только, чтобы лорд Брэмуэлл Лаури Джонс ввязался в эту историю и стал комментировать ее во всеуслышание. Она могла считать себя обязанной терпеть лорда Косгроува, но никто не выдвигал никаких условий относительно лорда Брэма.

Обычно посещение ежегодного суаре тетушки и дядюшки Клактонов было скучной обязанностью. Эти тихие празднества редко привлекали кого-то, кроме пожилых людей, которые возвращались домой рано, чтобы, самое позднее, к одиннадцати часам уже быть в постели. Поэтому большое скопление экипажей, заполнивших улицу перед Клактон-Хаусом, вызывало удивление.

— Господи! — воскликнула ее мать, когда они вышли из кареты. — Уж не ожидается ли здесь появление самого короля?

— Меня уже ничем не удивишь, — ответил лорд Абернети с помрачневшим лицом. И не потому, что приближался момент, когда он увидит человека, которому продал свою дочь, но скорее всего потому, что здесь будет больше свидетелей, чем он мог бы ожидать.

Запыхавшийся дворецкий провел их в холл.

— Лорд Абернети, пожалуйста сюда! — Он указал на лакеев, толпившихся у входа. — Десмон поможет вам раздеться.

— Что сегодня происходит, Уилтерн?

— Очень много приглашений было принято в последнюю минуту, милорд. Лорд Клактон беспокоится, что у нас не хватит мадеры на вторую половину вечера.

— Но ведь у него винный погреб, — удивился отец Роуз.

— Так за него он и боится.

Роуз все еще чувствовала себя не в своей тарелке, когда они оказались в бальном зале на втором этаже. Там толпилось так много гостей, что она чуть не потеряла мать из виду. У нее появилась надежда. Может быть, Косгроув не найдет ее? Может быть, увидев столько экипажей перед домом, он решит отказаться от этого суаре в пользу посещения одного из тайных грязных притонов?

Тут она увидела его и похолодела. На нем был светло-коричневый сюртук, отчего его волосы казались почти золотыми, — под облачением ангела скрывался демон. Ей стало страшно, и она невольно попятилась. Чем дальше она сможет избегать разговора с ним, тем лучше. Ей ужасно хотелось оттянуть неизбежное.

Она поспешно отвернулась, чтобы он не успел заметить ее, и неожиданно увидела другого негодяя. У лестницы стоял лорд Брэмуэлл в обществе двух молодых леди и высокого темноволосого мужчины со шрамом на правой щеке. Обе леди смеялись чему-то сказанному сыном герцога Левонзи.

Оглянувшись еще раз на Косгроува, она придвинулась поближе к ним и услышала обрывок разговора.

— ...не думаю, что вы боялись меня, — усмехнулась более молодая леди. — Пока я не приехала в Лондон, я и понятия не имела, какая у вас ужасная репутация, о чем мне все время твердил Фин. И вы поступили очень мило, сбежав от меня.

Брэм Джонс кашлянул.

— А я продолжал убеждать вас, что у меня отвратительная репутация. Вы же пытались испугать меня своей... невинностью. Я до сих пор содрогаюсь, Бет.

— Но я не скажу о вас ничего плохого, как бы вы ни старались.

— Ну и напрасно, моя дорогая. А вы, Элайза? Вы-то, наверное, можете найти во мне что-

нибудь отвратительное?

— А почему ты не спрашиваешь меня? — улыбнувшись, спросил мужчина со шрамом.

— Не вмешивайся, Фин.

Вторая женщина прислонилась к плечу этого Фина.

— А я рада быть вам другом, Брэм, И еще больше рада не быть вам врагом.

Брэм кивнул:

— Звучит как сомнительный комплимент, ко приятно слышать.

В этот момент Брэм увидел леди Розамунду Дэвис. Она поспешно отвернулась и сразу же, взглянув в сторону Косгроува, решила скрыться от человека, который еще не успел увидеть ее. Господи, что же можно выбрать из двух зол?

— Извини меня, Фин, — бросил приятелю Брэм и отправился следом за леди Розамундой. — Я бы не советовал бежать, — тихо сказал он, догнав ее. — Вы не так одеты для побега.

Она остановилась и оглянулась.

— Лорд Брэмуэлл Джонс, — почти без дрожи в голосе сказала она.

Он наклонил голову:

— Вы узнали, кто я.

— Да. Ваши проступки прославили вас. Или, вернее, создали вам дурную славу. Я надеялась, что Джеймс познакомит нас еще накануне.

Легкая улыбка скользнула по его губам. Она не боится его. Но и не выглядит глупой, какой ей надо было быть, чтобы желать познакомиться с ним — джентльменом с Ужасной репутацией.

— Смею спросить: почему вы на это рассчитывали, леди Розамунда? — Ему нравилось, как звучит ее имя.

— Потому что я хотела разбить вам нос за то, что поощряете моего брата вести легкомысленный и порочный образ жизни.

Брэмуэлл рассмеялся. Боже, женщины уже давно перестали удивлять его, а ей все же это удалось. Дважды за один день, если считать ту нелепую историческую книгу, взятую ею в библиотеке.

— Вы несправедливы, — усмехаясь, сказал он. — Поверьте, каждый человек находит свой собственный путь к пороку. Я не несу ответственности за чужие грехи. Своих хватает.

— А вы чувствуете себя виноватым за его проигрыши в карты?

Брэм пожал плечами:

— Ваш братец должен мне несколько сотен фунтов. — Склонив голову набок, он сделал следующий ход в этой шахматной игре. — Сделайте для меня кое-что, и я прощу его долг.

— Что же вы хотите? — прищурилась Роуз.

Она не сразу поняла, насколько интересен этот вопрос. А у него не было ответа. Пока что не было. Он постарается найти его.

— Обещайте мне один танец, — сказал он.

Бросив на него короткий взгляд, леди Розамунда скрестила руки на своей далеко не пышной груди.

— Я не стану танцевать с вами.

«Нет, будешь, дорогая!» Сила противодействия немного встревожила его, но он успокоил себя. Ему больше нечем заняться, он просто флиртует.

— Если брак стоит десять тысяч, то я наверняка могу получить вальс за триста. Согласитесь, я силен в арифметике.

Ее пальцы сжались в угрожающе выглядывшие кулачки.

— Так вы знаете о долге? Он кивнул.

— Если бы я был в курсе, что предлагается в оплату долга, я мог бы выиграть у вашего брата сумму побольше.

— Я не продаюсь.

Он, наверное, мог бы поспорить с ней, но по ужасу, на мгновение мелькнувшему в ее зеленых глазах, понял, что его шутливый тон вряд ли уместен. Зачем он напомнил о крупном проигрыше ее брата? Разве его привлекают деньги? Ему хотелось уступчивости с ее стороны как награды за широкий жест. А какой была ее награда? Брак с Костроувом?

Она хотела отвернуться от него, но он тронул ее за плечо. Слегка. Даже сквозь шелк ее платья он словно обжег свои пальцы и быстро отдернул их.

— Попробуем договориться, — продолжал он, когда она снова повернулась к нему.

— Я не понимаю, о чем вы говорите...

— Как только весь Мейфэр услышит, что вы выходите замуж за Кингстона Гора, очень немногие джентльмены рискнут пригласить вас на танец. Однако если вы не откажете мне сегодня, то я буду танцевать с вами и потом, когда больше никто этого не захочет. И к тому же прощу долг вашему брату.

Ему хотелось дотронуться до нее, узнать, почувствует ли он опять этот странный жар, но в то же время Брэм был озадачен. Он любил секс, и все женщины в этом смысле были для него почти одинаковы. Прикосновение к женской руке никогда раньше не обжигало его, тем более сквозь одежду.

Зеленые глаза пристально смотрели на него присущим только ей одной пронизательным взглядом.

— Вы простите долг Джеймса?

— Да.

— И вы больше не станете с ним играть?

— Это стоит два танца.

Розамунда взглянула в сторону своих родителей, которые, судя по всему, намеренно ушли в другой конец зала, оставив ее одну. Недалекие люди, позволившие своему сыну взвалить на них его долги и принесящие свою дочь в жертву. Поэтому в их невнимании к ней не было ничего неожиданного.

— Сомневаюсь, что здесь танцуют вальс, — предупредила она.

Он поморщился. Хозяева — старомодные ослы в пудренных париках, застрявшие с музыкальными пристрастиями в прошлом веке.

— Тогда на сегодня кадрили. И обещаю вальс на вечере, который вы в следующий раз посетите.

— Пожалуй, — ответила она, помедлив. Он снова усмехнулся:

— Договорились. — Брэм протянул руку: — Пожмем друг другу руки в знак нашего соглашения?

Она раскрыла рот, а ему внезапно захотелось поцеловать ее. Еще одна странность, потому что он редко целовался. Что бы с ним ни происходило, это было связано с ней. Когда она положила ладонь на его руку, теплая волна прокатилась по его спине и ударила в пах. Ему потребовалось больше самообладания, чем обычно, чтобы не заключить ее в объятия.

Леди Розамунда тихонько вздохнула и поспешно убрала руку, сжимая при этом пальцы. Боже, она чувствовала тоже самое. Он посмотрел на нее, не зная, что сказать. На его плечо опустилась чья-то рука. — А, Брэмуэлл, я вижу, ты уже познакомился с моей нареченной! — воскликнул Кинг, впиваясь взглядом в Розамунду.

— Да, я только что поздравил ее, — сказал Брэм спокойным голосом, заметив, как

поблелдела почти нареченная Кинга. — И даже выпросил себе кадрили, — продолжал он, — поскольку здесь, по-видимому, вальс запрещается.

— Это безобразие! — возмутился Косгроув. — Где же еще, кроме вальса и супружеской постели, мужчина и женщина могут быть так близки друг другу? — усмехнулся он. — Разве что в борделе, в чулане, в закрытой карете или... на особом вечере, разве не так?

Розамунда снова густо покраснела. — Извините меня, милорды, — сказала она, присев в реверансе. — По-моему, меня зовет моя мать.

Брэм перевел взгляд на удаляющуюся от них Роуз. Он уже и раньше слышал от Косгроува точно такую же речь, но в том случае женщина не была шокирована и не была невинной.

— Думаю, мне надо пойти за ней, — сказал Кинг. — Наверное, ее мать и сестры также фригидны.

— Так зачем они тебе? — спросил Брэм с необходимой долей веселого цинизма. На этот раз его тон показался ему неуместным, потому что, к его удивлению, он не находил в своем вопросе ничего смешного.

— Зачем? — повторил Кинг. — Да потому, что всё это будет очень, очень забавно. Могу предположить, что через полгода ты даже не узнаешь праведную, сдержанную леди Роуз Дэвис. — Он с силой сжал плечо Брэма. — А ее чертов отец вынудил меня дать им месячную отсрочку. Очевидно, ему хочется, чтобы это выглядело как брак по любви. Скорее всего это дело рук Левонзи, что делает игру еще интереснее. Поэтому никому не рассказывай об этом соглашении, ладно?

Да уж, затея на все сто.

— Буду молчать как могила.

— Лады! — Похотливые глаза смотрели вслед Розамунде. — Взгляни на нее, Брэмуэлл. Она думает, что может устоять передо мной... Это очень возбуждает меня!

Косгроув убрал руку с его плеча и направился туда, где рядом с матерью стояла Розамунда, делавшая вид, что ее интересуется бессмысленный разговор этой женщины со своим мужем. Брэм заказал еще бокал виски. У него стеснило грудь, и он, сделав большой глоток, повернулся к ним спиной и стал рассматривать заполненный гостями коридор.

Он и раньше видел, как люди попадали в когти маркиза Косгроува. Вероятно, у Кинга в его Гор-Хаусе на каминной полке выстроились ряды урн с прахом погубленных душ. Некоторые из них искали популярности. Другие не знали, что попали ему в лапы просто потому, что по какой-то причине привлекли к себе внимание Косгроува. Брэм считал, что, вполне вероятно, он оставался единственным из бывших зеленых юнцов Косгроува, кто прекрасно знал, на какой путь вступил, и наслаждался каждой минутой этого жестокого «обучения». На этот раз игра Косгроува не нравилась ему. Розамунда Дэвис не хотела иметь ничего общего с маркизом, а ее принуждали к этому. Она также не желала иметь ничего общего и с ним самим, подумал Брэм, но едва ли мог осуждать ее за это. Он прекрасно знал, что у него черная не только одежда, но и душа. А душа леди Розамунды была... светлой.

Брэм допил виски и отставил бокал в сторону. Да, она была хорошей, а он определенно таким не был, но собирался танцевать с ней эту чертову кадрили, потому что дал слово.

— Не думаю, что имеет смысл тянуть с объявлением, — понизив голос, сказал лорд Косгроув.

Он как будто говорил с ее отцом, но Роуз не могла не заметить, что он не спускал с нее циничного взгляда своих бледно-голубых глаз. От этого взгляда ей хотелось вымыться в ванне.

— Вы согласились на отсрочку, Косгроув. Это укрепит нашу с вами репутацию.

Маркиз кивнул:

— Пожалуй, вы правы. Все будут убеждены, что у нас с Роуз брак по любви, и никто не

обязан знать, как близко была ваша семья к разорению и работному дому. Очень умно с вашей стороны, Абернети.

Роуз видела, что эти слова укололи ее отца, но поскольку это была правда, он мало что мог сказать по этому поводу. Его унизили, лишней раз указали на безвыходное положение, но только она платила самую высокую цену за все это. Что толку теперь препираться?

Брэм Джонс тоже превратил ее в разменную монету, но он хотя бы торговался не за нее, а с ней. И она имела выбор, соглашаться или нет на его условия. Она не ожидала этого от человека с такой репутацией, но, может быть, она еще не знала всех козней, на которые были способны негодяи. В то же время, если бы она случайно не услышала его дружеский разговор с порядочными леди, которым он явно нравился, она бы и не подумала, что будет танцевать с ним кадрили.

Она взглянула на Косгроува и снова отвернулась. Становилось ясно, что ей придется поближе познакомиться с этим негодяем. А как еще избавить семью от унижения? Если бы нашелся хоть один способ избежать постылого замужества... Если это не удастся, ей придется войти в его жизнь. Хм! Видимо, было бы полезно разузнать о нем побольше, особенно если она собирается использовать это знание, чтобы держать Косгроува подальше от Джеймса. Если никто другой не сможет тут помочь, она должна сделать это сама. И надо было подумать о собственной безопасности. Еще не ясно, удастся ли ей защитить себя в этом браке. От мерзавца маркиза можно ожидать чего угодно.

Объявили первую за этот вечер кадрили, и ее сердце тревожно дрогнуло в груди. Лорд Брэмуэлл не сказал, которую кадрили он имеет в виду, но рядом с ней стоял Косгроув, и никто не обращался к ней с просьбой записать себя в ее карточку для танцев. Что там говорить, и в более благоприятных обстоятельствах ее карточка оставалась заполненной обычно не больше, чем наполовину. В этот вечер, казалось, она будет пустой. Брэмуэлл Джонс оказался прав. Видимо, дни, когда она танцевала ради удовольствия, прошли, а она даже не успела попрощаться с ними.

— Извините меня, — тихо произнес за ее спиной голос, который в этот момент возвращал ее к жизни, — но, по-моему, это наш танец, леди Розамунда.

Она повернулась, заметив быстрый взгляд, брошенный Косгроувом на Брэмуэлла. Интересно. Она знала, что они были близкими приятелями, но взгляд маркиза был далеко не дружелюбным. Стараясь не обращать внимания на предостерегающее покашливание матери, намекавшее, что в ее ситуации лучше разговаривать с Косгроувом, чем танцевать с Джонсом, Роуз подала ему руку.

Дрожь пробежала по ее телу, когда он сжал ее пальцы. Он молча вывел ее на середину зала и, выпустив руку, встал в длинный ряд джентльменов. Заиграла музыка, дамы присели, а джентльмены поклонились. Начался танец.

— Не знаю, что и подумать, лорд Брэмуэлл, — сказала она, когда танец свел их вместе.

— Готов помочь, — ответил он, глядя на нее своими непроницаемыми глазами.

— Разве вы с лордом Косгроувом не друзья? На его щеке дрогнул мускул.

— Обычно наши мнения совпадают. А почему вы спрашиваете?

— Я пытаюсь разобраться, какое участие во всей этой истории принимаете вы. И не пытайтесь убедить меня, что наша встреча в это утро была случайностью. Вы знаете Джеймса почти целый месяц, а я познакомилась с вами в тот момент, когда Косгроув таким скандальным способом предлагает погасить долг моего брата! Вы приехали специально, чтобы взглянуть на меня, решить, чего я стою?

— Значит, вы меня раскусили. — И в то же время я не думаю, что друг будущего жениха может сказать его будущей жене то, что сказали мне вы. Они разошлись, покружились в танце,

и затем он перешел на ее сторону.

— Я не признаю светских условностей при знакомстве, — заявил он, не повышая голоса. Роуз чуть не задохнулась.

— Так вы думаете, что нам следовало бы стать... любовниками?

Он на мгновение сжал ее пальцы.

— Да, я именно так и думаю! О Боже!

— А что ваш друг подумал бы об этом? — спросила она, снова сдерживая дрожь в голосе.

— Леди Розамунда, если вы пытаетесь сделать нас противниками в этой игре, то я советовал бы отыскать другой способ. Вечер в вашем обществе кажется мне приятным, но не следует рассчитывать на мои чувства.

— Недавно вы были очень любезны с теми дамами.

— С Элайзой и Бет Бромли? Они мои приятельницы. Я не вмешиваю в подобные игры своих друзей. — Он взглянул на нее. — А вы мне не друг.

Впервые после того, как Роуз увидела его в этот вечер, она почувствовала беспокойство. Этот человек, с которым она танцевала и разговаривала, и раньше губил людей. Женщин губили скандалы, а мужчин — деньги. Он участвовал в битвах с Бонапартом, и ходили слухи, что он убивал и до, и после этой войны. Пьянство, азартные игры, женщины — если верить Джеймсу, лорд Брэмуэлл не переступал порога церкви лет десять, ибо боялся, что гром поразит его прямо у входа.

— Тогда зачем вы здесь, сэр?

Танец кончился, и он остановился перед ней, не обращая внимания на окружавших людей. Он смотрел на нее, черноволосый, в черной одежде — демон. Безупречно сложенный прекрасный дьявол.

— Я решил оказать вам услугу, — наконец сказал он, чуть растягивая слова, и его голос взволновал ее.

Она сложила на груди руки.

— И что же это за услуга?

— Кингстон Гор съест вас живьем, — немного тише пояснил он, раздвигая толпу. — Начиная вашей честью и кончая вашей душой.

— Вы так считаете?

— Я это знаю, потому что много лет назад он проделал все это со мной. — Лорд Брэмуэлл взял ее руку, поднял, пристально и задумчиво осмотрел ее, а затем под-чес к своим чувственным губам. От ощущения теплого прикосновения к ее коже ей захотелось закрыть глаза. О Господи!

— Значит, вы предупредили меня, — сказала она более холодно, чем ей хотелось, и высвободила свою руку. — Благодарю вас. Моя семья требует моего брака с лордом Косгроувом, отступить поздно. Я полагаю, что смогу справиться с ним.

Он покачал головой, и прядь темных волос упала ему на глаза.

— Позвольте усомниться, миледи. — Лорд Брэмуэлл снова взял ее руку, на этот раз положив ее, согласно приличиям, поверх своего рукава. — Я знаю его лучше, чем сам сатана, — продолжал он, не упуская из виду лорда Косгроува, который не спускал с нее своих ангельских голубых глаз.

— А как вы могли бы помочь мне?

— Сбежать вместе с вами.

— Шутите?

— Сам удивляюсь, но, кажется, я говорю это совершенно серьезно.

— Нет! — Роуз снова попыталась сохранить самообладание, пока ее не хватил удар прямо посередине бального зала ее двоюродной бабушки Клактон. — Ради всего святого! Если я буду

прятаться в каком-то... погребу, то это не поможет моей семье.

— Но они продают вас Косгроуву. Как вещь, как товар...

Она посмотрела ему в глаза. Чего он добивается? Человек, не отличающий добро от зла, отвергающий такие понятия, как верность и честь. Как же ему верить?

— Я не люблю свою родню, — шепотом сказала она, когда они приблизились, танцуя, — но это моя семья. Они зависят от меня. Они ждут от меня помощи. — А что касалось ее чувств в создавшихся обстоятельствах, то она не собиралась просвещать его.

Он медленно разжал руки и остановился, ожидая, когда она приблизится к нему.

— Так разрешите мне научить вас играть в эту игру, — тихо произнес он за ее спиной.

Его голос проникал в ее душу. Видит Бог, ей нужна помощь. Ужас и отвращение, которые она чувствовала, глядя на маркиза Косгроува, подтверждали это. Брак. Вся оставшаяся жизнь, связанная с ним. Этого она не могла выдержать. И ее удивляло, что она не испытывала такого ужаса, когда смотрела на его друга. Возможно, именно в нем ее, последний шанс.

Она понимала, что нищие, согласно пословице, не выбирают. Не оглядываясь, Розамунда кивнула. Она будет учиться всему, касавшемуся обитавших в Лондоне дьяволов, и чему сможет научить ее Брэм Джонс, И поскорее. Ведь время неумолимо.

На следующее утро Брэм встал рано. Во всяком случае, рано для него. До полудня оставалось несколько часов, которые надо было чем-то занять.

— Мостин, — сказал он, садясь перед зеркалом, чтобы побриться. — Как давно ты мне служишь?

Слуга раздвинул тяжелые шторы на всех окнах просторной спальни.

— Семь лет, милорд.

— И за все это время ты когда-нибудь замечал, чтобы я сделал что-либо бескорыстно?

— Бескорыстно, милорд?

— Не стесняйся, Мостин. Ты прекрасно знаешь, что я хочу сказать. Какой-нибудь поступок, не принесший мне никакой выгоды, денежной или какой-то другой. Только ответь честно.

— Честно, милорд?

Брэм искоса взглянул на слугу:

— Разумеется.

— Тогда — да, милорд. Я видел, как вы поступили бескорыстно.

— Неправда. — Черт побери, совсем не такую фразу он хотел услышать в это утро. После странностей прошлой ночи. — Когда это?

Слуга кашлянул.

— Я несколько раз видел, как вы оставались на ленч с лордом Куэнсом, даже когда ради этого отменяли свидания с... молодыми леди.

— Ах это... Позволь мне объяснить. Я имею в виду бескорыстные поступки, которые не касались семей Фина Бромли или Салливана Уоринга.

— О... тогда нет, милорд. Я никогда не видел, чтобы вы совершили хотя бы один бескорыстный поступок.

— Точно.

— Хотя вы провели три года в Европе, а я очень мало знаю о том, что вы там делали.

— Там была война. На войне трудно быть бескорыстным.

— Об этом вы уже говорили, милорд.

Вопрос состоял в том, что он надеялся получить за доходчивое разъяснение леди Розамунде Дэвис, что место для души Кингстона Гора — преисподняя. Что же заставило ее принять его предложение? Ведь и его душа была такой же черной, как у Косгроува.

Все, чего он добьется, — это превратит друга во врага. Его предложение не было бескорыстным. Он находил Розамунду интересной, даже интригующей и привлекательной, и это сбивало его с толку. Он знал герцогинь, оперных певиц, куртизанок и даже женщину-наемницу, шпионившую за французами в Испании. А молодая женщина с округлыми бедрами, маленькой грудью и зелеными глазами, совершенно неопытная и увлекавшаяся историей, едва ли была бы им замечена, а тем более привлекла его внимание. Что же произошло? Ему необходимо поговорить с ней хотя бы час, посоветовать ей воздержаться от общения с Косгроувом, когда тот накачается абсентом и опиумом. Если она сумеет — занять спальню с крепко запирающейся дверью, расположенную как можно дальше от Косгроува. Затем он может со спокойной душой продолжать кражи в домах друзей своего отца и причинять окружающим как можно больше беспокойства.

— Что-нибудь еще, милорд? — почтительно спросил Мостин.

— А? Нет. Пусть Грэм оседлает Титана. Слуга кивнул:

— Я передам ему, милорд.

Брэм разложил по карманам часы, деньги, сигары, носовой платок, несколько визитных карточек и направился к лестнице. Лаури-Хаус, в котором он жил, принадлежал уже третьему поколению семьи Джонсов. Он поселился в этом доме на Стрэттон-стрит, когда вернулся из Оксфорда, и его отец был только счастлив, что он и его знакомые обитали вдалеке от патриархального Джонс-Хауса.

Недавно ему намекнули, а вернее — прямо заявили, что дни его пребывания в Лаури-Хаусе сочтены. Его старший брат Огаст, маркиз Хейт, сумел произвести на свет наследника мужского пола, и этот наследник наследника приближался к своему десятому дню рождения. Золотому ребенку лет через десять потребуется свое жилище, и Лаури-Хаус был третьей по ценности собственностью, принадлежащей семье в Лондоне.

Было очевидно, что если он не хочет, чтобы его выгнали из собственного дома, Брэм должен за эти десять лет исчезнуть. И в этом не было ничего невероятного.

Словно в подтверждение этой вдохновляющей мысли, когда Брэм вступил на лестницу, дворецкий распахнул входную дверь.

— Доброе утро, лорд Хейт, — приветствовал он вошедшего.

Брэм остановился.

— О Господи! — пробормотал он и, развернувшись на каблуках, стал подниматься обратно вверх.

— А-а, Брэм! Удивительно, что ты уже на ногах и куда-то собрался, — сказал его брат, отдавая дворецкому шляпу, и направился к лестнице. — Я думал, придется несколько часов просидеть в прихожей, ожидая, когда ты спустишься вниз.

— Именно так тебе и придется поступить, Огаст, — ответил Брэм, поднявшись на верхний этаж и направляясь в свою спальню. — Я только что вернулся с ночных развлечений и ложусь спать. До свидания.

К счастью, дверь в хозяйскую спальню имела очень прочный замок. Ведь нельзя знать заранее, когда может появиться ревнивый муж.

— Ты не в вечернем фраке.

Брэм посмотрел на свою черную, как всегда, одежду.

— И что дальше?

— Это ты ограбил Брейтуэйта? Сжав челюсти, Брэм остановился.

— Все зависит от обстоятельств, — ответил он, снова поворачиваясь к лестнице. — Кого это интересует?

— Отец уже убежден, что это сделал ты, и я полагаю, что он прав.

— В таком случае — да, это сделал я.

Что касается старших братьев, он считал, что Огаст Джонс был более или менее нормальным человеком. Будучи моложе его на одиннадцать лет, Брэм никогда не считал брата близким человеком. Если бы не черные волосы, характерные для Джонсов, они совсем не были бы похожи.

— Ты должен прекратить грабить наших друзей, Брэм.

— Они мне не друзья.

Огаст нахмурился, пытаясь понять его, что Брэму совсем не нравилось. Как будто этот напыщенный первенец когда-нибудь смог бы уяснить, что заставляет брата, родившегося вторым, так поступать.

— Может быть, они тебе не друзья, но, уж конечно, на их совести не больше грехов, чем у тебя, — рассудительно заметил маркиз. — И они могут постараться, чтобы тебя арестовали, если кто-то из них догадается, что это ты их грабишь.

— Я ожидаю этого. Тебе нужно что-нибудь еще? У меня на сегодня намечено несколько краж и ограблений. — Да. Приходи завтра к нам обедать. Дети хотят тебя видеть.

Брэм поднял бровь.

— Это приглашение несколько неожиданно даже для тебя.

— И тем не менее... Приводи с собой кого-нибудь из приятелей, если с ними тебе будет веселее. Только не этого проклятого Косгроува. Я не хочу видеть его в своем доме.

— Я подумаю.

Огаст, кивнув, начал спускаться с лестницы. Однако едва Брэм успел с облегчением вздохнуть, его брат остановился.

— Ты можешь ответить мне честно на один вопрос, Брэм?

— Это зависит от вопроса.

Маркиз Хейт поднялся на несколько ступенек.

— Косгроув... В течение пяти лет — после твоего возвращения с войны в Испании — ты не поддерживал с ним отношений. А прошло около года, и вы с ним снова кажетесь близкими друзьями. Почему?

Брэму сначала не хотелось отвечать на этот вопрос. Уж лучше запереться в своей спальне и не выходить, пока Огаст не покинет его дом. Если бы его спросил отец, он бы нашел что сказать о пользе разговоров с Левонзи.

— У меня были два верных друга, — наконец выдал он. — В их отсутствие, как гласит пословица, «свято место пусто не бывает».

— Твои друзья, они что, погибли на войне? Если бы я знал, если бы ты что-нибудь сказал...

— Их постигла более тяжелая участь, — перебил его Брэм, не желая слушать мудрые поучения Огаста. — Они оба женились и невыносимо счастливы. Даже смотреть тошно.

Однако их супруги относились к тем немногим женщинам, которых он мог терпеть.

— Брэм, твои шутки слушать невыносимо.

— До свидания, Огаст. Сегодня утром мне действительно надо заняться важным делом.

— Хорошо. Я жду тебя завтра вечером, точно к семи часам.

Что-то проворчав, Брэм смотрел, как за братом закрылась дверь. Через несколько минут он и сам спустился вниз.

— Меня, полагаю, не будет весь день, — сказал он дворецкому, надевая черные перчатки и черное пальто. — Если кто-нибудь будет спрашивать меня, скажи им, что я... уехал в Скандинавию. Дворецкий кивнул:

— Хорошо, милорд. Вы вернетесь к обеду?

— Сомневаюсь. Но на всякий случай пусть повар приготовит что-нибудь.

— Я прослежу.

Брэм сел на Титана и поехал в направлении к Дэвис-Хаусу. Поскольку, как признавал Мостин, Брэм никогда не делал ничего, не приносящего ему какой-то пользы, ему было просто необходимо разобраться, какую выгоду он надеется извлечь, набиваясь в друзья Розамунде Дэвис. Прошлой ночью она ему снилась. Они болтали о разных пустяках, и это нравилось ему. Он разговаривал. С женщиной. После секса с ней. Весьма приятного секса, если говорить о собственных ощущениях. А ведь поговаривают, что сны сбываются.

Поразительно! Первым делом следовало бы лучше ознакомиться с обстоятельствами ее семьи, подробностями намерений Кинга, и тогда он сможет решить, чего ему добиваться из всего этого для себя, то есть кроме того, как наяву переспать с Розамундой Дэвис. И, размышляя о возникших обстоятельствах и предполагаемой дружбе с ее будущим женихом, он понимал: придется нелегко.

— Какого черта он здесь делает? — сказал граф Абернети, беря с серебряного подноса,

поднесенного дворецким, тисненую визитную карточку.

Розамунда подняла глаза от книги и посмотрела на вставшего с места отца. Все утро — каждый раз, когда кто-то стучал в парадную дверь, — ее сердце было готово выпрыгнуть из груди. Спустя четыре часа она удивилась, что еще может дышать. Но до сих пор никто не вызывал такой бурной реакции, которую вызвало бы появление предполагаемых дружков Джеймса. До сих пор.

— Мне спросить у него, милорд? — обычным бесстрастным тоном спросил Элбон.

— Нет, я посмотрю...

— Брэм Джонс! — раздался в холле возбужденный голос Джеймса. — Что, черт подери, привело вас сюда?

Удивительно, заметила Роуз, откладывая в сторону книгу, чтобы скрыть внезапную дрожь в пальцах, что и Джеймс, и отец произнесли почти одинаковые фразы с почти противоположным чувством. Она только не могла определить, что ощущала сама. Конечно, Косгроув — негодяй, но когда его начинает порицать человек с репутацией, не уступавшей репутации маркиза, все становилось довольно запутанным.

В комнату вошли два человека — Джеймс с сияющими зелеными глазами и светло-каштановыми волосами и Брэм Джонс, бледный, темный как ночь, в своей неизменно черной одежде. Должно быть, в нем текла испанская кровь. Он околдовывал. И был опасен. Розамунда вместе с матерью поднялись с кресел и сделали реверанс. К ее удивлению, лорд Брэмуэлл ответил учтивым поклоном. Этот человек усвоил хорошие манеры, независимо оттого, замечала она это раньше или нет.

Взгляд черных глаз обвел комнату, отыскал ее и остановился на ней.

— Доброе утро, — поздоровался он. — Я хотел спросить Джеймса, не хочет ли он сегодня утром покататься со мной верхом. И может быть, леди Розамунда пожелает подышать свежим воздухом. Погода прекрасная!

— Леди Роуз поедет со мной на Бонд-стрит делать покупки, — холодно сказала ее мать. При этом даже ее плечи выражали неодобрение.

— О, мама, мы с Джеймсом последнее время так редко катаемся вместе. И видимо, в будущем ничего не изменится к лучшему. — Она не добавила, что после замужества с Косгроувом никто из них, вероятно, не будет часто видеть ее, но надеялась, что они это понимают.

Родители переглянулись, и ее отец кивнул:

— Хорошо. По крайней мере Джеймс в присутствии Роуз не станет играть в карты.

— Отец, — жалобно произнес виконт, густо покраснев. — У нас гость.

У двери лорд Брэмуэлл стряхивал воображаемые пылинки с рукава. Роуз не понимала, раздражает ли его это или забавляет.

— Честно говоря, Джеймс, — решила она вмешаться, надеясь, что не лишится приглашения на прогулку, — я не думаю, что тебе надо притворяться. Лорд Брэмуэлл давно оценил твое умение играть в карты.

— Не беспокойтесь, — спокойно подтвердил Брэмуэлл. — А поскольку я редко играю в дневное время, то чужие кошельки в безопасности. Поехали?

Розамунда подобрала книгу, потому что мать не любила беспорядка.

— Дайте мне пять минут, — попросила она и, не дожидаясь ответа, вышла из комнаты.

Проходя мимо лорда Брэмуэлла, она почувствовала прикосновение его пальцев к своей руке. Она не знала, было ли это случайно или нет, но по тому, как забилося от этого ее сердце, ей стало совершенно ясно, что, когда она имеет дело с этим человеком, она не может доверять собственному телу. Если он собирается научить ее, как обращаться с Косгроувом, то кто

подскажет ей, как относиться к нему самому? И меньше всего ей были нужны лишние неприятности, связанные с приятелями Джеймса.

Застегнув последнюю пуговицу своей серой амазонки, она спустилась вниз. В открытую дверь девушка видела Джеймса и его друга. Вдруг чья-то рука схватила ее и потащила обратно в комнату, и Роуз чуть не закричала.

— Мама...

— Тише, Роуз. У нас всего одна минута.

Роуз нахмурилась:

— В чем дело?

— У этого человека репутация не лучше, чем у лорда Косгроува. Этой игрой, настраивая одного из них против другого, ты только погубишь себя, и твоя семья окажется в работном доме. Понимаешь?

Роуз освободилась из слишком крепко сжимавших ее рук матери.

— Я ни во что не играю, — ответила она. — Вместо того чтобы отчитывать меня за то, что мне хочется поехать кататься, ты могла бы поговорить с Джеймсом, прежде чем он проиграл десять тысяч фунтов, которых у него нет.

— Помни о своем долге! — прошипела ей вслед леди Абернети.

Как будто она нуждалась в напоминании! Это она заботилась обо всех. Что они будут без нее делать, Роуз не имела представления.

— Мне бы очень хотелось, чтобы вы разрешили мне прокатиться на нем разок, — сказал Джеймс, не сводя глаз с огромного черного жеребца лорда Брэмуэлла. — Титан такой замечательный!.. Можно?

— Нет, — мягко отказал Брэмуэлл, подходя к Розамунде, чтобы помочь ей сесть на ее гнедую кобылку Птаху.

У нее перехватило дыхание, когда лорд Брэмуэлл, обхватив за талию, поднял ее. На мгновение его теплые ласковые руки задержались на ее талии. Затем он отпустил ее и сел на своего коня.

Накануне ей хотелось разбить ему нос. О нем говорили, что когда он пожелает, то может быть очаровательным, но она знала это. И не чувствовала, что он пытается понравиться ей. В то же время она должна была бы ненавидеть его за то, что он помогал Джеймсу сойти с праведного пути. А у нее почему-то не возникало такого чувства.

— Спасибо, милорд, — запоздало поблагодарила она.

— Брэм, — ответил он, разворачивая коня, чтобы встать рядом с ней.

Она кивнула:

— Бр...

— Рядом с вашим Титаном мой Свифт имеет жалкий вид, — пожаловался Джеймс. — Я буду с вами играть на него.

— Нет.

— Но ведь он из конюшен Уоринга, не так ли?

— Да. Салливан Уоринг — мой хороший друг. Поезжай рядом с сестрой с другой стороны. Леди всегда должна быть защищенной. И я не хочу, чтобы ты все утро таращилась на моего коня. Какой в этом смысл?

Джеймс неохотно подъехал к сестре справа, и Роуз оказалась между ними. Пытался ли лорд Брэмуэлл — Брэм — проявить уважение к ней? Или ему всего лишь надоели приставания Джеймса? Она не знала, но оценила его заботу. И еще ей понравилось, что он назвал Салливана Уоринга другом. Он заявил это так убежденно, что сказанное не вызывало сомнений. Так просто и коротко, и это говорило в его пользу. К тому же она этого не ожидала.

— Когда вы отдавали мне мою книгу, — начала она разговор, — вы сказали, что многому можете научить меня. Как я понимаю, вы имели в виду кое-что другое, совсем не то, когда сделали мне такое предложение вчера вечером.

Непроницаемый и оценивающий взгляд черных глаз был устремлен на нее. Обычно мужчины не уделяли ей особого внимания, за исключением танцев, когда им требовалась партнерша. А теперь у нее были тайный почти что жених и предполагаемый наставник; один был похож на ангела, а другой на дьявола, и они оба пользовались ужасной репутацией. Прежде всего следовало помнить, что ни один из них, вероятно, не имел по отношению к ней добрых намерений.

— Так сегодня вы не краснеете и не боитесь? — спросил он, как и она, не повышая голоса. — Мудры с мужчинами, и вас ничто не пугает?

— В данных обстоятельствах я предпочитаю считать, что это практично.

Он подъехал к Ней поближе.

— Но вам надо быть готовой ко всему, леди Розамунда. О Боже! Что он еще для нее уготовил?

Он не отрывал от нее взгляда.

— Если вы так думаете, — наконец, понизив голос, сказал он с чувственными нотками в голосе, — тогда вы не знаете тех слов, которые знаю я. А они тоже «практичны».

— Уверю вас, я достаточно образованна...

— Вот, например, — перебил он, произнеся неприличное слово, — или вот это?

Брэмуэлл произносил непристойности так... будто это были самые обычные слова, и это поразило ее. Роуз перевела дыхание. Если он будет так продолжать, тогда она просто не поймет его.

— Язык торговцев и продажных женщин не производит на меня впечатления.

— Поверьте, я не собирался шокировать вас.

— А для чего же тогда вы произносили эти слова?

Брэм посмотрел мимо нее на ее идиота брата, который втянул ее в эту грязь, хотя казалось, его это несколько не беспокоило. И, однако, как бы она ни притворялась искушенной, от этих нескольких слов ее чуть не хватил апоплексический удар. Косгроуву даже не потребуется шести месяцев, как он хвастался, чтобы уничтожить ее. При этом не принималось во внимание, что маркиз сделает с ней в постели...

— И что? — подсказала она. — Или эти слова все, что Вы можете предложить?

— Это был лишь пример, — ответил он, раздраженный тем, что на мгновение представил ее в постели с Косгроувом. Он не просто рассердился. Он пришел в ярость. Он потом еще подумает об этом. — Посадите принцессу к свиньям, и, в конце концов, от нее будет пахнуть навозом.

— Но она все же будет говорить как принцесса, а не как свинья. И даже свинья может чему-то научиться.

— И принцессу можно заставить ходить на четвереньках и визжать. Приятным голосом или нет, но она опустится очень низко, уверю вас.

Розамунда вспыхнула:

— Я не стану тем, о чем вы говорите...

— Я видел хороших принцесс, побывавших в руках Косгроува. А у них было побольше опыта в отношениях с мужчинами, чем у вас.

Он увидел в ее зеленых глазах страх и был этим доволен. Она должна заранее понять, что ожидает ее с Косгроувом, если она хочет выжить. И он не ругал себя за то, что испугал ее; он сердился на нее за то, что она была настолько наивна, что ей требовалась помощь.

— Если меня принудят... вывалиться в грязь, тогда какие ваши слова смогут помочь мне?

Дьявол ее побери, она разозлилась. Он снова посмотрел на ее брата, но, оказавшись в Гайд-парке, щенок, казалось, интересовался только каретами и красивыми женщинами.

— Я еще раз повторю, что, может быть, вам захочется подышать свежим воздухом в другом месте, а не в Лондоне, — шепотом ответил он.

Ему был не нужен такой враг, как Косгроув. Но очевидно, он только что обнаружил, что есть по крайней мере одна черта, которую он не переступит или не позволит переступить ей. Во всяком случае, он ничего ей не сказал. Как далеко заведут его убеждения, он не имел представления.

— Вы это серьезно? — Второй раз за это утро у нее был по-настоящему испуганный вид. — Какая от этого может быть польза?

— Вам не придется выходить замуж за Косгроува. Если вы так образованны, как утверждаете, я мог бы где-нибудь найти для вас место гувернантки. Среди моих знакомых есть и порядочные люди, поверьте.

— А Косгроув начнет требовать десять тысяч от моей семьи, и они будут дважды преданы. Сначала разорены поступками Джеймса, а затем моими.

— Это все приводит нас опять к Джеймсу. Его поступки вынуждают вас спасать себя.

— А как же мои родители? Он задумался.

— Они продали вас чудовищу. Пусть сами и расплачиваются.

Розамунда ответила ему свойственным только ей прямым, тревожившим его взглядом. Выражение ее лица озадачило его. Что это было? Жалость? К себе или к нему?

— Не думала, что вы посоветуете мне совершить подлость и предать мою семью, — тихо сказала она. — Я этого не сделаю, спасибо, что уделили мне время, но я не могу принять вашу помощь.

Перемены и капризные повороты человеческой природы давно уже не удивляли Брэма. Но это удивило его. Она удивила его.

— А вы, Розамунда, — дура!

— Возможно. Но я преданная дура. Если бы даже у меня не было обязательств перед родителями за то, что вырастили меня, у меня есть сестра и зять, а в Сомерсете еще племянница и племянник. Они заплатят за мой эгоизм дороже, чем я. И вы должны согласиться, что, когда Косгроув захочет попытаться... изменить мой характер, я тоже буду иметь шанс повлиять на него.

— В аду не бывает шансов.

— Но он еще никогда не выражал желания жениться. Это впервые. Может быть, теперь ему хочется начать новую жизнь.

— Кого вы пытаетесь обмануть? Ибо меня это не убеждает, моя дорогая.

Она судорожно сглотнула и опустила глаза.

— В таком случае вы остаетесь со своим мнением, а я — с долгом спасти свою семью, и, полагаю, нам больше не о чем говорить.

Брэм и раньше заставлял женщин плакать, но это было нечто новое. Он отчетливо почувствовал, что только что опустился ниже в следующий круг ада. Должно быть, уже недалеко дно преисподней. Но было бы хуже, если бы он не попытался предупредить Розамунду Дэвис и просто наблюдал, как она в полном неведении идет к своей гибели, лишил бы ее последней капли надежды!

Ему не понравилось нервное напряжение, охватившее его. Прежде, когда такое ощущение возникало, он предпринимал все возможное, чтобы избавиться от него. Что же делать сейчас?

— Вам бы помогли уроки, — медленно произнес он, — которые, как предполагается,

порядочная молодая леди получает только от своего мужа.

Розамунда подняла голову:

— Уроки — это только слова. Какой в них прок?

Он кивнул, почувствовав что-то похожее на надежду. Он понял это по выражению ее лица.

Что-то чуточку изменилось к лучшему.

— Смотря от кого они исходят...

— Конечно, нет ничего плохого в том, что я услышу нечто полезное. Во всяком случае, я хотела бы узнать, что меня ожидает.

— Согласен. — Он чуть заметно улыбнулся. — Вы все равно не избавитесь от меня, потому что задолжали мне вальс.

— Может быть, вы не такой уж страшный, как я сначала думала, Брэм Джонс.

— Я предлагаю, миледи, на некоторое время воздержаться от вашего мнения на мой счет. Пока еще рано.

Поскольку он согласился просветить молодую леди, которую, как ни странно, находил привлекательной, относительно приемов и капризов развратника и негодяя, не касаясь ее руками, он не мог поручиться за свои суждения или здравый ум. При сравнении даже ограбление казалось делом простым.

— Могу я рассчитывать, что Салливан Уоринг продаст мне лошадь? — неожиданно спросил виконт Лестер.

— Разумеется, если бы у тебя были наличные деньги, — ответил Брэм. Он был погружен в собственные мысли и считал, что такого ответа достаточно, но избавиться от Джеймса Дэвиса мало кому удавалось. По части «приставания» ему не было равных.

— Одолжите мне эти деньги, — попросил юноша. — Или я выиграю их у вас.

Это был неплохой способ заполучить еще около сотни фунтов, но, взглянув на Розамунду, он тут же выбросил шальную мысль о легком обогащении из головы.

— Я не сажусь за карты, когда у партнера нет шансов, — сказал Брэм. — Если ты до сих пор не понял этого, Лестер, то ты безнадежный игрок.

У Лестера вытянулось лицо.

— Послушайте! Это нехорошо с вашей стороны, Брэм. Никак не ожидал.

— А что ты хотел, чтобы я ответил тебе? Самое первое правило игры — никогда не рисковать на сумму, которую ты не можешь себе позволить потерять. Ты, как я знаю, не выполнил его.

— Косгроув говорит, что прежде чем выигрывать, ты должен проиграть. Такты узнаешь манеру играть других игроков.

Господи! Лестер говорил абсолютно как мальчишка, совсем зеленый и глупый. Брэм подумал, что никогда не был настолько наивным, даже в детстве. Ему захотелось отвесить этому щенку подзатыльник.

— Ты проиграл десять тысяч фунтов, Джеймс. Думаю, ты показал свое умение всем в Мейфэр.

— Косгроув говорит...

— Завтра вечером я иду обедать к моему брату, — поспешил перебить его Брэм, опасаясь, что может передумать — Ты и леди Розамунда пойдете со мной. Мы будем играть в фараон после обеда. Вот и посмотрим, как ты умеешь сражаться.

Розамунде такая идея не слишком понравилась, но это было лучшее, что он мог придумать, чтобы удержать ее брата от еще большей беды, за которую ей придется расплачиваться. По крайней мере под его наблюдением Лестер проиграет не слишком значительную сумму.

Не сделала ли она ошибки? Розамунда завязала ленты капора, собираясь спуститься в небольшой садик у Дэвис-Хауса, чтобы нарвать свежих цветов для своей спальни и дать себе отдохнуть от голосов матери и Беатрисы, звучавших у нее в голове и раздававшихся во всем доме.

Родители продали ее дьяволу. И тогда она обратилась к другому дьяволу и заключила с ним своего рода сделку. Отец с матерью стремились спасти семью, а она старалась уберечь только себя. Ведь родным не придется жить под кровом Косгроува. А если Брэм сможет как-то объяснить ей, чего ждать от маркиза, она, по крайней мере, немного приготовится к этому. Предупрежден — значит вооружен. До сих пор Брэм Джонс не сообщил ей ничего, от чего ей стало бы легче, — скорее наоборот. Было просто ужасно, что жестокий, бессердечный распутник называет другого человека, своего друга, чудовищем. Особенно когда оставалось чуть меньше месяца до того момента, который свяжет ее с этим исчадием ада на всю оставшуюся жизнь. Дрожь пробежала по ее спине. Еще какое-то время она сможет притворяться, что ничего ужасного не произойдет, что ей просто приснился этот приближающийся брак, или, что ее отец нашел деньги, чтобы заплатить долг Джеймса. Но чем ближе становилась роковая дата, тем все более тревожные мысли терзали девушку. И тогда не думать, о предложении Брэма сбежать, становилось все труднее.

Проходя мимо кабинета отца на нижнем этаже, она услышала, как Джеймс жаловался на что-то, вероятно, на сокращение его месячного содержания. Ему отвечал более тихий голос главы семьи. Все, что требовалось от Джеймса, — это проявить немного терпения: через месяц долг будет прощен. И Джеймс сможет вернуться к прежнему беспутству.

— Идете в сад, миледи? — с улыбкой спросил Элбон, открывая перед ней входную дверь.

Она кивнула:

— Хочу срезать несколько свежих лилий для холла.

— Они очень хорошо здесь смотрятся.

Несмотря на городской шум и соседство оживленных домов, в садике всегда было тихо. Не так, конечно, как в их имении в Хартфордшире, но все же заметно при сравнении с Лондоном. После хаоса и суматохи последних дней ей не помешало бы немного покоя. У нее мелькнула мысль, есть ли сад у лорда Косгроува, но она поспешила прогнать эту мысль.

Не хотелось думать об этом, пока ее положение не станет абсолютно безвыходным. Долг, долг, долг. Почему именно она получила этот жестокий урок, а от Джеймса ничего даже и не потребовалось?

— Пропади все пропадом!

Опустившись на колени, она срезала ножницами несколько лилий и сложила их в принесенную с собой корзину. Для своей комнаты она предпочла бы розы, но в этом году они рано отцвели.

— Роза среди лилий, — услышала она мужской голос, раздавшийся со стороны подъездной дорожки.

Ее сердце дрогнуло и лихорадочно забилось, когда она поняла, что человек, подошедший к ней сзади, не тот, о ком она сначала подумала. О Боже!

— Лорд Косгроув, — сказала она, оглянувшись, и снова занялась лилиями. Их требовалось аккуратно обрезать. — Мой брат и отец сейчас в доме.

— Вас не удивило, — продолжал он, словно не слыша, почему я считаю, что вы стоите десяти тысяч фунтов?

Он прислонился к стволу дуба, в нескольких футах от нее. Ей не нравилось, что он стоит у нее за спиной, но не хотелось и поворачиваться к нему лицом, показывая, что готова продолжать разговор. Рядом не было дуэньи, ведь кто, кроме ее семьи и Брэма Джонса, не знал об их особом соглашении.

— Уверяю вас, я понятия не имею, милорд, — ответила она, когда ее молчание слишком затянулось.

— Сказать вам?

Роуз задержала дыхание и, закрыв глаза, надеялась, что кто-нибудь выглянет из окна и придет ей на выручку.

— Как вам угодно, милорд.

— Угодно, миледи. — Он выдержат паузу. — Спрашивайте меня, почему же вы замолчали?

— О чем?

Она услышала, как он выпрямился, шагнул вперед и теперь стоял прямо за ее спиной.

— Может быть, еще рано давать приказания, — тихо сказал он. — Ведь мы едва знакомы.

— Конечно. Я уверена, что когда мы лучше узнаем друг друга, то пойдем, насколько близки. — Она ухватилась за эту мысль, понимая, что болтает чепуху, но не в силах остановиться. — В начале супружеской жизни любовь не всегда обязательна, важно, что близость порождает симпатию, а...

— Я думал, что близость вызывает презрение.

— О нет. Я так не считаю. А...

— Вы собираетесь копать эту дыру до самого Китая? — перебил он.

Розамунда опустила глаза. Она срезана стебель лилии у самой земли и воткнула ножницы в грязь.

— На растении завелись черви, — придумала она. Лорд Косгроув обошел ее и остановился, наступив ярко начищенными сапогами на сломанную лилию.

— Посмотрите на меня, Роуз.

О, ей следовало бы встать, как только она услышала его голос. Идиотка. Изобразив на лице дружелюбную улыбку, она подняла голову и, скользнув взглядом по застегке его панталон, посмотрела ему прямо в лицо. От безразлично-пренебрежительного выражения его светло-голубых глаз она похолодела. Все слухи о его похождениях и разврате всплыли в памяти. И громче других звучал голос Брэма Джонса, рассказывавший о женщинах, гораздо более опытных, чем она, которых смешал с грязью этот человек.

— Вам идет, когда вы смотрите снизу вверх, — пробормотал маркиз. — Надо запомнить это.

Собрав до последней капли всю свою смелость, Розамунда протянула руку:

— Помогите мне встать, пожалуйста.

В тот же момент, когда он взял ее руку, она вспомнила, что он еще никогда не дотрагивался до нее. Он довольно крепко держал ее руку, помогая ей подняться, но, несмотря на пробудившуюся на минуту надежду, она чувствовала от его прикосновения лишь леденящий, все возрастающий страх.

Косгроув не выпускал ее пальцев, притягивая ее к себе.

— А знаете, как трудно, дражайшая Роуз, — назидательно изрек он, — найти женщину, обладающую вашими качествами?

— И что это за качества, милорд? — Чуть заметная дрожь в ее голосе, казалось, не удивила его. Маркиз явно пытался запугать ее, и делал это с большим искусством.

Его губы скривились в улыбке, но ее не было в его глазах.

— Я полагаю, вы узнаете это довольно скоро.

Он взял девушку за подбородок, но не поднял ее голову, а дал понять, что сделает это, если она станет сопротивляться. «Пожалуйста, не целуйте меня», — мысленно молила она, при этом удивляясь, почему волнуется. Через месяц он будет целовать ее, когда захочет. И этим не ограничится. Глядя в эти ангельские голубые глаза, она сознавала, что Брэм был абсолютно прав. В аду у нее не было бы и малейшего шанса на сопротивление. Неискушенной девушке невозможно бороться с этим дьяволом, а тем более надеяться выиграть эту битву. Да и выжить будет мудрено.

— Вы боитесь меня? — продолжал он тем же мягким тоном, глядя ей в лицо. — Предлагаю вам сказать «да».

— Д-да, — только и смогла она выдавить из себя. Маркиз лизнул ее губы.

— У них восхитительный вкус, — сказал он, отпуская ее и отступая назад. — Вы и в самом деле похожи на розу. Он смерил ее слащавым взглядом с головы до ног, затем повернулся и пошел к подъездной дороге.

Боже милостивый! Яростно вытирая губы, Розамунда подошла к каменной садовой скамье и бессильно опустилась на нее. Что бы она сделала, если бы он не ушел? Или еще хуже — заставил прямо тут исполнить супружеский долг? Даже Беатриса с содроганием говорила о физической близости, а она утверждала, что вышла замуж по любви.

— О черт, он ушел! — крикнул Джеймс, выбежавший из черного хода, которым пользовались слуги.

— Ты видел Косгроува здесь, со мной? — возвысив от возмущения голос, рассердилась она.

— Ну да. Хотел дать вам обоим время побыть наедине, чтобы ты убедилась, что он не такой ужасный. Но я-то потерял его. Он был на коне или в карете? — Ее брат промчался мимо нее и поспешил на улицу.

— Откуда, черт побери, я знаю?

Джеймс с недовольным видом оглянулся на нее:

— Не кричи на меня. Я не виноват, что он приехал повидать тебя, а ты работала в саду, копалась в грязи. Впрочем, Косгроуву наплевать на...

— Что? — Розамунда вскочила на ноги и побежала за братом. — Это ты-то не виноват, Джеймс? Даты виноват кругом! Я стараюсь спасти нашу семью от разорения, до которого ты ее довел!

Он отступил назад, выставив перед собой руки, чтобы не подпустить ее к себе.

— Не надо истерик, Роуз. Тебе уже двадцать. Мать всю зиму жаловалась, что ты все еще не замужем. А теперь я позаботился об этом. Ведь это мой долг, не так ли?

Господи, до чего же ей стал противен брат! Но что толку попусту болтать с ним? Этот глупец ничем не поможет. Выручить способен только один человек. И зовут его — Брэм Джонс.

* * *

— Это неудачная мысль, — проворчал Брэмуэлл, глядя на себя в зеркало.

— Милорд...

— В следующий раз, когда я соглашусь пообедать с Огастом и его потомством, Мостин, ты должен застрелить меня. Тебе ясно?

— Как стеклышко, милорд, — спокойно ответил слуга, как будто они обсуждали столовые приборы. Он продолжал стряхивать пылинки с плеч Брэма.

— А если я упомяну, что пригласил кого-то еще пообедать с нами, перезаряди пистолет и выстрели в меня еще раз.

— Да, милорд.

Обычно невозмутимый тон послушных ответов слуги возвращал Брэму свойственный ему циничный юмор. Однако в этот день он не мог избавиться от ощущения, что сделал глупость. Накануне он не только послал записку, принимая приглашение Огаста, но и сообщил ему, что придет с друзьями.

Друзья... Он пригласил этого щенка Джеймса только потому, что его сестре требовался сопровождающий. Все его мысли были о Розамунде. Единственное место, где ему бывало не по себе, так это в обществе собственной семьи. Ради всех чертей, он даже не знал, собирается ли герцог обедать с ними. А теперь еще Розамунда. У него вырвался стон. Господи! Левонзи знал о соглашении Абернети с Косгроувом.

— Идиот! — с яростью обругал он себя.

— Милорд? Брэм опомнился.

— Не ты, Мостин. Я.

— С вашего позволения, милорд, у вас очень нездоровый вид. Может быть, вам лучше сегодня остаться дома?

— Я убежден, дружище, что мне лучше остаться дома. — Он надел свою черную шляпу, натянул черные кожаные перчатки и положил в карман туго набитый кошелек. — Не жди меня, ложись спать.

Мостин кивнул:

— Тогда доброго вам вечера, милорд. Вряд ли пожелание этого чудака сбудется. По крайней мере погода была хорошая, и он подумал, что мог бы воспользоваться своим двухколесным экипажем или коляской. Но, на случай появления герцога, следовало приехать в карете. Массивная и черная, она требовала двух пар одинакового цвета лошадей. На ее дверцах, правда, не было фамильного герба. Вероятно, герб Джонсов существовал в виде татуировки на заднице Левонзи, но никто не нашел бы его где-либо в Лаури-Хаусе.

Он сел в карету, приказал кучеру ехать в Дэвис-Хаус. Слуга закрыл дверцу. Брэм нутром чувствовал, что в этот вечер ему предстояло оказаться в центре большого скандала. Обычно женщины предпочитали встречать его экипаж около дома, и он не выходил из кареты у парадного входа и не стучал в дверь, но, очевидно, имея дело с порядочной девушкой, необходимо было соблюдать приличия. Спустя несколько минут в холле Дэвис-Хауса Брэма встретил быстро сбежавший с лестницы виконт Лестер, и Брэм подавил вздох. Этот идиот, конечно, облачился во все черное, и они вместе походили на пару тех людей, которые носят гроб с покойником.

— Вы оба одеты так, будто собираетесь на похороны! — донесся с лестницы звучный женский голос. У него зашевелились волосы. Дыхание перехватывало, что с ним редко случалось. Брэм посмотрел вверх. Он видел Розамунду на вечере у Клактонов, в бальном наряде. И его заинтриговало, что сейчас она была одета совсем по-другому, и он предположил, что сегодня она одевалась специально для него. Рыжие волосы уложены в искусную прическу с локонами, свободно падавшими на уши и на лоб. На ней было желтое с фиолетовой отделкой платье, с пеной кружев на рукавах и шее, что-то скромное и одновременно волнующе.

— А вы, миледи, случайно, не в Букингемский дворец приглашены? — улыбнулся он, когда она подошла.

Это было невероятно. Ему приходилось сжимать пальцы, чтобы удержаться и не прикоснуться к ней. А ведь на вид в ней нет ничего примечательного. Неискушенная, бесхитростная девственница. Должно быть, возникло желание, вызванное запретным плодом. Сорвать его предстояло Косгроуву. Находясь с ним под одной крышей, она быстро утратит обаяние и женственность, превратится в существо, которое ни у кого бы не вызвало

сексуального интереса.

Черт побери, а какое ему до всего этого дело? Но ведь он сам поставил себя в такое положение: каким-то образом оказался ее наставником, советчиком, другом семьи, благодетелем. Это было чистым абсурдом, настолько чуждым его натуре, что он не мог поверить самому себе.

— Сколько сегодня будет гостей? — спросила леди Розамунда, когда дворецкий помогал ей накинуть шаль.

— Только мы, — ответил Брэм и нахмурился: — Возможно, еще один. — Если только у герцога не найдется более важных дел, которых у него, надо полагать, всегда достаточно.

— Еще один? — повторила она.

В ее голосе слышалось беспокойство и напряжение. Брэм перевел взгляд с нее на Джеймса и предложил ей руку.

— Герцог Левонзи, может быть, — сказал он, спускаясь вместе с ней по ступеням к ожидавшей их карете. — Он присутствовал при заключении соглашения между вашим отцом и Косгроувом.

— Его светлость — один из близких друзей моего отца. От одного у поминания Левонзи его мог хватить апоплексический удар, но она слегка разжала пальцы, лежавшие на его руке. Значит, не встреча с герцогом беспокоила ее.

— Что-то случилось? — тихо спросил он, жестом предлагая Джеймсу первым сесть в карету.

— Ничего.

Он взял ее руку прежде, чем она успела отдернуть ее.

— Я не привык к сантиментам, — продолжал он. — Если вам нужна моя помощь, то я предлагаю вам говорить прямо и честно.

Она быстро заглянула ему в глаза, потом кивнула:

— Сегодня приезжал лорд Косгроув. Он поцеловал меня. Если это можно назвать поцелуем... Так, коснулся...

То, как она судорожно сжала пальцы, невольно испугало его.

— Каким образом? Она покраснела.

— Он... лизнул мои губы, — прошептала она так тихо, что он с трудом понял ее.

Лорд Лестер высунулся из кареты:

— Вы, двое, так и будете стоять тут и болтать всю ночь?

— Да, — коротко ответил Брэм.

— Но...

Чертов щенок!

— Заткнись и сядь, Джеймс!

С обиженным видом виконт отодвинулся в глубину кареты.

— Он прав, — сказала Розамунда, — нам следует...

— Косгроув прекрасно знает, как следует целовать женщину, — перебил он, притягивая ее к себе еще ближе, чтобы говорить как можно тише. — Он безошибочно определяет, что может привести в шок порядочную молодую леди. Этот негодяй пытался внушить вам страх, Розамунда.

Она кивнула, но чуть отвернулась от него.

— Он... я не хотела бы, чтобы таким был мой первый поцелуй. Конечно, я надеюсь, что все еще будет по-другому... — Она умолкла, и слеза скатилась по ее щеке.

Что-то темное и неприятное шевельнулось у него в груди. Если ее первая встреча с Косгроувом до такой степени расстроила ее, то не пройдет и месяца ее замужества, как она

наложит на себя руки. Какого черта она не сбежала?

— Нам пора ехать, — сдержанно проговорил он, помогая ей сесть в карету. — В Марстен-Хаус, Грэм, — сказал он кучеру и закрыл дверцу.

— У меня с собой двадцать фунтов для игры в фараон, — заявил Джеймс, похлопывая себя по карману. — Каковы мои шансы?

С минуту Брэм смотрел на него.

— Думаю, ты вернешься с этой же суммой.

— Прекрасно. Из вашей семьи я не хочу никого оставлять с пустыми карманами, но вы должны признать, что я делаю успехи.

— Твое умение очевидно, Лестер. — Он взглянул на Розамунду, сидевшую рядом с братом: — А вы играете, леди Розамунда?

— Нет. И если бы у моего брата хватило ума, он тоже не играл бы. Да и вы бы не увлекались этим, Брэм.

Приятно было слышать гнев в ее голосе, даже если он — хотя бы частично — направлен на него. Девушка назвала его по имени. Если она все еще могла сердиться, значит, Косгроув всего лишь напугал ее. И все же...

— Я думаю, вам понравится эта игра. Буду рад научить вас.

— Она не играет, — вмешался виконт. — И не станет тратить на игру свои «булавочные» деньги. Поверьте мне, я пытался уговорить ее.

— Я предоставлю вам все деньги, которые вам потребуются, чтобы поставить на кон, моя дорогая, — сказал Брэм. — Вы не потеряете ни пенни. Даю вам слово.

Она продолжала недоверчиво смотреть на него, понимая, что недостаточно хорошо знает своего «покровителя». Пока что ей было невдомек, что этот человек редко дает слово. Но уж если дал, то держит его до конца.

Когда они подъехали к Марстен-Хаусу, один из лакеев Огаста открыл дверцы кареты. Брэм облегченно вздохнул, глядя, как отпрыск семьи Дэвисов вылезает из кареты. Взгляды и мнение старшего брата никогда не имели особого значения для него, и в прошлом он не раз привозил сюда на семейный обед довольно сомнительных приятелей, как мужского, так и женского пола, и тогда его племянника и племянниц высылали из комнаты. Он впервые задумался, почему Огаст продолжает не только приглашать его, но и настаивать, чтобы он приезжал.

А сегодня ему хотелось, чтобы его брату... понравился по крайней мере один из гостей. Но это не значило, что Роуз позволят появляться в Марстен-Хаусе после того, как она выйдет замуж за Косгроува.

— Дядя Брэм!

Что-то крохотное скатилось с лестницы и ударило его в живот. За ним последовали существа других размеров и в мгновение ока обступили его.

— Боже мой, да что это за сорванцы с липкими пальцами? — спросил он. — А лорд Хейт знает, что вы живете под одной с ним крышей?

— Да! — со смехом недружным хором ответили они. Две девочки вспомнили о хороших манерах и, оторвавшись от Брэма, присели в реверансе перед Розамундой и Лестером.

— Лорд Лестер, леди Розамунда, позвольте представить Оскара, лорда Керкдена, леди Луизу и леди Каролину Джонс.

Мои лучшие друзья, Джеймс и Розамунда Дэвис.

Дети... Розамунда с удивлением наблюдала, как лорд Брэм Джонс подхватил двух самых маленьких, взяв каждого под мышку, понес их вверх по лестнице в гостиную.

Она могла только предположить, что человек с такой репутацией даже не подозревает, что на свете существуют дети, тем более навряд ли умеет разговаривать и шутить с ними. Однако

племянник и две племянницы явно обожали его. И куда-то исчез едкий цинизм, который был, казалось, его второй кожей, как будто он оставил его у входа вместе со шляпой и перчатками.

Она подумала, сколько так называемых друзей замечали в нем эту черту и почему он решил позволить Джеймсу и ей увидеть его с такой неожиданной стороны. Это так не сочеталось с натурой человека, который в прошлом сезоне в «Уайтсе» ни разу не остался в проигрыше.

— Черт побери, что происходит!?! — пробормотал за ее спиной Джеймс. — Я думал, мы будем играть в карты.

— Он предупредил, что это будет семейный обед, Джеймс. Пойдем же.

Ее брату очень не нравились бегавшие вокруг дети, но у Розамунды они вызвали умиление. И это было самое приятное, что произошло за весь этот день. Как странно, что единственный человек, с которым она могла поговорить, единственный, кто, казалось, немного сочувствовал ей и понимал ее, имел репутацию одного из самых отвратительных негодяев в Лондоне. Возможно, он просто умел скрывать свои истинные намерения лучше, чем Косгроув.

О Боже! При одном даже мысленном упоминании этого имени ей едва не стало дурно. Она не могла представить, что может быть на уме у ее будущего мужа при их следующей встрече, и страстно желала, чтобы Брэм смог все объяснить ей.

Когда она вошла в гостиную, Брэм стряхнул с себя на диван визжавших от восторга детей и склонился в изящном поклоне перед крупным мужчиной и миниатюрной женщиной, стоявшими у камина. Она несколько раз видела маркиза и маркизу Хейт, но их тогда так и не представили друг другу. И если бы она не знала теперь точно, то никогда бы не подумала, что Хейт и Брэм — братья.

Да, у них были одинаковые светлые волосы и смуглая кожа, но если Брэм был худощавым и гибким, как пантера, то его старший брат скорее напоминал огромного медведя, в нем не было и намека на утонченность. И он был неопасен, поскольку его нельзя было не заметить.

— Огаст, Эмили, позвольте представить виконта Лестера и его сестру леди Розамунду. Джеймс, Розамунда — это лорд и леди Хейт.

Супруги быстро переглянулись, и она не могла понять, что выражал этот взгляд, а затем маркиза повернулась к ним.

— Добро пожаловать в наш очень шумный дом, — приветливо сказала она, при этом улыбка сияла даже в ее светлых серых глазах.

— Благодарю вас за приглашение, — ответила Роуз, присев в глубоком реверансе.

— Дядя Брэм, — вмешался мальчик Оскар, дергая Брэма за рукав, — вы принесли достаточно денег, чтобы оплатить проигрыш?

— Достаточно, чтобы выиграть, — ответил Брэм, вынимая из кармана туго набитый матерчатый мешочек и отдавая его мальчику.

Наконец Джеймс оживился:

— Послушайте, да это, кажется...

Виконт со стуком поставил мешочек на стол. Из него посыпались неочищенные орехи.

— О черт! — воскликнул он. — У меня неделю будет болеть живот! Здорово!

— Это только если ты выиграешь. Убери от мешка руки, малыш! — Сказав это, Брэм искоса посмотрел на Розамунду веселыми черными глазами: — Я же говорил вам, вы не потеряете ни пенни.

— Вы играете на орехи? — возмутился Джеймс, сейчас он казался ненамного старше Оскара.

— Легче для кошелька, — возразил Брэм. — Особенно если ты хочешь научиться играть.

— Я умею играть.

— Ах да. Позволь мне объяснить. Я предлагаю научить тебя играть и выигрывать, Джеймс.

— Послушайте! — возмутился брат Розамунды. Он придвинулся ближе и, понизив голос, сказал: — Я нахожу это несколько оскорбительным, Брэм!

— Тогда садись сюда и проигрывай десятилетнему. Если мне будет интересно, я могу предложить свою помощь, но только один раз. Не рассчитывай, что я сделаю это дважды.

— Но я...

— Огаст, у тебя в библиотеке все еще висит этот ужасный турецкий гобелен?

Маркиз свел брови.

— Да. И он совсем не ужасный.

— Оскар, вы с Лестером разделите мои «деньги» на три равные кучки. Мы с леди Розамундой сейчас вернемся. — Он взял ее руку и положил на свой рукав.

— Позволь...

— Я знаю дорогу, — перебил Брэм брата. — Леди Розамунда любит историю.

— В основном американскую историю, — поправила она, чувствуя, как краснеет. Хейт явно не считал разумным для нее отправляться куда-то с Брэмуэллом, и она была вынуждена с ним согласиться. Неприятностей ей и так вполне хватало.

— Американскую историю? У меня есть несколько книг о краснокожих индейцах. Они в дальнем правом углу, рядом с греческими вазами.

— В самом деле?

— Пойдемте. — Брэм потащил ее к двери. — Давайте поищем их.

— Это получилось не очень ловко, — прошептала она, когда они шли по коридору.

— Правда? Прошу прощения. Я говорил вам, что у меня мало практики.

— Да, но теперь ваша семья будет думать, что мы с вами... что-то затеваем.

— Так и есть.

— Нет, ничего нет. — Она отняла у него свою руку. — Во всяком случае, ничего нечестного.

Он улыбнулся, и улыбка сделала его лицо поразительно красивым.

— Нечестное? Какое прекрасное слово! — Он проскользнул в дверь. — Сюда.

Розамунда с недовольным видом последовала за ним. Но что бы он ни задумал, он предоставлял ей шанс что-то узнать, что угодно, что могло бы помочь ей не поддаваться страху и не растеряться при виде лорда Косгроува.

— О! — Она умолкла, увидев большой квадратный гобелен, висевший на стене библиотеки. — Великолепно! Сколько же ему лет?

— Говорят, здесь изображено создание висячих садов в Вавилоне. Я бы сказал, гобелен очень старый. Огаст знает о нем больше, но предупреждаю, что дай ему волю — и он заговорит вас до смерти.

Розамунда смотрела на яркие красные, золотые, зеленые нити гобелена. Преподобное, хорошо знакомое ей любопытство пробудилось в ней, но не древнее произведение искусства вызвало его.

— Что вы хотели рассказать мне? — спросила она. — Ведь мы пришли сюда не для того, чтобы говорить о гобелене?

— Нет, не за этим. — Он молча закрыл и запер дверь. — Я не хотел этого. — Мускул на его скуле дрогнул. — Есть другое, в чем у меня недостаточно практики.

Ее сердце громко застучало в туже минуту, когда закрылась дверь.

— О чем вы говорите? Вы передумали помогать мне?

— Нет. Я говорю о собственном самообладании. — Он перевел дыхание. — Вы сказали, что вас никогда не целовали.

Роуз вздрогнула.

— Может быть, поцелуй не должен быть таким, как поцелуй лорда Косгроува, но...

— Нет, не должен. Считайте себя нецелованной. Брэм смотрел ей в глаза. Она была высокой девушкой, это она нередко слышала от своей матери. Но все равно ей приходилось поднимать голову, чтобы встретить взгляд его темных глаз. И не в первый раз ей хотелось узнать, что он думает.

— Поцелуй — это нечто интимное, — тихо сказал он, проводя пальцем по ее щеке. — Косгроув перешел грань, за которой вы почувствовали беспокойство, и сделал это намеренно.

Сознание Роуз ухватилось за слово «интимное». Брэм сделал себя ее союзником. Выбрала бы она его при других обстоятельствах, она не знала. Несколько дней назад она была готова возненавидеть этого мужчину. Но с тех пор как девушка встретила его, он удивлял ее своей пронизательностью, тактом и даже остроумием. И еще тем, что был в большей степени джентльменом, чем другие, кого она встречала.

— Вы не дали мне времени поразмыслить об этом, — продолжал он, — но я вижу лишь один способ легче переносить ухаживания мужчины.

— О, правда? — Она ощущала в своем голосе нервную дрожь. Конечно, в глубине души она надеялась узнать больше, чем порядочная леди в ее положении согласилась бы услышать.

— Да.

Брэм на шаг ближе подошел к ней. По-прежнему глядя ей в глаза, он взял в ладони ее лицо, наклонился и коснулся губами ее губ. От нежной ласки сами по себе затрепетали ее веки. Когда он чуть отступил от нее, как будто определяя, понравился ли ему ее вкус, она почувствовала... разочарование. Но это было намного лучше того ощущения, которое возникло у нее от прикосновения Косгроува. В этом поцелуе было нечто такое, что заставило сердце трепетать.

— Это был...

Он снова не дал ей договорить. Его губы искали ее губы мягко и в то же время настойчиво. Неожиданно жар желания пробежал по ее телу. Боже, как он умел целовать! Ей не хотелось останавливать его... У Роуз перехватило дыхание, она уперлась руками в его грудь, но вместо того, что бы, как надлежало леди, оттолкнуть его, она ухватилась за лацканы его сюртука, приподнялась на цыпочки и прижалась к нему.

Брэм целовал ее глубоким поцелуем, лаская ее язык своим языком. Подталкивая ее, он прижал ее к книжному шкафу и дразнил, покусывая ее губы, пока она чуть не задохнулась. Ничего не могло быть приятнее. И этого нельзя было ожидать от человека с репутацией Брэма Джонса.

Он убрал руку с ее лица, и она скользнула по ее телу. К чему бы он ни прикасался, даже сквозь ткань ее платья он чувствовал ее жар. Почти ожог. Он приподнял ее и прижал к своему твердому, сильному телу, и у нее вырвался стон.

Кровь шумела в его ушах и бурлила в паху. Он не мог скрыть свидетельства своего возбуждения, ибо к этому совсем не был готов. Слава Богу, Розамунда, казалось, не могла оторвать изумленного взгляда от его лица, хотя, должно быть, чувствовала его возбуждение. В своем воображении он сорвал с нее всю одежду. Его взгляд зачарованно остановился на алом румянце ее щек и заманчиво влажных, припухших, полураскрытых губах.

Переведя дыхание, он повернулся к ней спиной. Брэма беспокоила его собственная реакция на нее по целому ряду причин. Которые из них лучше, которые хуже, он никак не мог понять.

«Скажи же что-нибудь, черт тебя побери», — приказал он себе.

— Вот теперь вас поцеловали, — проворчал он.

— Боюсь, мне надо присесть на минутку, — неуверенно выдохнула она.

— Пожалуй, — не оборачиваясь, сказал он, делая глубокий вдох и всеми силами пытаюсь представить целую процессию старых, обрюзгших, бородавчатых женщин... даже мужчин...

кого угодно, только бы ослабить давление в паху. — Посидите минуту. И не забудьте выбрать одну из книг, которые рекомендовал мой брат.

Он услышал, как она села.

— Брэм...

Ее тихий голос остановил его, когда он уже взялся за ручку двери. Проклятие!

— Что?

Она прокашлялась.

— Это был хороший урок. Но я не думаю, что он ограничится поцелуями.

Неожиданный гнев, вызванный ее словами, помог ему вернуть самообладание. Брэм посмотрел на нее:

— Я тоже так не думаю. Можете не сомневаться.

— А вы, значит, еще не... закончили? — спросила она, сложив руки на коленях так, что он почти не заметил, как они дрожали. — Помогать мне, я хочу сказать?

Он нахмурился:

— Честно говоря, Розамунда, если рассказать вам, какую боль вы почувствуете от удара кулаком, то это не уменьшит боль, когда вас стукнут по-настоящему.

Роуз встала и подошла к нему. Он был почти уверен, что она хочет еще раз поцеловать его, но неожиданно, без всякого предупреждения, она размахнулась, словно собираясь ударить его по лицу. Брэм инстинктивно остановил ее руку прежде, чем она коснулась его лица.

— Если бы я знала, чего ожидать, — сказала она, опуская руку, — я, прежде всего, сумела бы избежать удара. Я только надеюсь, вы говорили метафорически.

— Да как вам сказать? Я все еще жду от вас разумного решения.

— Я не брошу свою семью на погибель, милорд. Так вы будете помогать мне?

— Я... да. Конечно. Но здесь не место говорить об этом. — Он снова взглянул на нее и почувствовал, что погружается в ее ярко-зеленые глаза. — Сначала несколько уроков игры в фараон, — сказал он и сбежал.

«Игры Люцифера». Он не испытывал такого возбуждения и таких мук с тех пор, как в шестнадцать лет впервые переспал с женщиной. К счастью, она знала, что делает, и к тому же была превосходной актрисой. На сцене игра Лилиан Мейбери в роли Офелии и сравниться не могла с ее искусством, проявившимся в довольно тесной примерной.

«Заткнись!» — приказал он себе, направляясь вдоль по коридору. Почему, черт побери, поцелуй девственной леди Розамунды пробудил в нем воспоминания о его первом сексуальном опыте, случившемся тринадцать лет назад?

Вероятно, потому, что он был полон жизни в ту незабываемую ночь. Он ощущал все — каждое прикосновение, каждый вздох, каждый звук. И вот таким же он чувствовал себя, целуя Розамунду. Полным жизни. Неужели это еще возможно?

Принимая во внимание, что за два последних года самым сильным чувством в его жизни была скука, новая ситуация крайне тревожила его. Потому что, насколько он помнил, он не испытывал скуки с того момента, когда впервые увидел Розамунду Дэвис. Ни единой минуты.

Глава 6

Обед, в котором приняла участие Роуз, в достаточной степени пришедшая в себя, был шумным, бурным и очень веселым. Даже Джеймс, казалось, забыл о своем разочаровании из-за валюты, приготовленной для игры, и тоже творил разные глупости.

— Вы никогда не делали этого, дядя Брэм! — воскликнула семилетняя Каролина, набившая рот мясом и соусом.

Брэм с серьезным видом возразил:

— Делал. Задом наперед, всю дорогу от Дувра до моста Тауэра.

— Вы всю дорогу ехали на лошади, сидя задом наперед, и ни разу не свалились? Я вам не верю.

— Я видел, как это было записано в книге в «Уайтсе», — вставил Джеймс. — Почти пятьдесят человек заключили пари, и там отмечено, что оно было успешно выиграно.

— Вот видишь? Я тебе говорил, Каро! — обрадовался Оскар. — Я проеду, едя задом наперед, всю дорогу от Брайтона до Лондона. Это будет очень трудно, но я отличный наездник.

— А я так не думаю, молодой человек, — раздался у дверей новый звучный голос. — Если ты сломаешь себе шею, то твой дядя Брэмуэлл станет законным наследником, а никто из нас этого не хочет.

Дети, за ними леди Хейт с супругом, а затем и Джеймс поспешили встать. Инстинктивно встала и Роуз, но Брэм, сидевший рядом с ней, продолжал сидеть и есть тушеное мясо.

Герцог Левонзи вошел в комнату и по очереди осмотрел всех присутствующих. Его взгляд чуть задержался на Роуз и устремился на лорда Хейта.

— Извини за опоздание, Огаст, — сказал он, усаживаясь в конце стола, где лакей поспешил обслужить его. — У меня была встреча с Принни и Мелборном.

— Нет необходимости извиняться, отец. Вы знакомы с лордом Лестером и его сестрой Розамундой? Мой отец, герцог Левонзи.

— Ваша светлость! — Роуз сделала реверанс, Джеймс поклонился, и все сели на свои места.

— Да, мы встречались, когда Лестер еще носил короткие штанишки, а девочка только начинала говорить. А старшая девочка, Беатриса, была очень хорошенькой.

Роуз занялась едой. В оценке герцогом ее внешности она не услышала ничего нового для себя; едва начав холить, она уже прекрасно знала, кто был красавицей в их семье. Сказанное незнакомым человеком, это прозвучало немного похоже на пощечину, но Левонзи и ее отец много лет знали друг друга. Герцог, без сомнения, был в курсе, какого мнения о ней была ее семья.

— Так сказать, ворона среди белоснежных голубок, — заметил Брэм, беря булочку и жестом прося передать ему масло.

Маркиз Хейт кашлянул.

— А как сейчас поживает герцог Мелборн? — поспешил спросить он.

— Принимая во внимание, что его семья не бросает оскорблений ему в лицо, я бы сказал, что он чувствует себя неплохо. — Герцог наконец посмотрел на Брэма: — Я не заметил, что ты здесь.

— Я бы предпочел, чтобы вы и дальше не замечали меня. Или было бы лучше, если бы заметили, но придержали ваши нелепые замечания, направленные на меня и задевающие гостей Огаста.

Несмотря на все усилия, щеки Розамунды вспыхнули. Был ли герцог против приглашения

Брэма или ее присутствия, потому что ее обещали выдать за Косгроува? Ни то ни другое было не в ее пользу.

— Это мой дом, — неожиданно заявил Хейт. — Все, кто находится здесь, — мои гости. А раз уж Оскар решил закончить вечер с фунтом орехов в карманах, я думаю о старой аксиоме: «Чем больше нас, тем веселее».

— Два фунта, — уточнил юный Оскар. — А вы принесли денежки, дедушка?

— Я не занимаюсь вашими глупыми играми. Брэм усмехнулся, но далеко не весело.

— Он опасается проиграть, Оскар. Не надо беспокоиться. Мы с тобой понимаем, что риск — половина удовольствия.

— Я тоже думаю, что это глупая игра, — заявила Каролина.

— Это потому, что ты не знаешь сложения.

— Я знаю сложение, Оскар. Ты мошенничаешь.

— Ну, ну, Каро. Ты же помнишь, что у нас не приняты такие обвинения. — Леди Хейт имела такой вид, как будто она бы предпочла попасть под сильный ливень. Роуз лишь надеялась, что ей удастся лучше скрыть свою растерянность.

— Скажите мне, молодой лорд Керкден, что вы думаете о Лаури-Хаусе? — спросил герцог, отворачивая нос от картофеля, поданного лакеем.

— Доме дяди Брэма? Очень хороший дом. Такой красивый.

— А ты знаешь, что он будет принадлежать тебе, когда ты достигнешь совершеннолетия? Ты — наследник своего отца, а значит, и мой наследник.

Мальчик озадаченно свел брови:

— Но где же будет жить дядя Брэм?

— Я? Я стану фермером и начну разводить овец. Полагаю, твой дедушка будет моим главным покупателем. — Брэм подмигнул молодому виконту. — Или может быть, я уеду в тропики и стану выращивать орехи.

Оскар рассмеялся:

— Вы будете богатым.

— Да, пожалуй. Кстати, о богатстве. Ваша светлость, как сейчас поживает Брейтуэйт? Я слышал, что его ограбили. Опять Черный Кот?

Герцог поблел.

— Ты слишком много себе позволяешь.

— Ничего подобного. С чего ты взял?

Роуз перевела взгляд с сына на отца. О Господи! Она должна была выйти замуж за монстра, чтобы помочь своей семье, а Брэма «в интересах семьи», по-видимому, выгонят из его собственного дома. У них оказалось больше общего, чем она ожидала.

Будучи жертвой чужой игры, она нуждалась в союзнике. Брэм незаметно бросил на нее взгляд, давая понять, что ее не должны пугать угрозы герцога. Но они ее совсем не пугали. Ей было интересно. И очень хотелось получить новый урок поцелуев.

Финеас Бромли, вероятно, в седьмой раз оглядел длинный зал. У отставного армейского полковника был силен инстинкт выживания, но Брэмуэлл сомневался, что тот подозревал о засаде в египетском зале Британского музея.

— Все-таки что мы здесь делаем? — искоса взглянув на него, спросил Фин.

— Сегодня я стараюсь быть беспреступным. Я никого насколько помню, не соблазнил, поэтому подумал: это место нам подходит.

— А ты знаешь, что нет такого слова «беспреступный»?

— Я только что придумал его. И ты должен мне шиллинг за то, что употребил его.

— Однако... Я должен сегодня утром встретиться с архитектором.

— Тогда я освобождаю тебя, а ты мне должен услугу и шиллинг.

— Встреча важная: мы почти закончили дизайн минеральных ванн в Куэнсе.

Брэм подошел к роскошно украшенному саркофагу.

— А ты не скучаешь?

— Что ты имеешь в виду?

— Десять лет ты каждый день рисковал своей шкурой, Фин. Война, женщины, пьянство, опасность — наконец, ты разбойничал на дорогах.

Фин сделал шаг к нему.

— Говори потише, черт тебя побери. Нет, я не скучаю по этому. Я очень доволен жизнью, которую обрел.

Он хлопнул перчатками по ладони.

— И что все это значит? Ты зачем-то заставил меня признаться, что мне нравится семейный очаг. Для чего? Чтобы потом оскорблять, обзывать кастрированным быком? Мы это уже проходили. Тебе надо что-то новое, Брэм, потому что на этой дороге ты вытоптал всю траву, какую только мог. Какая-то женщина отвергла тебя, и ты сердисься?

— Нет. Не в этом дело. — Если бы в этом заключалась проблема. — Я всю неделю спал только в своей постели. И спал в ней один, если ты собираешься спросить меня об этом.

Его друг рассмеялся:

— Прости меня, пожалуйста. Ты неважно себя чувствуешь? Или — упаси Бог! — проигрался?

Глаза Брэма сузились.

— Черт. Я знал, что мне следовало поговорить с Салливаном. А этот лошадиник не приехал в Лондон.

— Он приедет, если ты попросишь. — Фин снова взглянул на него. — Перестань ходить вокруг да около и скажи, что тебя тревожит.

— Если бы я знал... — Он уже давно так не чувствовал себя. Не мог, например, поехать в Суссекс повидаться с Салливаном Уорингом, потому что всего через три недели объявят о помолвке Розамунды, а еще через несколько дней она выйдет замуж. За Косгроува. Он содрогнулся. — Позавчера ночью я ограбил лорда Вилльера, и даже это мне не помогло.

— Брэм, пошли ты все к черту, — проворчал Фин, — ты должен прекратить заниматься этим. Я слышал разговоры. Черного Кота разыскивают лучшие сыщики с лондонской Боу-стрит. Принни собирается послать солдат, если поступит еще одна жалоба.

— Очень надеюсь на общественный резонанс. Это была бы пустая трата времени с моей стороны, если бы никто не обратил внимания.

Левонзи, конечно, заметил его состояние, но он лишь, по обыкновению, огрызался. Справедливости ради надо сказать, что за прошедшую неделю Брэм не так уж много времени тратил на свои ночные дела, они перестали его увлекать. Его занимало совсем другое.

— Не знаю, что тебе и посоветовать, друг мой. Приходи сегодня обедать. Бет увлечена лордом Джоном Элиотом, так что ты будешь в безопасности.

— Твоя сестрица — просто ураган.

— Только для тебя. Брэм заколебался.

— А можно я приведу пару друзей? Фин мгновенно насторожился.

— Каких же это?

Сдерживая раздражение, Брэм криво усмехнулся:

— Не Косгроува, успокойся.

— Боюсь, я стал разборчив. Несу ответственность за эти кошмарные восемнадцать лет, и у

меня есть жена, пережившая немало скандалов.

— Бог мой, — воскликнул Брэм, — тебя действительно кастрировали!

— Брэм, это не...

— Лорд Лестер и его сестра. Я... взял парнишку под свое крыло. — А он не видел Розамунду три дня после того вечера, когда поцеловал ее. Лишив себя возможности встречаться с ней, он не перестал чувствовать беспокойство и раздражение каждый раз, когда думал о ней.

— Ну, приводи их. В семь часов. — Финеас вынул из кармана часы и откинул крышку. — Я думаю, успею на мою встречу. Покидаю тебя. Ничего не воруй в музей, или я сам выдам тебя.

— Да, да. Беги скорее, обещаю быть паинькой.

Усмехнувшись, Фин похлопал его по плечу и поспешил на встречу с архитектором. Брэм, как ему казалось, был рад за него, хотя ему доставляло большое неудобство, что вечера его друзей, даже когда они приезжали в Лондон, были заполнены семейными обедами и светскими приемами, кончавшимися рано, так, чтобы они успевали вовремя вернуться к обожавшим их женам.

Вздохнув, он вышел из музея. Ему надо было сообщить Лестеру, что они приглашены еще на один обед. Удобнее всего было бы оставить записку, но он не пренебрегал так называемыми обязательствами перед Розамундой. И, черт побери, ему хотелось увидеть ее.

С этим идиотским желанием он подъехал к Дэвис-Хаусу и постучал в парадную дверь. Прошло несколько секунд, и дверь распахнулась.

— Милорд, — поклонился ему дворецкий.

— Лестер дома?

— Нет, милорд. Полагаю, он завтракает с лордом Косгроувом.

Проклятие!

— Леди Розамунда?

— Если вас не затруднит подождать в гостиной, я доложу.

По крайней мере хоть она дома. И ему было позволено войти в дом. Бывали случаи, когда его не пускали дальше холла. Репутация опасного повесы тянулась за ним шлейфом.

У Розамунды оставалось все меньше времени, чтобы решить, поможет ли ей его помощь при следующей встрече с Косгроувом. Брэм сомневался, захочет ли она вообще видеть его. С необъяснимой тревогой он ходил по комнате и ждал.

— Здравствуйте, Брэм.

При звуке ее голоса он резко обернулся. На ней было зеленое с желтым пышное муслиновое уличное платье, а поверх него наброшена накидка. Он был бы слепым, если бы не охватил взглядом всю ее — от уличных сапожек до красивого платья с низким вырезом, до пульсирующей жилки на ее горле, до рыжих волос с влажной прядью, упавшей ей на щеку.

— Розамунда. Я... я не помешал? Она смахнула со щеки прядь.

— Я помогала переставлять мебель в гостиной. Вслед за ней в комнату вошла горничная, что ему совсем не понравилось. Проклятые приличия.

— Значит, мне уйти?

— Не знаю. Зачем вы здесь?

В его голове было пусто, как на чистом холсте художника. Через мгновение он вспомнил.

— Я приглашаю вас и вашего брата снова пообедать со мной в доме лорда Куэнса, в Бромли-Хаусе. Это на Сент-Джордж-стрит. Вы его знаете?

— Вы знакомы с лордом Куэнсом?

— Более близко с его братом Финном, но да, знаком. Поедем?

У нее дрогнули губы.

— Марта, оставь меня на минуту, ладно? — Но ваша мама сказала...

— Я полагаю, моя безупречная репутация всем известна, — перебила ее Розамунда. — Пожалуйста, Марта.

Горничная повиновалась и поспешно вышла из комнаты, закрыв за собой дверь. Но Брэм продолжал стоять на месте, и половина комнаты разделяла их. Обычно ему было достаточно мгновения, чтобы понять натуру человека и его намерения; этот дар был очень кстати во время игры в карты и помогал избегать дуэлей с обманутыми мужьями. Но сегодня он не мог догадаться, о чем думала Розамунда.

— Я полагала, вы уже забыли меня, — сказала она, помолчав. — Поцеловали, и вас это позабавило, или выиграла какое-то пари, заключенное с лордом Косгроувом, или что-то еще, и отправились одерживать следующую победу.

Брэм поднял бровь.

— Вы сердитесь на меня? За что? За то, что был только один поцелуй? За то, что я не испортил вашу репутацию?

— Все-таки я совсем мало вас знаю.

В жизни Брэма было немного моментов, Когда он чувствовал себя совершенно растерянным.

— Я считал, что поступаю бескорыстно. Видимо, ошибался, у меня мало опыта.

Розамунда насмешливо фыркнула. Он подошел ближе.

— О, вы находите это забавным, не так ли? Если бы вы имели хоть малейшее представление о том, что бы я хотел сделать с вами, то убежали бы от меня.

Насмешка погасла в ее зеленых глазах.

— Вы пытаетесь убедить меня, что между вами и лордом Косгроувом нет никакой разницы?

Не в силах удержаться, он дотронулся до нее и провел пальцем по ее руке.

— Очень небольшая, — согласился он. — Мы оба убежденные гедонисты, которые пекутся только о своем удовольствии и ни о чем-то другом.

— Но вы предложили помочь мне.

Да, он предложил, а причина этого с каждой минутой казалась все запутаннее.

— Я знаю. Меня это тоже удивило. Но я дал слово и пытаюсь делать все возможное.

— Вы очень интересный человек, — сказала Розамунда. — И у вас есть друзья среди женщин. Настоящие друзья. Не думаю, что лорд Косгроув может похвастаться этим.

Он улыбнулся, искренне польщенный:

— Благодарю вас, миледи. Поскольку я уже здесь, не поцеловаться ли нам опять, или вы желаете пройти по садовой дорожке немного дальше?

Она отступила назад.

— Это не очень романтично.

Потребовалось несколько больше самообладания, чем он мог ожидать, чтобы не сделать шага к ней.

— А уж как прозаичен ваш предполагаемый муж! Не ждите от него букетов цветов. Если вы все же их получите, это будут скорее всего ядовитые сорняки.

Розамунда заколебалась.

— Он намеревается убить меня?

Всерьез ли обеспокоена своей участью эта девушка?

— Я полагаю, что нет. — Брэм некоторое время смотрел на светлые веснушки, рассыпанные по ее переносице, — Кинг манипулирует людьми, — медленно произнес он, все еще не уверенный до конца, стоит ли продолжать эту игру. Чтобы выиграть, ему надо, чтобы жертва переступила черту, которую никогда бы не хотела или не осмеливалась переступить.

Некоторые кончали погубленной репутацией, потерей чести, состояния. Другие умирали, были убиты или кончали самоубийством.

Она нервно и неестественно засмеялась:

— Может, не стоило этого говорить... Сомневаюсь, что у вас найдется десять тысяч, чтобы одолжить мне. Ведь так?

Настала его очередь мрачно улыбнуться:

— Я, как и ваш брат, ежемесячно получаю деньги на свое содержание. Но в данный момент меня снова лишили его. — В основном он жил на деньги, выигранные в карты. Но стоило ли посвящать ее в подробности своего финансового положения?

— В любом случае это не ваша беда, Брэм. Мне не следовало обращаться к вам за помощью.

Новая волна гнева захлестнула его. Косгроув, Лестер, лорд и леди Абернети, они все заключили выгодные для себя сделки, предоставив ей, ни в чем не повинной, расплачиваться за них. Негодование было незнакомым ему чувством, и оно ему совсем не нравилось.

— Есть одна услуга, которую я могу оказать вам, Розамунда.

Он не успел сообразить, что он тоже по-своему использует ее, точно так же, как и остальные. Не думая ни о чем, он взял ее за руки и притянул к себе. Кинг предоставил ему повод помогать ей, но истина заключалась в том, что он целовал ее не для того, чтобы помочь ей, а потому что ему этого хотелось, и это его тревожило. Как мало он себя, оказывается, знает.

На этот раз, когда их губы соприкоснулись, он ожидал эту волнующую покаяющую теплоту, растекающуюся по его спине. Он откинул ее голову, еще крепче прижимаясь к ней. На мгновение мелькнула мысль: странно, что ее полураскрытые мягкие губы вызывали у него, человека, не получавшего особого удовольствия от поцелуев, желание поцеловать ее.

Эта мысль слегка испугала его, и он отступил на шаг. Да, он был животным, получавшим удовольствие от совокупления с избранной частью хороших особ женского пола. Но ему не следовало желать женщину, которую избрал для себя Косгроув. Он оказывал ей услугу, показывая, каким образом Кинг попытается унижить ее, старался избавить от шока первого поцелуя, первой ласки — всего, что она позволит ему. И больше ничего. Это была благотворительность. Не больше, чем приятное своеобразное доброе дело. — Брэм... Он взглянул на нее.

— Я размышляю, — нашелся он, — что мне еще показать вам. Губы или руки.

— Губы вы мне показали. — Говоря это, она смотрела на его рот.

Горячая волна пробежала по его телу, Брэм сузил глаза.

— Если вы так считаете, я покажу вам кое-что еще, — тихо сказал он.

На этот раз, приблизившись к ней, он не тронул ее ожидавших поцелуя губ, а покрывал поцелуями ее щеки от подбородка до уха. От неожиданного наслаждения у нее перехватило дыхание, а он не отрывался от ее лица. Черт бы все побрал! Если уж он взялся за обучение, то вполне может дать ей настоящий урок.

Брэм просунул пальцы в ворот ее платья и спустил рукав с ее плеча, не переставая ласкать обнажавшуюся кожу губами, зубами и языком. Он заметил, как она напряглась, когда он коснулся языком ямочки на ее горле, но тут же ее пальцы запутались в его волосах. Одна преграда преодолена. Вздохнув, он продолжил обучение.

Несмотря на большое количество любовниц, Брэм даже не мог вспомнить, когда он с такой... нежностью обнимал женщину. Он никогда не соблазнял девственниц, но дело было не в этом. Ее короткое прерывистое дыхание, движения ее ног, ее кожа с ароматом мыла и лаванды — все это делало ее самой соблазнительной из всех женщин, встречавшихся ему. Он так увлекся, что не слышал голосов, раздававшихся в коридоре. Дверь дрогнула, и к нему вернулось

обычно не покидавшее его чувство опасности. Опустив на место рукав ее платья, он толкнул Розамунду обратно на диван, затем перегнулся через его спинку.

Дверь распахнулась.

— Роуз! Лорд Брэмуэлл! Что вы...

Брэм, стоявший на коленях, ухватившись одной рукой за спинку, другой судорожно пытался привести в порядок панталоны, скрывая свое эротическое возбуждение.

— Лорд Абернети, — спокойно сказал он, снова заглядывая за спинку. — Я не вижу ее, леди Розамунда, — продолжил он. — Я не мог не узнать иглы для вышивки, если укололся ею.

Глядя между ножек дивана, он увидел туфли матери, появившейся следом за графом. Они имели все основания не доверять ему и неодобрительно смотрели на его появление в доме, особенно в обществе своей дочери, к тому же наедине. Но они слишком долго медлили, за это время он бы с успехом мог сбежать с ней и половиной их имущества.

— Она серебряная и загнутая, — робко пробормотала Розамунда.

«Умница», — мысленно похвалил он ее. У нее были мозги, и она точно знала, как и когда пользоваться ими.

— А вы уверены, что не воткнули ее в вышивку? — Наконец, чувствуя и выглядя более уверенным в себе, Брэм медленно поднялся на ноги и отряхнул свои несчастные штаны. — Думаю, искать бесполезно, вам надо купить новую.

— Да, я тоже так думаю.

Выйдя из-за дивана, Брэм протянул руку графу.

— Простите, что заехал без Лестера, — сказал он, когда они пожали руки, — но я думал, что мы вместе поедем в «Таттерсоллз».

— А когда вы узнали, что его нет дома, то подумали, не поедет ли с вами Роуз вместо него? — высказала предположение графиня.

Итак, в семье Дэвисов женщины обладали большей долей интеллекта. Ему следовало помнить об этом.

— Раз уж я приехал сюда, то пригласил леди Розамунду и вашего сына отобедать с лордом Куэнсом, — ответил он.

— Я упомянула, что где-то здесь уронила иголку, и лорд Брэм заявил, что обладает чутьем хорошей собаки-ищейки, вот и все, — закончила Розамунда, тоже вставая.

Абернети переглянулись.

— Полагаю, ничего плохого не произошло. Лорд Брэмуэлл, можно вас на одно слово, прежде чем вы уедете?

Черт, прекрасно. Он последний раз взглянул на Розамунду, но не решился взять ее за руку.

— Конечно. Мне в любом случае пора уходить. Я заеду за вами и Лестером без двадцати семь. — Поклонившись, он вышел из комнаты и подождал графа в коридоре.

Абернети вскоре появился и повел его в кабинет.

— Мы с вашим отцом друзья, — заговорил он, когда они оказались наедине.

— Я это знаю. И ничего не имею против вас. — «Кроме чуть не состоявшейся кражи. Но не волнуйтесь, она не состоялась. А вот продажа дочери Косгроуву — это уже напоминает кражу узаконенную».

— Я только хочу, чтобы вы поняли: есть единственная причина, по которой я не вышвырнул вас вон пинком под зад. Как я полагаю, вам известно и о долге Джеймса, и о соглашении, которое я заключил с лордом Косгроувом о его погашении.

Разрываемый желанием показать Абернети, что любая попытка вышвырнуть его приведет к кровопролитию, и высмеять графа с его «соглашением», Брэм предпочел кивнуть:

— Мне это известно, милорд.

— Тогда ваше присутствие здесь — по поручению Косгроува или по собственной воле — нежелательно. Вы должны оставить Роуз в покое на все то время, пока ее благополучие и репутация в моих руках. Я не допущу, чтобы вы и дальше совались не в свое дело.

Брэм перевел дыхание.

— Поскольку ее благополучие будет находиться в ваших руках еще три недели, вы должны понять: разрешив ей иметь друзей среди знакомых Косгроува, вы очень поможете ей. Я пригласил ее и Лестера на семейный обед к виконту Куэнсу. Надеюсь, вы не станете возражать, если ваша дочь будет обедать в доме человека с такой безупречной репутацией, как Уильям Бромли?

— Нет, не возражаю. Но поберегитесь, сэр, я буду слезть за вами.

«И ты будешь очень стараться», — подумал Брэм, но только еще раз кивнул. Он получил то, чего в данный момент хотел — обед с Розамундой. После этого, как он предполагал, ему лучше хорошенько поразмыслить — пока Абернети или Косгроув не добрались до него.

— Роуз, я привез с собой Косгроува, — заявил Джеймс, входя в гостиную. — Ты говорила, что тебя расстраивает, что ты выходишь замуж за человека, которого плохо знаешь. И он сказал: это никуда не годится.

Роуз не успела выругать Джеймса, как в комнату вошел маркиз. Она поспешила встать. Несмотря на минутную панику, охватившую ее, она попыталась напомнить себе, что теперь догадывается, чего ей ожидать. Если он поцелует ее, губами или... языком, она сохранит самообладание. Благодаря Брэму она запомнила и это ощущение, и причины, по которым он сделает это. Возможно, проявление внутренней силы и смелости с ее стороны может убедить Кингстона Гора в том, что ее не испугаешь. По крайней мере, может быть, при следующей встрече он будет обращаться с ней с большим уважением. И после свадьбы тоже.

Она старалась избежать возможного конфликта. Особенно с противником, который намного опытнее ее. Не хотела, чтобы он узнал, что она уже собирает сведения о нем. И конечно, это занятие абсолютно не было связано с тем поразительным фактом, что ей нравились ласки, нравилось, когда ее целовали. Это — как и пособничество Брэма Джонса — было необходимо держать в секрете.

— Добрый день, милорд, — сказала она с улыбкой, делая реверанс.

Косгроув наклонил голову. Если бы обстоятельства и репутация темной личности уже не заставили его предстать перед ней злодеем, то его внешность предназначила бы ему роль настоящего красавчика. Золотистые волосы, голубые глаза, улыбка, которой позавидовали бы ангелы, — на первый взгляд его вид опровергал все, что она знала о нем. Только его бледная, почти прозрачная кожа и безжизненный взгляд говорили о его истинной натуре. Если бы не его отвратительное поведение в прошлый раз, зачем бы ей держаться с ним настороже? Слава Богу, ее отец предоставил ей месяц, чтобы подготовиться к неизбежному. Но как быстро течет время!

— Я знаю, мы мало знакомы, — сказал он, жестом предлагая ей сесть и устроиваясь рядом с ней. — Но нам надо постараться исправить это до того, как объявят о нашей помолвке, как вы думаете?

Гм... Не было ли это испытанием ее духа и стойкости? Она хотела, чтобы он оказался доброжелательным и благородным, но и не забывал при этом, что она не дура.

— Я считаю, мы могли бы стать друзьями, — медленно произнесла она, — если каждый из нас будет соблюдать приличия и такт. Каждый из нас.

Он улыбнулся:

— Джеймс, иди и сядь вон там, дай нам поговорить. — Он указал на дальний угол комнаты.

Ее брат тотчас подошел к двери, сел, затем вскочил, схватил с полки книгу и снова сел. Один только факт, что Джеймс добросовестно перелистывал страницы с текстом, уже говорил о том влиянии, которое Косгроув оказывал на него. Обычно все, что ей оставалось делать, спасаясь от болтовни брата, — это уйти в библиотеку.

— Так вы хотите, Роуз, чтобы я придержал язык?

— Да, милорд. Я ничего вам не сделала, чтобы вы относились ко мне без уважения и доброты.

— В самом деле. И вы желаете относиться ко мне с таким же уважением и добротой?

Неожиданно в ней проснулась надежда. Шансов не было, но, может быть, лорд Косгроув... всего лишь неловок с женщинами? Ну, не умеет красиво ухаживать? Так это простительно.

— Конечно. Я иногда мечтала о браке по любви, но у меня нет иллюзий на этот счет. Я понимаю, что мой отец не может вернуть вам этот несчастный долг, виной которому —

глупость моего брата. А я всегда исполняю свой долг перед семьей.

— Очень хорошо сказано. Меня могла бы огорчить мысль, что имей вы свободу выбора, то вряд ли бы обратили свой взор на меня. Но поскольку вы намерены наилучшим образом выполнить условия соглашения, я чувствую себя счастливым.

— Очень рада это слышать, лорд Косгроув.

— Я хочу сказать, что вы доставляете мне удовольствие, — продолжал он, положив свою руку на руку Роуз, лежавшую на ее колене. — Я задел вашу гордость, и вы решили, что это было испытание. Что ж, теперь подставьте другую щеку, и я постараюсь стать добрее.

— Так, значит, все в порядке? — решила спросить она.

Он расплылся в улыбке:

— Ну разумеется. В нашу первую брачную ночь я поставлю вас на четвереньки и залезу на вас, как пес залезает на суку. И вы будете стоять так, пока я не позволю вам подняться. Разве вы не цените мою новую готовность быть откровенным с вами?

Она смотрела на него, чувствуя, как холодеет все ее тело.

— Не вижу необходимости говорить мне обо всех этих мерзостях.

И было неудивительно, что Брэм усмехнулся, когда она отказалась верить, что слова могут причинить боль. Она просто этого не знала, в силу скромного жизненного опыта не догадывалась.

— Верно, — ответил он. — Я мог бы не говорить вам о своих намерениях, пока мы не дадим друг другу наши обеты — я буду соблюдать их, а вы — подчиняться. Но я мысленно уже представляю эту ночь со всеми подробностями. — Маркиз глубоко вздохнул. — Если честно, одно то, что я говорю об этом вам, уже доставляет мне удовольствие. — Схватив ее руку, лежавшую на ее коленях, он переложил ее на свое колено. — Позвольте мне показать вам, какое удовольствие я испытываю в эту минуту. Она вырвала у него свою руку.

— Оставьте меня! — прошипела она, торопливо и неловко поднимаясь на ноги.

— Я больше не трону вас до нашей следующей встречи, — тихим голосом сказал он, вслед за ней вставая с дивана. — А тем временем, я не сомневаюсь, вы каким-либо образом сумеете заинтересовать Брэма Джонса. Предупреждаю вас, что ему нравятся скандалы и ссоры — если он затевает их сам. Но как только они начинают угрожать его удобствам и покою, он уйдет, даже не оглянувшись. Я об этом позаботился. Теперь, надеюсь, вы больше не питаете иллюзий.

— Не понимаю, о чем вы говорите. И не смею вас больше задерживать. — С этими словами она вышла из комнаты и, не останавливаясь, поспешила скрыться в относительной безопасности своей спальни.

С каждым словом, сказанным Косгроувом, ее будущее представлялось ей все страшнее. Роуз быстрым шагом расхаживала взад и вперед по комнате. И только когда она запыхалась, а ее сердце билось скорее уже не от страха, а от изнеможения, она позволила себе упасть на кровать.

Неожиданно ей пришла в голову мысль, что дело вовсе не в грубых выражениях маркиза: он всего лишь доводил до ее сведения то, что давно задумал. Но ведь на войне одна сторона не сообщает другой о своих планах. Он совершил ошибку, заранее раскрыв карты и признаваясь, — Что ее страх увеличивает его удовольствие.

Брэм называл Косгроува монстром. И она впервые поняла, что он был абсолютно прав. Сознать-то она это сознавала, но что могла изменить в этой катастрофической ситуации? Ведь вряд ли удастся покинуть дорогу, ведущую ее к пропасти — к браку с маркизом Косгроувом.

Прошло около часа, когда Джеймс просунул голову в дверь библиотеки:

— Элбон сказал, что ты меня искала. Знаешь, я только пытался тебе помочь, когда привез сюда Кинга.

— Да-да. — Отложив в сторону книгу и стараясь привести в порядок расшатавшиеся нервы, Роуз жестом разрешила ему войти. — Мне надо тебя кое о чем спросить.

Настороженно, словно ожидая, что книги слетят с полок и начнут бить его, брат Роуз вошел и сел в кресло напротив нее.

— Между прочим, сегодня я выиграл у Косгроува и его приятелей тридцать фунтов. Брэм знает, как надо играть в карты, даже если играешь на орехи с детьми.

Чудесно. Она не думала, что Джеймс вложит эти тридцать фунтов в погашение своего долга Косгроуву, но если спросить его, то он разозлится, начнет долго и нудно оправдываться, а ей не хотелось говорить с ним.

— Я собиралась сказать тебе, что Брэм снова пригласил нас пообедать с ним сегодня вечером. С лордом Куэнсом и его семьей.

Брат усмехнулся:

— Отлично. У меня будет случай еще раз поучиться у него выигрывать.

Вот и хорошо. Если бы Джеймс не пожелал поехать, то она тоже не смогла бы этого сделать. А поразмышлять, почему ей так сильно хочется увидеть Брэма, она сможет и потом.

— Расскажи мне о лорде Косгроуве. Джеймс недовольно нахмурился:

— Я не хочу. Он мой друг, и я знаю, что и ты, и отец, и мать не любите его. Даже если и не догадывался раньше, то тот факт, что ты убежала, когда он пытался пофлиртовать с тобой, подтвердил мою догадку.

Роуз чуть не задохнулась. Если он так «флиртует», то она наверняка не переживет брачную ночь. И может быть, это даже к лучшему.

— Ты бы попробовал рассказать мне о его положительных качествах. Например, почему ты считаешь его своим другом? Что тебя влечет к нему?

— Ты что, разыгрываешь меня, да?

— Нисколько. — Она положила книгу на соседнее кресло. — Ты сделал несколько ошибок, Джеймс, — заявила она. — Ты...

— О, вот видишь! — Он вскочил на ноги. — Отец мне уже сказал, что я слабоумный простофиля. И не надо мне больше нотаций.

— Это не нотация! Я хотела сказать, что в результате твоей... «дружбы» я должна выйти замуж. — Роуз схватила его за руку и снова усадила в кресло. — Мне страшно, Джеймс. Ради Бога, пожалуйста, пойми, что для меня это важно. Это моя жизнь — до самого конца. И я хочу, чтобы ты рассказал мне, что репутация Косгроува преувеличена. Скажи мне, что он обижен, огорчен и наносит удары, не думая, но у него доброе сердце... и нужна только любовь хорошей женщины, чтобы он снова стал порядочным человеком.

Джеймс смотрел на нее, и выражение его лица медленно менялось — от недоверия и обиды до тревоги — и становилось очень, очень юным.

— Ты... ты подходишь ему, Роуз. У него есть чувство юмора, я слышал, как он смеялся над разными проделками. Ты ведь тоже любишь смеяться.

О Боже! Если даже общительный Джеймс не мог найти ничего хоть сколько-нибудь положительного в своем дорогом друге, то дело обстояло еще хуже, чем она представляла себе час тому назад. Ее немного знобило.

— А ты хотя бы видел, как он обращается с женщинами? — настойчиво спрашивала она дрожащим от отчаяния голосом. — Он любит танцевать? Он когда-нибудь ухаживал за девушкой?

— Нет, черт побери. Он говорит, что танцы — это для денди, которые не умеют играть в карты. — Он умолк, затем наклонился к ней и уперся ладонями в ее колени. — Как я уже говорил, Брэм показал мне некоторые его приемы, и я играю теперь значительно лучше. С его помощью я смогу отыграть деньги, которые должен Косгроуву. И тогда тебе будет не о чем беспокоиться. Брэм показывал и ей несколько своих приемов. Она даже надеялась, что они скорее послужат ей, чем неуклюжим попыткам Джеймса отыграться. Хотя казалось, ему уже ничто не поможет.

— Ты только не навреди, — тихо попросила она. — Наши родители не имеют средств, чтобы оплатить еще десять тысяч долга.

Когда он сбежал из библиотеки, Роуз снова раскрыла книгу. Однако читать не могла. Она медленно проводила по губам пальцами. Если Косгроув в следующий раз приблизится к ней, она должна подавить в себе инстинктивное желание ударить его и убежать. Надо попытаться выслушать Косгроува и узнать о его намерениях в отношении нее.

А что, если воспользоваться теми хитростями, которым научил ее Брэм? Помогут ли они немного повлиять на будущего мужа? Ее пугало и вызывало отвращение развязное поведение Косгроува, а вот от ласк Брэма слабели колени. Всегда ли он был таким?

Она тряхнула головой. Главным оставался вопрос, сможет ли она повлиять на Косгроува, а не на Брэма. Если бы она смогла убедить маркиза больше не играть в карты с Джеймсом, это уже было бы достижением. Почему-то Косгроув находил ее интересной. Достаточно интересной, чтобы вмешаться в ее жизнь и пытаться управлять ею. Чем... убедительнее смогла бы она быть, тем лучше для нее, ее брата и для любого, с кем Косгроув захотел затеять игру.

А теперь она думала еще об одном. Если каждая минута ее замужней жизни обернется ужасным кошмаром, она хотела бы сохранить хоть какое-то приятное воспоминание. Например, о том, как ее целовал Брэм Джонс. Это было так приятно!..

В то же время она задумывалась над тем, что получал от их «дружбы» лорд Брэмуэлл Джонс. Он несколько раз заявлял, что занят только собой, эгоистичен и своекорыстен, и Косгроув говорил о нем то же самое. Брэм, наверное, получал удовольствие, целуя ее, иначе не делал бы этого. Ведь не слепая же она, в конце концов. Когда он прижимался к ней, она ясно чувствовала свидетельство его интереса.

Конечно, нельзя забывать, что Брэм Джонс проявлял интерес к такому количеству женщин, что она не смогла бы и сосчитать. Женщинам разного возраста, экзотическим и самым обычным, замужним и одиноким. И все они, видимо, были искушены в любовных делах. Она не принадлежала к ним, и все же он поцеловал ее, причем не раз. Господи, он заставлял ее чувствовать себя буквально голой! Как находчиво он спасал ее репутацию, когда в комнату вошли ее родители! Она почему-то сомневалась, что Косгроув сделал бы то же самое. Есть о чем подумать...

Она знала, чего хотела от Брэма, и глубоко верила, что он пойдет ей навстречу, если она попросит. Это дало бы ей превосходство в общении с Косгроувом и помогло бы выстоять, если свои ужасные планы в отношении нее маркиз попытается осуществить. Уже не было разговора о том, как сильна боль от удара до того, как получишь этот удар. Она теперь хорошо представляла себе эту боль. Будет ли она способна помнить о ласках одного мужчины, в то время как другой будет угрожать и запугивать ее?

Но в этом случае существовала одна трудность, и она касалась только ее. Потому что ей все больше и больше нравился второй сын герцога Левонзи. Вопрос состоял в том, хочет ли она рискнуть и, возможно, остаться с разбитым сердцем ради спасения своей души. А выбирать оставалось очень недолго...

Брэмуэлл спустился по парадной лестнице в холл. Он проснулся необычно рано и теперь

стоял перед выбором: провести ли время, расхаживая по полусвоей гостиной или гостиной в Дэвис-Хаусе? В результате половицы дома Дэвисов проиграли.

Ему было необходимо избавиться от этой одержимости Розамундой Дэвис. Его не ждет никакая награда в конце этой истории. У него выработалось строгое табу в отношении девственниц. Каждый раз, когда видел ее, он понимал, что усложняет себе жизнь. А Брэм ненавидел любые сложности, встречавшиеся на пути. Обед сегодня и, вероятно, еще один поцелуй, и пора ставить точку.

— Вам записка, милорд, — сказал дворецкий Хиббл, подходя с подносом для писем. — Только что принесли. Брэм сначала подумал, что Абернети мог спохватиться и не разрешить своим детям общаться с негодяем. Острое разочарование, которое он при этой мысли почувствовал, удивило его, но он постарался, чтобы оно не отразилось на его лице, и взял послание.

Он сразу же узнал почерк, но не назвал бы охватившее его чувство облегчением. Косгроув... Взглянув на карманные часы, он развернул записку.

«Брэмуэлл, — читал он, — сделай мне сегодня одолжение своим присутствием. Мы не болтали с тобой почти целую неделю, и нам о многом надо поговорить. Думаю, в три часа в «Иезавели» тебя устроит. Захвати с собой столько денег, сколько не боишься проиграть. К.Г.».

Это было интересно. Пальцев одной руки хватило бы, чтобы пересчитать, сколько раз он получал приглашения от Косгроува. И в данном случае он мог бы поручиться, что этот маленький тет-а-тет связан с Розамундой Дэвис. Несмотря на то, что он уже принял решение после сегодняшнего обеда отдалиться от нее, время встречи с Косгроувом не могло быть удачнее.

— Какие-то затруднения, милорд? — осведомился дворецкий, державший в руках шляпу Брэма.

Брэм сунул записку в карман.

— Не больше, чем обычно. Меня не будет ночью. Пусть Мостин, перед тем как идти спать, приготовит бренди.

— Я позабочусь об этом, милорд.

Что бы он ни говорил дворецкому, сегодняшняя ночь не была обычной. И не только из-за того, что приглашение Косгроува могло отложить визит Черного Кота в дом лорда Монтграйва. Чертовски жаль, но странное предчувствие, заставлявшее его волноваться, не было связано ни с Кингом, ни с ограблением. Он не знал, с чем оно связано, но был абсолютно уверен, что подобное душевное состояние ему не нравится.

— Не думаю, что мы сегодня будем играть в карты, — с ходу заявил Брэм, когда дети семьи Дэвисов встретили его у входа.

Им уже пора было отправляться.

— Рад вас видеть, — сказал он, подавая Розамунде руку.

В платье светло-лилового цвета с серой отделкой она выглядела очень элегантно. На более хрупкой женской фигуре он назвал бы это платье воздушным, но на ней оно выглядело как королевское.

— Как вы себя чувствуете, леди Розамунда? — спросил он, усаживая ее рядом с собой, прежде чем она заняла место напротив.

— Очень хорошо, благодарю вас, — ответила она. Изгиб ее шеи манил его, и, чтобы скрыть неожиданное смущение, он отвернулся и выглянул из кареты:

— Бромли-Хаус, Грэм.

Карета выехала на улицу, и Брэм сразу же понял, что совершил ошибку, посадив Розамунду рядом с собой. Он мог лишь ощущать мягкие складки ее платья под своими пальцами, но,

разговаривая, не мог смотреть ей в лицо.

— Я надеялся, что вы могли бы мне дать еще несколько подсказок, Брэм, — заговорил ее брат. — Благодаря вам я сегодня выиграл у Косгроува тридцать фунтов.

Зачем он его вообще пригласил? Научить бесталанного щенка нескольким трюкам, чтобы сэкономить себе пару фунтов за игральным столом? Но Лестер казался им обоим — ему и Кингу — слишком незначительной.

— Этот мальчишка обычно слишком нетерпелив, — проворчал Брэм, подавая ей руку. — Всегда спешит как на пожар.

Розамунда сжала его пальцы сильнее, чем он ожидал.

— Мне надо поговорить с вами наедине, еще до того, как кончится вечер, — прошептала она и раньше его спустилась по выдвижным ступенькам.

Брэм на мгновение задержал дыхание и затем вздохнул. Он прекрасно знал, что ему необходимо сделать сразу же после встречи с Косгроувом этой ночью — найти леди Экли, или Шарлотту Дюкам, или Сару Вишер, или любую из несметного числа сексуальных дам, с которыми он был знаком. Прошло уже более недели, как у него не было женщины. В этом все и дело. Воздержание размягчало его мозг, делало его восприимчивым к чарам порядочной, почти плоскогрудой молодой леди, от которой можно было ожидать лишь неприятностей. Зачем ему лишние проблемы?

И хотя ему обычно нравились такие ситуации, он предпочитал, чтобы они не случались с его друзьями. Сдвинув брови, он вылез из кареты. Косгроув был его другом. И без его обучения и влияния сегодня жизнь Брэма была бы совсем другой. Но в течение нескольких последних дней он стал сомневаться в отношении поступков своего друга. Как будто кто-то, особенно такой, как он, имел право подвергать сомнению чьи-то поступки. И все-таки легкая тень раскаяния поселилась в душе.

— Лорд Брэмуэлл, — с легким поклоном сказал дворецкий Бромли-Хауса. — Вы найдете лорда Куэнса в бильярдной.

— Спасибо, Грейвс, — ответил Брэм и, положив пальцы Розамунды на свой рукав, повел ее вверх по лестнице. — Не могли бы вы намекнуть мне? — тихо спросил он, решив, что шум, производимый Лестером позади них, заглушит их разговор.

— После того как вы ушли, мой брат привез своего компаньона, с которым завтракал, к нам домой, чтобы тот поговорил со мной, — сказала она напряженным, еле слышным голосом. — И мне бы хотелось, чтобы вы попытались еще раз уговорить меня сбежать, чтобы я могла изобрести новый предлог остаться и исполнить свой долг. Пока что ваши доводы недостаточно убедительны.

— Что? — Брэм не заметил, что остановился, пока Лестер не натолкнулся на него.

— Черт, Брэм, я из-за вас чуть не сломал себе шею.

— Что он сделал? — спросил Брэм, не обращая внимания на жалобы Лестера.

Розамунда сглотнула, явно собираясь с силами.

— Потом, — шепнула она.

Преодолев ощущение беспокойства и страха, охватившее его, Брэм распахнул дверь в бильярдную Бромли-Хауса и вошел.

— Поосторожнее с этим, — сказал он, когда Фин Бромли наклонился над бильярдным столом, чтобы нацелиться. И пояснил окружающим: — Я видел, как он кием сбил с ног лошадь.

— В наказание за то, что въехал на лошади в гостиницу, — усмехнулся Фин, выпрямляясь. Его правую бровь рассекал шрам, спускавшийся на щеку, отчего большинство женщин считали его обольстительным повесой. Брэм же видел, что стало с французским офицером, напавшим на него, и относился к своему другу с некоторой осторожностью.

— Розамунда, Лестер, — представил он, — это мои друзья лорд Куэнс, Фин Бромли и его жена Элайза, мисс Бет Бромли, лорд Лестер и его сестра, леди Розамунда Дэвис.

— Добро пожаловать! — Улыбаясь, лорд Куэнс сделал знак неотступно следовавшему за ним лакею, и тот покатыл его кресло на колесиках вокруг стола, чтобы он мог поздороваться с гостями.

— Благодарю вас за приглашение, милорд, — приседая в реверансе, сказала Розамунда. — Вернее, за то, что вы позволили лорду Брэмуэлли привезти нас с собой.

— Чепуха! — Фин отложил кий, похлопал Брэма по плечу и пожал руку Лестеру. — Мы всегда приглашаем его, рассчитывая, что он познакомит нас с интересными людьми.

Спустя несколько минут все разговаривали друг с другом и смеялись, как старые друзья. Несмотря на некоторый внутренний дискомфорт, Брэм вспомнил просьбу Розамунды склонить ее к бегству, и ему стало немного легче. Все Бромли были верными друзьями; с ними он чувствовал себя свободнее, чем со своей семьей.

— Это не тот ли Лестер, который проиграл свое наследство... твоему другу? — тихо спросил Фин, когда они встали из-за стола и дамы удалились в гостиную.

— Если ты еще хоть раз упомянешь имя Косгроува, я не отвечу ни на один вопрос, касающийся его, — спокойно сказал Брэм, принимая бокал вина из рук своего старого товарища по оружию.

Фин опустил в кресло рядом с ним.

— Не надо сердиться. Мне просто любопытно. Я не успеваю следить за сплетнями с тех пор, как мы стали реже видеться.

— Я подумал, что было бы нетактично напоминать о развлечениях, которые могли нравиться тебе, покаты был холостяком.

Друг взглянул на него:

— Я, может быть, и женился, но ведь пока не умер.

— Ты так думаешь? Тогда поедem в клуб «Общество». Или на маскарад, который сегодня устраивает лорд Белмонт.

— Брэм, я...

— Ты не желаешь оставлять свою жену, пока будешь веселиться. Мне же не о ком беспокоиться. Если я решил куда-то пойти, разве я обязан идти туда один?

— Я не могу понять, почему ты считаешь общество Косгроува предпочтительнее своего.

— Брэмуэлл, — как всегда в нужную минуту вмешался лорд Куэнс, — вот лорд Лестер тут говорит мне, что он со своей сестрой в начале недели обедали с вами у вашего брата.

Черт бы его побрал! Почему все цепляются за его добрые дела? Ничего удивительного, что он редко совершал их.

— Я подумал, что ему с Оскаром не помешали бы несколько уроков карточной игры.

— Я проиграл почти фунт нечищенных орехов, — проявляя некоторый юмор, присоединился к разговору юноша. Естественно, любой, кто проиграл десять тысяч фунтов и не застрелился, не мог принимать что-либо всерьез.

— Я встречался с Оскаром, — улыбнулся виконт Куэнс. — Через несколько лет он может потягаться даже со своим дядей в искусстве карточной игры.

— Надеюсь, он найдет что-то лучшее, на что стоит тратить свое время, — проворчал Брэм и отошел от стола. — Извините меня. — Он наклонился к Фину. — Задержи здесь мальчишку, — шепнул он.

Финеас схватил его за руку:

— Я не собираюсь помогать тебе губить репутацию молодой леди под моей крышей.

— Когда это ты стал таким праведником?

— Брэм, я говорю серьезно.

— Между прочим, это не твоя крыша, а Куэнса. И я не собираюсь опорочить девушку. Мне надо задать ей вопрос, а ее брат — неисправимый болтун.

Сдержанно кивнув, Фин отпустил его руку.

— Веди себя прилично.

— Если сумею.

Он мог бы поступить осторожнее, выждать некоторое время и потом незаметно отвести Роуз в сторону. Но его весь обед мучила ее просьба. Ранее эта девица, казалось, была готова утопиться, если бы этого потребовал от нее долг. Чем скорее он узнает, что нового сотворил с ней Косгроув, напугав ее, тем скорее он найдет слова, чтобы успокоить Роуз. А если он еще сумеет поцеловать ее, то будет совсем хорошо.

Затем он встретится с Кингом и попытается дипломатично уговорить маркиза... сделать что? Перестать мучить Розамунду? Быть добрее и осознать, что он мог бы поискать будущую супругу где-нибудь в другом месте? Что бы он ни говорил, ему было необходимо выпутаться из этой истории. Он не хотел иметь своим врагом маркиза Косгроува. А его встреча с Розамундой только вызывала тревожные мысли и нарушала привычный ритм его жизни. И его сон. А это — залог здоровья.

Он остановился у входа в гостиную, где чему-то смеялись три леди. Постоял на пороге. Восемнадцатилетняя Бет Бромли с темными волосами и удивительными карими глазами была самой непосредственной и менее сдержанной из всех троих. Элайза выглядела тихой и задумчивой. Обладавшая крепкими нервами, она была полной противоположностью порывистому и любознательному Фину, который обрел с ней, наконец, собственное счастье и прекратил свои странствия.

И здесь находилась леди Розамунда с рыжими волосами и веснушками, с глазами цвета травы, орошенной дождем. Рассудительная, остроумная и по какой-то причине преданная своей проклятой семье, она продолжала удивлять его. Она заслуживала лучшего, чем получила бы от Косгроува. Да и семья готова была на удивление легко с ней расстаться.

Розамунда повернула голову и посмотрела на него. Он спохватился и кивнул в сторону двери. Она тотчас же встала.

— Извините меня, я сейчас вернусь, — сказала она, и он отступил назад в коридор, ожидая ее. Как только она вышла, он повел ее в музыкальную комнату, находившуюся напротив.

— Что случилось? — спросил он, тихо закрывая за ней дверь.

Она долго смотрела на него и, явно волнуясь, колебалась.

— Мне не нравится, что я бегу к вам каждый раз после того, как встречаюсь с лордом Косгроувом. Я не нежный цветочек и могу за себя постоять.

Брэм пожал плечами:

— Многим так и кажется. — У него что-то чуть сжалось в груди, и он заставил себя улыбнуться. — Он угрожал вам? — Видимо, сегодня не придется заниматься ни ограблениями, ни пьянством, но все это можно перенести и на завтра.

— Вы ему друг? — ответила она вопросом на вопрос. Он нахмурился и процедил сквозь зубы:

— Я знаю его с шестнадцати лет. И я обязан ему многим. Он сделал меня тем, кем я теперь стал.

— Да... но вы ему друг?

Он говорил и раньше о своей дружбе с Косгроувом, но его никогда не просили так прямо определить, что связывало его с маркизом. А он не был идиотом, чтобы не понимать, что по каким-то причинам его ответ будет иметь особое значение.

— Я общаюсь с ним, но не посвящаю его в свои тайны, — медленно произнес он. — Во всяком случае, теперь. Так что ответ на ваш вопрос — и да, и нет.

Розамунда кивнула:

— Я рада.

— И почему?

— Лорд Косгроув несколько минут описывал мне, как он собирается провести первую брачную ночь, — сказала она, ломая пальцы. — Он намерен унижить и оскорбить меня... и хотел, чтобы я знала это.

Брэм сглотнул. Были времена, когда и он получал удовольствие от подобных проделок, когда женщина проявляла к этому интерес. Но Розамунде не предоставляли выбора. Единственное, что она совершила, — это попала на глаза Косгроуву, когда он высматривал новую жертву для своей игры. Козни, манипуляции — это он умел. Черт, Косгроув познакомил его со многими пороками, и он охотно предавался им. Или такой думал, до этой минуты.

— Вы попросили меня помочь, но я могу предложить вам только уехать из Лондона, — сказал он, ибо она не спускала с него взгляда. — Я понимаю, что вы чувствуете какие-то обязательства перед вашими родными. Скажите честно, Розамунда: чем вы настолько обязаны вашей семье, что готовы пройти через все это?

— Они дали мне жизнь.

— Коровы дают жизнь телятам каждую весну. Их дети не выказывают желания идти на скотобойню, чтобы спасти своих производителей.

— Да, но я не корова. — Усмешка мелькнула в ее глазах и снова исчезла. — Я забочусь о своей семье, Брэм. Кажется, так всегда было принято. Мои родные... чаще всего поступают глупо. Но я не могу и представить, как они выживут с этим долгом.

— Значит, у них все будет в порядке, а вы... заплатите за это дорогой ценой. — Он чуть не сказал, что они выживут, а она нет, но Роуз, вероятно, заметила бы, что он сгущает краски.

— Кто-то должен заплатить. — Она вздохнула. — Я знаю, вы не любите вмешиваться в чужие неприятности, — продолжала она, — но я прошу вас оказать мне одну, последнюю, услугу.

Одна, последняя, услуга... Казалось, она почувствовала, что после сегодняшнего вечера он больше не намерен участвовать в этой трагикомедии.

— Так какую же?

— Я хочу, чтобы вы погубили мою репутацию.

Брэм моргнул, умное замечание, которое он приготовился сделать, застыло на его губах. Он мог бы целыми днями воображать, как раздевает ее, но услышать такую просьбу от нее самой — в это было невозможно поверить.

— Я счастлив помочь вам, — медленно произнес он, — но не понимаю, каким образом гибель вашей репутации может оказаться для вашей семьи полезнее, чем ваш побег.

— Потому что это будет только между вами и мной. Упреждающий удар по планам Косгроува. — Она сделала быстрый шаг к нему. — Я хочу узнать, что должно происходить между мужчиной и женщиной, до того как он... покажет мне свою версию этого.

— Какое бремя вы возлагаете на мои плечи, Розамунда! — И при этом он чувствовал себя крайне неловко, в чем боялся признаться самому себе.

— Если Косгроув намеревается играть в свои игры, то у меня будут свои. Я выйду за него замуж, потому что должна это сделать, но не собираюсь становиться овечкой или коровой, которых ведут на бойню. Если он собирается сломать меня, то поймет, что это нелегко. Я не муха, у которой он может оторвать крылья и растоптать их. Я... я пчела... и ужалю его.

Боже милостивый! Брэм сдержался и не напомнил, что, ужалив, пчела погибает. Она это

еще узнает. Он желал ее, а она желала мести за принудительную свадьбу, которая должна состояться совсем скоро. Это была неожиданная шутка судьбы.

— А вы не готовы к этому? Вы ведь все время спите с женщинами, разве не так, Брэмуэлл Лаури Джонс?

Этого не случилось с тех пор, как он увидел ее.

— Я не из тех мужчин, над которыми вам можно смеяться, Розамунда Луиза Дэвис, — тихо сказал он, ощущая, совсем другой жар, распалывшийся внутри его. — У меня, конечно, есть определенная репутация, и можете не сомневаться, я заслужил ее. Я собираюсь задать вам вопрос только один раз, и это будет единственный шанс, который я обычно предоставляю. Вы уверены, что хотите, чтобы именно я овладел вами? Что опыт, приобретенный со мной, будет полезнее, чем мог бы быть с Косгроувом?

— Я надеюсь, — сказала она. — Только не разочаруйте меня. Пожалуйста.

Он улыбнулся. Любая другая девушка уже лежала бы на спине, независимо от обстановки.

— Оставьте сегодня дверь своей спальни незапертой. Если передумаете, вам лучше перейти в другую комнату и спать там, потому что я приду к вам в полночь.

Если друзьям Брэма и показалось странным, что у него назначена еще одна встреча, то они ничего не сказали по этому поводу. Насколько было известно Розамунде, у Брэма всегда были полуночные свидания после званных обедов.

Но в эту ночь будет ее свидание. Дрожь пробежала по ее телу, когда она села за туалетный столик. Она решилась. Как она набралась такой храбрости, Роуз не знала, но все равно теперь было поздно что-либо менять. Она могла бы, конечно, уйти из комнаты и спать где-то в другом месте, но этого не делает.

Внизу напольные часы пробили двенадцать. В доме царила тишина, но она не знала, все ли слуги уже легли спать. Она на это надеялась, но было бы безопаснее, если бы Брэм забрался к ней в комнату через окно. Роуз встала и, отодвинув штору, выглянула на улицу. Там проехала одинокая карета, и снова наступила тишина. Девушка ходила по комнате от кровати до стула и обратно. Смелчак, взбирающийся по вьющемуся плющу, конечно, выглядел бы романтичнее, чем если бы он вошел через дверь. Но сейчас речь шла не об этом. А о том, как изменить правила игры, которые другой мужчина решил применить к ней. Дверь спальни приоткрылась. Сначала в темном проеме она не смогла что-либо рассмотреть. Затем черный силуэт на черном фоне шевельнулся и вошел в комнату.

— Вы решили не убегать, — тихо сказал он, закрывая и запирая за собой дверь.

— Это была моя идея, если вы помните, — произнесла она с храбростью, которой не чувствовала. О Боже, он пришел!

— Да, да, конечно.

Он поднял голову, разглядывая ее при свете единственной свечи, которую она оставила у кровати. И Роуз живо вспомнила их первую встречу, когда он еще не был ее союзником. Тогда он сказал, что может научить ее кое-чему, а она еще не знала, кто он, не ведала, что его считали опаснейшим хищником. И внезапно она поняла, что он снова стал им. А может быть, он все время оставался таким и только играл с ней.

Но в эту ночь ей был нужен именно этот человек.

Она робко взглянула на него:

— С чего нам следует начать?

Он стянул одну за другой черные перчатки и бросил их на туалетный столик. Там, среди ее щеток для волос и шляпных булавок, они выглядели весьма странно.

— Сначала признайтесь мне, что именно сказал Косгроув, что заставило вас пойти на этот риск.

Ее сердце дрогнуло.

— Какое это имеет значение? Я не хочу, чтобы он оказался моим первым и единственным опытом.

Брэм продолжал внимательно смотреть на нее.

— Все равно расскажите. Я понимаю — это показалось вам настолько страшным, что вы захотели приобрести первый опыт со мной. — Он сбросил сюртук и повесил его на спинку стула.

— Хотите сказать, я сделала неудачный выбор? Не скромничайте!

Он усмехнулся:

— То, что вам пришлось обратиться ко мне, подсказывает, что мне не следовало бы вмешиваться. Но я не настолько добр. И не могу похвастаться самообладанием.

— Мне трудно в это поверить.

— Розамунда, если вы желаете только поболтать со мной, то принесите нам чай и печенье. Или скажите мне, что он говорил. — Брэм вздохнул. — Если вы будете жеманничать и не расскажете мне все подробности, имейте в виду, что я очень быстро раздену вас догола и у вас не останется от меня секретов.

О Боже, о Боже! Роуз села на край постели, но, вспомнив, что они, вероятно, проведут на этом ложе много времени, вскочила на ноги.

— Он сказал, что в первую брачную ночь поставит меня на четвереньки и взберется на меня, как пес взбирается на суку.

Какое-то выражение мелькнуло на лице Брэма, но так быстро, что она не успела понять, что это было. Гнев? Изумление? Шок? Она не могла определить. Скорее всего это была ее собственная чувствительность, которую она искала и в нем. Вероятно, он слышал... и говорил... еще худшие слова.

— Эта... позиция, — медленно заговорил он, расстегивая жилет, — может, как мне кажется, доставить большое удовольствие обеим сторонам.

— А затем он сказал, что будет держать меня на четвереньках, пока не разрешит подняться. Его рука замерла на груди.

— Вот в этом я не могу вам помочь.

— Я знаю. Он мне сказал, что вы покинете меня, как только что-то покажется вам неприятным. Поэтому я подумала, что нам все равно надо расстаться еще до моей свадьбы. Но вы хотели, чтобы я описала все в точности, что он хотел, и я рассказала.

— Сегодня вы говорите об этом очень спокойно, не так ли?

Его жилет оказался на сиденье стула, а за ним последовал шейный платок. Брэм сел на них и наклонился, стягивая по очереди сапоги, затем аккуратно поставил их на пол.

У нее на мгновение мелькнула мысль о том опыте, который он приобрел, проникая в будуары, в то время как поблизости спали мужья или родители.

— Я устала волноваться, — ответила она, чувствуя, однако, что сердце ее при виде раздевающегося мужчины забилось сильнее.

— Прекрасное объяснение, которое разделяют многие мужчины.

Брэм снова встал, выдернул рубашку из-под пояса, и освободившиеся полы повисли, достигая его бедер.

— Желаете раздеться сами, или это сделать мне? Она почувствовала слабость в коленях.

— Я... э... а как вы считаете?

— Это, может быть, очень интимный опыт, — задумчиво сказал он. — Вероятно, вам следует довериться мне.

О, как ей хотелось, чтобы он дотронулся до нее!

— Наверное... Ведь вы в таких делах намного опытнее меня.

Расстегивая на ходу манжеты своей рубашки, Брэм приближался к ней. Когда он остановился рядом, она ожидала, что он поцелует ее или, по крайней мере, погладит по щеке, но он жестом велел ей повернуться к нему спиной. Роуз, на мгновение, закрыв глаза, повиновалась. Сегодня она решила взять верх над лордом Косгроувом. Она отдаст свою девственность Брэму, а не своему будущему мужу. И по счастливому совпадению она сама хотела этого. Именно Брэму Джонсу — и никому другому.

Его пальцы коснулись не ее спины, а ее волос. Он осторожно вытащил из них заколки и шпильки, разрушая произведение искусства, которое не меньше двадцати минут творила ее горничная, и волосы Роуз рассыпались по плечам. Она стояла перед ним, он перебирал пряди ее волос, и дрожь пробегала по ее телу.

— Так лучше, — шепнул он. Затем медленно и упорно расстегивал пуговицы на спине ее

платья. Она чувствовала теплоту его губ, прикасавшихся к ее обнаженной коже. О Боже! Не отрывая губ от ее плеч, он спустил рукава платья, и она ощутила его горячее дыхание.

Теперь она стояла в одной сорочке, по-прежнему спиной к нему, и взволнованно дышала. Ее лиловое с серым платье пеной лежало вокруг ее голых ног. Роуз была полна решимости не моргнуть глазом, не поморщиться и ничем не показать ему, что она глупая девушка, которую не стоит соблазнять. А ей хотелось быть соблазненной.

— Поднимите ногу, — сказал он равнодушным тоном, как будто речь шла о каких-то обыденных делах.

Она подняла одну ногу, затем другую, и он, присев, убрал платье, отбросил ее одежду в угол и выпрямился.

— Что мы будем делать дальше? — напомнила она через минуту.

Он положил руки ей на плечи и слегка нажал на них.

— Для начала расслабьтесь немного. Я не хочу, чтобы вы, упаси Боже, отбивались руками и ногами.

— Я готовая, — солгала она.

— В самом деле? — Он подышал ей в ухо, затем убрал руки с ее плеч и обхватил ладонями ее груди.

Она, дернувшись, вскрикнула.

— Что такое?

— Это просто от неожиданности, — дрожащим голосом объяснила она.

— Это может быть приятным, независимо от причины вашего желания, чтобы я вас соблазнил.

Роуз глубоко вздохнула и только острее почувствовала его руки на своей груди.

— Хорошо.

— Между прочим, у меня французский кондом, — похвастался он, — Это чтобы вы не забеременели.

Она покачала головой, чувствуя, как у нее потеплело в груди.

— Не беспокойтесь. Меньше чем через месяц я буду замужем.

— А вы в этом уверены? Я не убежден, что мне нравится мысль о том, как Косгроув будет растить плод моих чресл.

Она не думала об этом; ее больше интересовало, хотела ли она сама иметь ребенка от Брэма.

— Вы хотите сказать, что вас что-то заботит?

Он усмехнулся:

— Справедливо замечено. Откиньтесь назад ко мне.

— Хорошо.

Роуз прислонилась к его крепкой груди. Она чувствовала его дыхание, игру мускулов под ее руками и его все возрастающее возбуждение, когда он прижимался к ее бедру. Он медленно обвел пальцами ее груди, соски которых наливались и поднимались под ткань сорочки. Ощущение было невероятное, и когда он провел ногтем по ее возбужденному соску, она выдохнула сквозь сцепленные зубы.

— А это н-необходимо? — заикаясь спросила она.

— А вам нравится? «О да!»

— Это п-приятно, но вы думаете, что Косгроув...

— К вашему сведению, — перебил он, и его голос оглушил ее, — обсуждать одного мужчину, находясь в объятиях другого, идея не из удачных. — Он просунул пальцы под бретельки сорочки и спустил их вниз, обнажив ее груди. — А если вы желаете губить себя, то

мы можем сделать это прямо сейчас.

Казалось, он все делал правильно, потому что она, даже полуголая, дрожала и вообще почти не могла думать.

— Вы чем-то недовольны? — шепотом спросил Брэм, покрывая поцелуями ее руку от плеча до локтя.

— Нет... — Ей было трудно дышать. — Пока нет.

Он отступил назад и, положив руку на ее плечо, повернул Роуз лицом к себе.

— Дайте мне знак, если что-то возникнет.

— По-моему, что-то уже возникает, — сказала она, украдкой взглянув на то место, где соединялись его бедра, и опять у нее перехватило дыхание.

— В самом деле. — Он долго вглядывался в ее лицо, хотя она не могла понять, что он на нем увидел. Опустив черные глаза, он провел пальцем по ее горлу и обнаженной ключице. Спустил с плеч ее сорочку, и она, скользнув по ее бедрам, упала на пол.

Роуз вдруг почувствовала себя очень незащищенной и очень смущенной тем, что стояла голая перед опытным развратником, и расправила плечи.

— Вы поцелуете меня? — шепотом спросила она.

— Губы предназначены для лучшего, — ответил он, наклоняя голову и целуя ее левую грудь. Он не спеша целовал ее, затем, взяв сосок в рот, стал ласкать его языком.

— Брэм!.. — ахнула она, выгибая спину.

Он словно не услышал ее и перенес свои ласки на правую грудь. Ее тело как будто заливало жидким огнем. Роуз подняла дрожащие руки и, ухватившись за его черные, как уголь, волосы, прижалась к нему.

— Пора тебе перевернуться на спину, — прошептал он, подхватывая ее под колени и беря на руки. Положив ее на постель и возвышаясь над ней, упираясь коленями по обе стороны ее бедер, он взял в рот сосок одной груди и, лаская ее языком, умелыми пальцами дразнил другую. Затем он выпрямился, и она, протестуя, застонала. Это еще не могло кончиться. Не могло, пока в ней разгоралось желание.

Брэм стянул через голову рубашку и отбросил ее в сторону. Легкая поросль темных волос покрывала его грудь и, сужаясь, спускалась вниз к его животу, исчезая за поясом панталон. Роуз подняла руку и положила ее ему на грудь, ощутив, как дрогнули под ее рукой его мускулы.

— Вам мое прикосновение доставляет такое же удовольствие, как мне ваше? — спросила она.

— Да. — Он взял ее руку и поднес ее к своему поясу. — Почему бы тебе не расстегнуть мои панталоны, и тогда я покажу тебе нечто забавное.

Поколебавшись, она дрожащими руками расстегнула верхнюю пуговицу. В какой-то момент она перестала думать о Косгроуве, о том, что ее семья растила ее не для того, чтобы она погубила себя в опытных руках Брэмуэлла Джонса. Но если они вырастили ее, чтобы обменять на карточные долги, то она не может высоко ценить то, что они сделали для нее. А что касается ее поступка, то она была готова принести себя в жертву маркизу, но сначала хотела того, что сейчас происходило, и прежде всего — Брэма Джонса.

Когда была расстегнута последняя пуговица, он спустил панталоны на бедра. На свободу вырвался его большой, твердый, возбужденный мужской орган.

— Ты ведь знаешь, для чего он, да? — следуя за ее взглядом, прошептал Брэм.

У нее пересохло во рту.

— Я могу предположить.

— Хорошо. Тогда тебе не нужен урок по анатомии, и мы можем продолжить изучение тебя.

— Меня...

Он провел рукой по ее животу вниз «туда». Она снова чуть не задохнулась, когда его пальцы проникли в нее.

— Ты там влажная, — сообщил он ей.

— Это плохо?

Его губы тронула улыбка.

— Нет. Это хорошо, даже замечательно. — Отбросив ногой панталоны, он снова склонился над ее грудью. Затем его губы вслед за рукой начали медленное восхитительное захватывающее скольжение вниз по ее животу.

Она была уверена, что умирает. Нельзя было испытывать такой восторг и возбуждение. Ее пронзали медленные молнии, все сильнее и сильнее обдавая жаром. Когда он начал целовать внутреннюю сторону ее бедер, она ожидала, что у нее разорвется сердце, так сильно и быстро оно билось.

И, в то же время он, казалось, не торопился. Когда его губы коснулись самого интимного места, она вскрикнула и схватилась за его волосы.

— Тсс, Розамунда, — с легкой насмешкой прошептал он. — И отпусти мою шевелюру, пока не сделала меня лысым.

— Простите, — жалобно попросила она. — Я не могу... Это уж слишком, Брэм.

— Никогда не бывает слишком.

У нее закатились глаза. О, она умирала...

— Брэм, пожалуйста!..

Наконец он уступил и снова занялся ее отвердевшими налившимися грудями.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Как в огне, — честно призналась она, тяжело дыша. Раздвинув ее колени, он лег между ее бедрами.

— Я знаю из надежного источника, что тебе будет больно, — сказал он, глядя на нее. — Но только в этот первый раз. Больше никто не сможет сделать это.

Последняя часть прозвучала как звериный рык, но она не успела попросить объяснения, потому что он выдвинул вперед бедра. Ощущение от того, как он проталкивался внутрь ее... невозможно описать. Она чувствовала его движения, ощущала, как он колеблется, а затем острую боль, когда он полностью вошел в нее.

— Боже! — выдохнула она, прижимаясь к его плечу, чтобы приглушить крик.

— Розамунда...

Она поняла, что ее глаза закрыты, и открыла их, чтобы посмотреть на него. Брэм целовал ее сначала с нежностью, затем со все возрастающей страстью. Она обхватила его плечи и приподнялась навстречу его жаждущим губам. Ее бедра то поднимались, то опускались, следуя ритму его поцелуев.

Их движения становились все быстрее, и ее сердце словно перестало биться, а тело содрогнулось. Все вокруг стало белым, горячим и беспредельно прекрасным. Когда она немного пришла в себя, Брэм все еще, не спуская с нее глаз, владел ею.

— Господи, — прошептал он.

— Я хочу сделать это еще раз, — задыхаясь, попросила она.

Он усмехнулся.

— Я еще не закончил и первого раза, — сказал он с чуть заметной дрожью в голосе. — Ты хочешь, что бы я показал тебе, о чем говорил Костроув? — Он с трудом произнес имя маркиза, как будто ему не хотелось называть его.

Ей тоже не хотелось, чтобы Брэм произносил его. Но Кингстон Гор требовал этого. У нее сжалось сердце.

— Покажи мне.

Брэм, не утратив эрекции, вышел из нее.

— Перевернись.

Роуз перевернулась, с его помощью встав на четвереньки в позу, которую он и требовал от нее. Брэм поднялся и, раздвинув ее бедра, снова вошел в нее. На этот раз боли не было, а только невероятное ощущение, заставившее ее задохнуться.

Он слегка ущипнул ее сосок, и она тотчас же подхватила ритм его бедер и ожидала того пика наслаждения, который уже испытала и снова хотела. Роуз сжала пальцами простыни, сдерживая готовый вырваться крик наступившего оргазма. Брэм быстро и уверенно достигал собственного оргазма.

Удовлетворенный Брэм свалился на постель рядом с ней и притянул ее к своей груди.

— Теперь ты погибла, — тихо сказал он и поцеловал ее.

Брэм лежал на спине с прильнувшей к нему Розамундой и пытался вернуть ровное дыхание. Он чувствовал удовлетворение, что было необычно для него, тем более что на этот раз ему пришлось немало потрудиться. И это подзабытое чувство было не единственным необычным явлением в этот вечер.

Свет от свечи играл на гладкой коже Розамунды и превращал ее рыжие волосы в пламенеющий костер. Она возбуждала его с той самой минуты, когда он открыл дверь и увидел ее, сидевшую у туалетного столика в ожидании его появления. Ее голос, ее вопросы, когда она пыталась рассуждать логично и разумно о своем решении и своем положении, взволновали его.

Она должна была быть в отчаянии, ибо не только приняла его в свою постель, но и сама предложила ему себя. Он мог бы назвать это, полагал он, добрым делом, но предполагалось, что добрые дела не бывают такими... приятными. И даже когда все кончилось, ему все еще хотелось поцеловать ее. Ему хотелось, чтобы она заснула в его объятиях, и видеть, как она проснется утром.

— Брэм...

Он вздрогнул, отгоняя эти ужасающие фантазии, присущие приверженцу домашнего очага.

— Гм?..

— Спасибо.

Он недовольно повернулся на бок, чтобы видеть ее лицо.

— Это не было для меня так уж трудно, Розамунда. Я порой занимаюсь этим, если ты помнишь. — Она хотела ему ответить, но он покачал головой: — Твоя репутация погублена, и ты можешь оказаться беременной, чем я не должен был рисковать, что бы ты мне ни говорила. Так что, ради Бога, не благодари меня.

— Если у меня будет ребенок, то я бы хотела, чтобы он был зачат в доброте и нежности, а не в презрении и жестокости.

Значит, она не изменила мнение о причинах, заставивших ее пригласить его. И каким-то образом все еще умудрялась сохранить свой удивительный практицизм. Он искал что-нибудь достаточно циничное для ответа.

— Ты необычная девушка, Розамунда. — Это казалось не совсем подходящим определением, но это было самое лучшее, что он мог придумать.

Она резко подняла голову и посмотрела на него своими зелеными глазами:

— Это комплимент?

— Не знаю. Скажи мне, ты этого хотела?

Она села, и он с трудом сдержал желание схватить ее за руку и снова уложить рядом с собой! Какой дьявол вселился в него! Это он должен был первым встать с постели, сообщить, что он куда-то спешит, и затем удалиться прежде, чем кто-то начнет вздыхать и делать

мечтательные глаза.

— Да, это было то, чего я хотела. — Снова взглянув на него, она соскользнула с края кровати и встала. Он, приподнявшись, смотрел, как она наклонилась, подняла свою сорочку, встряхнула ее и через голову надела.

Просто преступление скрывать такие прелестные формы. Когда она подняла его панталоны и бросила их на кровать, он нахмурился:

— Извини меня, но ты хочешь заставить меня уйти?

— Я не хочу, чтобы тебя застали здесь, Брэм.

— Значит, я оказал тебе услугу... и нас больше ничего не связывает?

Он не совсем ясно понимал, почему задает этот вопрос. Если он переспал с женщиной, то обычно она переставала интересоваться им, если только ему больше нечего было делать. Но прежде его выгоняли из постели или из дома, только когда ожидалось возвращение мужа.

Розамунда поморщилась.

— Теперь я буду знать, как это должно быть, — наконец сказала она. — Нежно... и очень, очень приятно. А он узнает, что я не девственный цветочек, как он ожидал. Но мне очень навредит, если тебя обнаружат здесь. Связь с тобой окончательно добьет меня.

— А почему, скажи, ты неожиданно пришла к такому выводу? Весьма обидному для джентльмена...

— Потому что ты его друг. Ты пьянствуешь, ты играешь, ты... спишь с женщинами, с которыми тебе не следует спать. И если бы не эта глупая история с Косгроувом, я бы никогда не захотела иметь с тобой дело.

Брэм застыл, ошеломленный перечислением своих грехов. Когда она замолкла, он попросил продолжить. Она еще больше нахмурилась:

— Признаюсь, было несколько случаев, когда ты удивил меня. Но остается возможность, что, когда я выйду замуж за Косгроува, он простит долг в десять тысяч фунтов и я воспользуюсь случаем убедить его больше не доводить Джеймса до беды.

— Твой брат теперь играет лучше благодаря мне. Имей это в виду, пожалуйста.

— О да. Ты поощряешь его азарт, стремление к легкой наживе. А все равно играть он толком не умеет. Ему необходимо покончить с картами. Я не могу заставить его, а Косгроув мог бы.

— Так ты считаешь Кинга лучшим кандидатом в мужья, чем меня?..

Нет, он не хотел жениться на ней или на ком-либо еще, но никогда не слышал, чтобы кто-то, кроме его родного отца, так унижал его.

— Пожалуйста, одевайся и уходи, Брэм.

Со вздохом, скрывавшим его крайнее раздражение, Брэм встал.

Он заметил, как ее взгляд упал на его пенис, но на этот раз не обратил на это особого внимания. Черт бы ее побрал, он думал, что овладеет ею по крайней мере еще раз до того, как встретится с Косгроувом и выпутается из этой неприятной истории. Как бы она ни оскорбляла его, он снова желал ее.

— Брэм, уходи, — повторила она, поворачиваясь к нему спиной и собирая остальную его одежду.

— Но меня поражает, как ты разобралась в моем характере, — ответил он, натягивая панталоны. — Я и понятия не имел, что ты так хорошо знаешь человеческую натуру. Буквально через неделю знакомства накальываешь меня на булавку, как букашку, и помещаешь в выставленный напоказ стеклянный ящик с надписью «Брэм Джонс, жалкий и отвратительный».

Она швырнула ему рубашку, и он, поймав, прижал ее к груди.

— Ты сам сделал себя таким. И почему ты всегда в черном? Нет никакой необходимости

всем показывать, какой у тебя характер.

Брэм, не давая себе труда застегнуть пуговицы, набросил рубашку и жилет. Схватив сюртук, он сунул в карман галстук и, подобрав с пола сапоги, направился к двери.

— Спокойной ночи, Розамунда.

Однако, приоткрыв дверь, он остановился. Брэм знал людей, которых не интересовало ничего, кроме расчета, выгоды и собственного благополучия. Розамунда Дэвис не принадлежала к ним. Он повернулся, подошел к ней, положил руку сзади на ее шею и затем поцеловал.

Спустя секунду ее губы стали мягкими и раскрылись для поцелуя. Он прижался губами к ее губам, наслаждаясь ее вкусом, ее волнением и страстностью. Затем отступил на шаг.

— Я так и думал, — шепотом сказал он и выскользнул за дверь.

К тому времени, когда Брэмуэлл привел в порядок свою одежду, забрал коня и отправился через Чипсайд в заведение «Иезавель», было уже несколько минут третьего. В таком состоянии ума он бы предпочел избежать разговора с Кингстоном Гором, но он прожил более десятилетия, затевая полдюжины интрижек с несколькими женщинами одновременно, ни разу не оступившись. Сегодняшняя ситуация мало чем отличалась от этого.

Кинг сидел за своим обычным столом в глубине слабо освещенной свечами комнаты. Грязный пол, голые доски, раскрашенные дешевыми красками стены, столики, большинство из которых были еще заняты даже в этот Утренний час, — ему всегда нравилось это заведение — «Иезавель». До сегодняшней ночи.

Брэм заметил лица посетителей, сидевших за ближайшим к Кингу столом, вспомнил их имена и больше не обращал на них внимания. У него были враги, и любой из них был бы рад вонзить нож ему в спину или грудь. Но к нему и маркизу, сидевшим за одним столом, ни один разумный человек не рискнул бы приблизиться. Он велел принести бутылку виски и стакан.

— Косгроув, — обратился он к маркизу, — я ожидал, что ты к этому времени будешь занят чем-то. Или кем-то.

— Кто она?

Каким бы всеведующим порой ни казался ему Косгроув, Брэм знал, что это лишь впечатление, созданное сочетанием удачных догадок и сетью его хорошо оплачиваемых шпионов и доносчиков. И, зная, как обычно Брэм проводит свои вечера, маркиз не мог ошибиться.

Налив себе стакан виски, Брэм опустошил его.

— Господи, — громко произнес он, — это было час тому назад. Я уже забыл ее имя.

Косгроув взглянул на него, затем продолжил свое занятие — налил воды на кусок сахара, взял ложку, лежавшую поверх запотевшего стакана с зеленым абсентом, и помешал содержимое.

— Сомнительно. Моя дамочка хотела узнать, буду ли я навещать ее после того, как в следующем месяце ее муж вернется из Испании.

— А ты?

— Не вижу причины, почему бы и нет, учитывая, что она начала развлекать меня за шесть недель до его отъезда.

— Ты женишься в конце месяца, если помнишь. Не будет ли это через край? — Было бы гораздо разумнее не затрагивать в разговоре Розамунду, особенно после того, как она выставила его из своей спальни, но проклятая девчонка сбила его с толку.

— Гм...

— Что «гм»?

— Мне просто интересно. Выходит, ты считаешь, что брак делает кого-то, тем более меня, верным мужем. С каким количеством чужих жен ты переспал?

— Я говорю не о них. Я говорю о тебе. Ты никогда не собирался жениться. Что же изменилось?

Отложив в сторону ложку, маркиз медленно отхлебнул весьма крепкого напитка.

— Мне тридцать шесть. Нужен законный наследник. И тут не обойтись без жены. Но она мне необходима только для этого. Можно немного развлечься и с порядочной девицей, раз уж я купил ее.

— Или ты мог бы оставить ее и найти себе женщину, разделяющую твои вкусы.

— Самое забавное заключается как раз в том, что она не разделяет мои вкусы. — Косгроув зажег стоявшей на столе свечой свою сигару. — И это уникальная возможность. Ее семья задолжала мне значительную сумму денег. Девица сознает долг перед семьей. Ей не избежать этого брака. Я ей противен, и она боится меня. Это... восхитительно. Просто опьяняюще! Последуй моему примеру, если столкнешься с хорошенькой порядочной девушкой с ограниченными средствами и бесхарактерным дураком братом. — Его губы расплылись в похотливой улыбке. — И как бы она ни впадала в отчаяние, ее семья никогда не сможет купить ей свободу, потому что наши отношения таковы, что я всегда буду иметь большое влияние на молодого лорда Лестера.

Брэм уже все понял, но разговор с маркизом положил конец этой истории, особенно после проведенной им ночи. Он чувствовал... что его тошнит. А Розамунда считала, что они с Кингом слеплены из одного теста.

— Что ты об этом думаешь?

Брэму даже не потребовалось изображать раздумье, он пожал плечами.

— Полагаю, сначала это может быть забавным, — сказал он, насколько это было возможно, небрежным тоном, — но, в конце концов, окажешься женатым — с ребенком и женой. Ни то, ни другое, кажется, не доставит тебе особого удовольствия.

— Один мне нужен, а с другой я могу делать все, захочу. — Косгроув отхлебнул своего напитка и, закрыв глаза, проглотил его. — Как тебе известно, я очень разборчив в выборе удовольствий.

— Так тебе просто захотелось терроризировать кого-нибудь? Но ведь леди Розамунда — не прославленная красавица. Не имеет средств, зато имеет вместо родителей мерзавцев и идиота брата, вот ты и выбрал ее.

— Да. — Косгроув поднял золотистую бровь. — Ты, кажется, сердисься, Брэмуэлл, выпей еще и успокойся.

Брэм прикончил второй стакан виски. Он действительно сердился. Чувствовал, как почти до скрипа напряглись мускулы на плечах, а тошнотворные намерения Косгроува возбуждали желание врезать этому ментору по физиономии. Хотелось разобраться, была ли задета его чувствительность, или в нем заговорило возрастающее чувство к Розамунде. Да-да, это очень важно установить: была ли причиной его метаний именно Розамунда, сказавшая прямо, что была о нем более высокого мнения, чем о Кингстоне Горе? Она не хотела, не просила и не ожидала от него помощи или защиты. Ей было нужно только одно, и когда дело было сделано — с его стороны весьма блистательно, — она выставила его за дверь. И ей, скорее всего не нравился предстоящий брак с Кингом, но она все же решила пройти через это.

Проклятие! Ему уже противен был маркиз, но неприятно было и то, что он принял всю эту историю так близко к сердцу. Она его абсолютно не касалась, и, увязнув в ней, он наверняка приобретет врага в лице Косгроува, не получит никакой признательности от Розамунды и поймет целый воз незаслуженных неприятностей. Незавидная перспектива.

— Обычно, Кинг, когда ты или я затеваем наши игры, — тем временем говорил он, осторожно подбирая слова, чего никогда не делал раньше, — я всегда думал, что выбранный нами дурак заслужил свои проблемы. А это, кажется, выходит за рамки.

— Ты прав, — охотно согласился Косгроув. — Вести грешника от одного греха к другому — не такая уж трудная задача. Развратить того, кто считает себя высоконравственным, — для этого требуется искусство. Брэм прикончил еще один стакан.

— Оставь ее в покое, Кинг, — наконец проворчал он. — Утешь себя мыслью, что я обязан тебе услугой.

— А вот это, — сказал, откидываясь на спинку стула, маркиз, — уже интересно. Могу я

спросить, почему ты считаешь, что я должен пощадить Роуз Дэвис?

— Видимо, потому, что мне нравится думать, что есть несколько порядочных людей, чтобы уравновесить число таких нечестивых душ, как наши.

Костроув долго сидел молча, прикладываясь к абсенту.

— И ты полагаешь, что, залезая к ней в постель, ты делаешь ее более чистой, чем сделал бы ее брак со мной?

— Я говорю не об этом.

— Ты привозил отпрысков семьи Дэвисов на обед с твоей любимой семьей и друзьями, потому что хотел совратить мальчишку.

Проклятые шпионы Кинга. Они вездесущи.

— Она... не такая, как все. Ее наивность весьма забавна.

— Так в чем же разница между нами?

— Я не пытаюсь ее погубить или довести до безумия, до самоубийства.

— Ты поедаеть ее глазами, когда оказываешься в ее присутствии. — Бледно-голубые глаза уставились на него. — И я этого не потерплю.

— Что ты сказал?

— Я несколько недель потратил на то, чтобы узнать, кто эти Абернети, приручить Лестера и довести его долг мне до десяти тысяч фунтов. Я не собираюсь менять свои планы из-за того, что ты, глядя на нее, думаешь о ее спасении и прочем дерьме. Праведник выискался!

— Я не говорил ничего подобного, — возразил Брэм, борясь со все возрастающим желанием перескочить через стол и придушить своего так называемого друга. — Я только попросил тебя оставить ее в покое.

— А я отвечаю тебе: отвяжись! Не лезь в мои дела, или ты сам станешь мишенью моей следующей игры. Я бы предпочел, чтобы мы остались друзьями. — Он затянулся сигарой. — Так что подумай хорошенько. Неужели ты собираешься противостоять мне, Брэмуэлл?

Дьявол его побери, что он делает? Подставляет под удар свою шею из-за девицы, выставившей его из дома? Допив четвертый стакан, Брэм встал.

— Полагаю, мы оба это скоро узнаем, — сказал он и вышел из клуба.

Ему было необходимо поговорить с кем-то, кому он доверяет, и, как ни удивительно, первой, чье лицо всплыло в его памяти, оказалась Розамунда. Но она явно не горела желанием снова увидеть его в своей спальне. Это, надо признаться, значительно сужало круг таких людей.

Финеас Бромли проснулся от шума, напоминавшего гром битвы, разыгравшейся прямо у дверей его спальни. Через мгновение проснулась и села рядом с ним Элайза. Растрепанные волосы цвета осенней листвы падали ей на плечи, а карие глаза расширились от страха.

— Фин, что это?

— Спрячься за гардеробом! — рявкнул он. В нем пробудились инстинкты старого солдата, он скатился с постели, одновременно доставая из ночного столика пистолет.

Дверь распахнулась. Фин направил пистолет на темную фигуру с двумя светящимися глазами, вломившуюся в комнату и напрасно старавшуюся остановиться.

— Да, правильно, — раздался негромкий, странно высокий голос Брэма Джонса, — вышиби мне мои проклятые мозги. Избавь меня от необходимости сделать это самому.

Вздыхнув, Фин опустил пистолет. В ту же минуту в коридоре зажглись свечи и в комнату, спотыкаясь, вбежал слуга. Началась суэта.

— Отпустите его, — приказал Фин дворецкому в ночной рубашке и лакею.

Брэм набросил ему на плечи свое пальто.

— Ты ведь раздет, — заявил он немного заплетающимся языком.

— А ты нетрезв. — Чтобы Брэм был настолько пьяным, он должен был выпить огромное

количество алкоголя.

— Спасибо, Грейвс. Пожалуйста, проверь, в порядке ли Уильям и Бет, и вы все идите спать. Ему только не хватало, чтобы его старший брат, инвалид, попытался приползти ему на помощь или его младшая сестра разбудила своим криком всю улицу.

Дворецкий недовольно кивнул. Он зажег еще одну свечу и послал вперед пару лакеев, затем вышел из спальни и закрыл за собой дверь.

Пока Фин оглядывал своего друга, Элайза протянула ему панталоны. С благодарной улыбкой он бросил пистолет на кровать и натянул штаны. Очевидно, убегая, она захватила с собой простыню, потому что изящная фигура была надежно завернута во что-то белое. Очень кстати, учитывая, как на нее смотрел Брэм.

— Три часа ночи, Брэм, — наконец сказал Фин. — Что случилось, что ты не мог подождать по крайней мере до рассвета?

— Мне надо поговорить с тобой, — ответил его друг, приводя в порядок костюм после небольшой стычки с чересчур усердными слугами. — Это личное. Никаких леди поблизости.

Элайза оглядела их обоих.

— Я снова лягу спать. Пожалуйста, — она посмотрела на Фина, — не пускай его сюда.

— Мы побеседуем в гостиной, — сказал он, поворачивая Брэма к двери. Он был согласен с Элайзой. Когда Брэм находился в трезвом состоянии, мало в чем можно было положиться на его честь, но в это небольшое входила неприкосновенность жены его друга. Пьяный он бывал менее предсказуем и намного опаснее.

— Спокойной ночи, милая Элайза.

— Спокойной ночи, Брэм.

Захватив с собой свечу, Фин проводил Брэма вниз. Его друг не переодевался после обеда, но было похоже, что его галстук был вновь завязан. И некоторая небрежность в его внешнем виде была совершенно ему несвойственна.

Шкафчик с ликерами был заперт, но поскольку Фин не поддержал предложения выпить еще, Брэм прошел мимо стола и опустился в одно из кресел, стоявших перед угасшим камином. Фину без рубашки было холодно, и он, помешав угли, подбросил в камин еще одно полено и сел напротив Брэма.

— Ты любишь Элайзу? — неожиданно спросил Брэм.

— Да, люблю.

— Умрешь за нее?

— Я бы предпочел остаться живым, чтобы насладиться ее обществом, но в принципе — да. — Фин нахмурился. — А в чем дело? Ты совершил еще одно из своих ограблений?

— Нет. А как с Изабель? Ты умрешь за нее?

— С женой Салливана? Да.

— А как насчет...

— Ты и Салли — мои самые близкие друзья. Вы мои братья, — перебил его Фин, не желая составлять список людей, за которых он бросился бы на меч. — Я отдам жизнь и за вас обоих, и за любого члена ваших семей. Но поскольку ты это уже знал, может быть, мы перейдем к причине, побудившей тебя явиться сюда, чтобы поговорить со мной посреди ночи?

— Что ты думаешь о леди Розамунде? Фин удивился. Так дело в женщине?

— Она, кажется, приятная девушка, — осторожно произнес его друг, не зная, каковы истинные чувства Брэма. Он вспомнил, что Брэм едва переносит присутствие ее брата, этого глупого Лестера. Но что же задумал его непредсказуемый приятель?

— Она меня раздражает, — заявил Брэм.

— Очень хорошо. Значит, сестра одного из твоих друзей тебя раздражает.

Брэм иронически усмехнулся:

— Во всем виноват этот идиотский щенок.

— Ты уверен?

— Видишь ли, иметь другом монстра еще не значит быть самому монстром. Ведь так?

«Это он о Косгроуве».

— Все зависит от того, чего ты добиваешься.

— Но если я называю его другом, зная, кто он такой и чем занимается, то кто же такой я сам? И могу ли я сказать другому человеку, что он заходит слишком далеко? Может ли кто-нибудь просить у меня защиты?

— Брэм, ты начинаешь пугать меня, — передернул плечами Фин, бросив выразительный взгляд в сторону шкафчика. Его ночной гость, быть может, больше не нуждался в выпивке, но в себе он не был уверен. — Что происходит?

Брэм подался вперед, потирая лоб.

— Ничего. Просто мне надо кое-что решить. — Он встал. — Извини, Фин. Иди обратно в свою постель, к своей милой жене.

Финеас тоже поднялся.

— Брэм, если тебе нужна помощь, скажи мне.

— Не нужна. — Он вышел в холл. — Может быть, ты захочешь отдалиться от меня, Финеас. Решай. У меня возникло убеждение, что дело приобретает неприятный оборот. — Открыв входную дверь, он выскользнул из дома и тихо закрыл за собой дверь.

Фин долго стоял на том же месте. Затем повернулся и снова зашел в гостиную, чтобы взять бумагу, чернила и перо. Брэм привык к неприятностям, но это явно было что-то иное. И тревожное. Казалось, наступило время просить подкреплений. Любил ли Салливан Уоринг Лондон или нет, он был нужен сейчас здесь.

Розамунда поднесла к носу простыню и вдохнула. То ли это ее воображение или нет, но на ней сохранился запах Брэма, мужской запах мыла и чистой кожи.

Слава Богу, он ушел, особенно после того невероятного поцелуя. Если бы он остался...

Она села, откинув в сторону одеяло и готовясь ополоснуть лицо водой из таза. Если бы он не покинул ее, она бы сейчас слушала его советы о побеге и скорее всего сотворила бы какую-нибудь глупость, например, влюбилась бы в мужчину, не имеющего ясных представлений о верности и морали, с весьма сомнительным вкусом при выборе друзей.

Он сделал то, о чем она просила, и это не только позволило ей, по крайней мере, получить превосходство над Косгроувом единственным доступным ей способом. К тому же он показал ей, что подразумевалось под таинственными устрашающими угрозами Косгроува. Теперь она меньше боялась, но от мысли, что Косгроув будет касаться ее так же, как это делал прошлой ночью Брэм, она холодела и ее тошнило. Так одна тревожная мысль сменила другую, и она не могла поручиться, стало ли ей лучше.

Если не считать того, что Роуз ощутила прилив сил. Она не знала, что близость с мужчиной заставляет женщину чувствовать себя по-настоящему живой, что это настоящее чудо. А всегда ли бывает так? Или только с Брэмом Джонсом? Хорошо бы в этом разобраться. Но после того, что она сказала ему прошлой ночью, она не собиралась с ним встречаться вновь — ради поцелуев или чего-то другого.

Дверь открылась.

— Доброе утро, леди Роуз, — сказала горничная, поспешно раздвигая занавески. — Ваша сестра говорит, что вы поедете с ней за покупками.

— Передай ей, Марта, что у меня болит голова, — ответила Роуз, бессильно падая на постель. Меньше всего ей хотелось провести утро, слушая болтовню Беатрисы. Ей надо было о

многом подумать, несмотря на то что в данный момент в душе ее царил полный хаос.

— Она сказала, что вы сошлетесь на недомогание, миледи, но предупредила, что не примет никакого отказа.

— Вставай же, Роуз! — Вслед за словами Марты снизу донесся голос Беа. — Нам так много надо сделать.

— О, черт! — Она вылезла из постели и направилась к туалетному столику, а Марта тем временем выбрала ей подходящее утреннее платье. — А она, случайно, не обмолвилась, что нам надо купить?

— Я слышала, как она говорила вашей матери, графине, что выбор приданого — невероятное удовольствие, и ей не терпится помочь вам в этом важном деле.

В присутствии горничной Роуз не могла произнести вслух своего ответа, если намеревалась оставаться леди. Она только вздохнула и, взяв щетку для волос, принялась расчесывать их. При этом ее взгляд упал на черные кожаные перчатки Брэма. Она вскрикнула от ужаса и, схватив, бросила их себе на колени.

— Что-то случилось, миледи?

— О нет. Я не подозревала, что мои волосы в таком состоянии, — нашлась она, указывая на зеркало и поморщившись. — Ты не откроешь окна? Мне не хватает свежего воздуха.

— Сию минуту, миледи.

Марта едва успела отвернуться, как Роуз встала и поспешно сунула перчатки в ридикюль, лежавший в ящике гардероба. Она редко им пользовалась. Затем села на место.

— А который сейчас час? — спросила она.

— Половина десятого. Вы долго спали.

— Я вчера очень устала.

После того как она надела платье из узорчатого белого с желтым муслина, а Марта помогла уложить ее волосы, Роуз глубоко вздохнула и отправилась вниз завтракать. Все члены семьи, включая Беа и ее мужа Питера, лорда Фиштона, сидели за столом и болтали между собой.

— А вот и ты! — радостно приветствовала ее Беа.

Она всегда была избыточно счастлива, и этот залиvistый смех стал еще неприятнее с тех пор, как она вышла замуж и начала производить на свет потомство. — Иди сюда, сядь рядом со мной. А я уж думала, что ты проспичь весь день.

— Прошу прощения, — ответила Роуз и села за стол. — Я плохо спала.

— Тебя что-то тревожит, дорогая?

«Нет, просто у меня в постели был мужчина». Она остановила взгляд на сестре.

— Ничего, кроме того, что я предпочла бы не выходить замуж за маркиза Косгроува.

— Да перестань жаловаться, дорогая, — весело сказала ее мать. — Ты выходишь замуж за очень богатого, красивого и даже с титулом джентльмена.

У Роуз были сомнения относительно «джентльмена», но спорить было бесполезно, когда никто не хотел знать правды.

— Ты думаешь, мне стоит покупать себе приданое, когда помолвка еще не объявлена?

— Для тебя, глупышка, она не обязательна, — возразила сестра. — А папа сказал, что лорд Косгроув намерен жениться на тебе сразу же в конце месяца.

— А мы знаем убеждения и взгляды Косгроува? — неожиданно спросил Фиштон.

— Нет, дорогой, — ответила Беатриса. — Мы еще узнаем о них. О, да мы можем встретиться с лордом Косгроувом за ленчем. Чем чаще вас будут видеть вместе, тем лучше.

— Я не хочу встречаться с Косгроувом за ленчем. — От одной только мысли об этом у нее пропал аппетит. — А почему вы не обедаете с ним, Фиштон, папа? Если он станет членом нашей семьи, вам всем надо познакомиться с ним поближе.

Фиштон кивнул и отхлебнул чая.

— Знаешь, а это неплохая идея, сестра...

— Послушайте, — вмешался Джеймс, набив рот вареным яйцом. — Я заметил, что вы не включили меня в число приглашенных. Но так случилось, что именно я буду завтракать с Косгроувом. Поэтому если кто-то из вас хочет к нам присоединиться, просто скажите мне.

— О, мы все пойдем! — захлопала в ладоши Беа.

Пока Джеймс и Беатриса обсуждали достоинства различных заведений, где стоило бы побывать, Роуз взяла тост с маслом. Почему так случилось, что единственный человек, предложивший ей способ спастись от предстоящего кошмара, имел такую же плохую репутацию? Размышляя о том, как избежать ленча с будущим мужем, она видела в своем воображении черные, как уголь, глаза, изящные руки и чувствовала тепло его кожи, и это помогало забыть даже о страхе перед Косгроувом. Помогало, но как долго она сможет противостоять одному мужчине, думая о другом?

— Нет, — объяснял Джеймс, — он говорил что-то о специальном разрешении от Кентербери. Он сказал, что это избавит от бессмысленного ожидания.

— Тогда я надеюсь, что он уже начал договариваться с церковью. А если мы устроим бал по случаю помолвки, то мне просто необходимо знать, когда он намерен объявить о ней.

От таких заявлений матери Роуз содрогнулась.

— Я знаю, вы все хотите, чтобы это выглядело прилично и радостно, — с трудом произнесла она, — но я была бы признательна, если бы вы, хотя бы в кругу семьи, согласились, что я охотнее вышла бы замуж за торговца рыбой, чем за Косгроува.

— Что сделано, то сделано, — весело сказала Беатриса. — Разумеется, мы понимаем, что он тебе не очень нравится. Но многие браки начинаются с простого знакомства, а кончаются дружбой и любовью.

— А как же его репутация? — настаивала Роуз.

— Его родство с нами может только улучшить ее. Ведь он же все-таки маркиз.

На мгновение она закрыла глаза. Дело было не в том, что ее семья не понимала или не могла понять ее сомнений. Они слышали о них, но отмахивались как от несущественных. В этот же разряд перешла и она сама. Стала не более чем товаром, которым можно заплатить карточный долг. Разве они не допускали, что она может сбежать, если захочет? Но вместо побега решила делать то, что делала всю жизнь, — заботиться обо всех. И она впервые подумала, что немного признательности и благодарности не были бы лишними.

— Тогда поедем покупать мне приданое, не так ли? — Она открыла глаза. — Ясно, что больше нечего ждать.

— Ты издеваешься, — сказала Беа, вставая, — но я не обращаю внимания. Скоро настроение у тебя поднимется. Джеймс, мы будем на Бонд-стрит. Отправь записку о ленче Косгроуву и приезжай.

Гнев стучал в висках у Роуз. До сих пор она никогда не думала о том, что никто не ценит ее трудов по ведению домашнего хозяйства. Она сама видела, что у нее все хорошо получается, за исключением Джеймса и его азартных игр. Но для собственной семьи она была... незаметна. До этого дня.

Когда она уедет, вот тогда они заметят ее отсутствие. Сегодня она обрела цену — десять тысяч фунтов. И сейчас она, как никогда раньше, чувствовала, насколько ее недооценивали. Может быть, она ожидала от них слишком многого?

Все следующие два с половиной часа она ходила за Беатрисой из магазина в магазин, набирая охапки чепчиков, лент для волос, ночных кофточек, шалей и прочих вещиц, которые ничего для нее не значили и совсем не соответствовали ее вкусу. Когда Беа выбрала очень яркую

розовую шляпку с рюшами, Роуз оторвалась от своих мыслей и попыталась отговорить леди Фиштон от покупки. Это, по крайней мере, отвлекло ее от мысли, что через двадцать минут она будет сидеть за столом напротив Кингстона Гора.

Очень розовая и очень разукрашенная шляпа была вложена в шляпную коробку, а коробка — в ее руки, и вдруг исчезла.

— Это интересно, — раздался рядом с ней знакомый бархатный голос. Брэм вертел на пальцах шляпку, разглядывая ее, как какое-то диковинное насекомое. Теплая волна прокатилась по спине Роуз. Она на секунду задержала дыхание, стараясь взять себя в руки, и повернулась к нему:

— Что вы... — Она замолчала, пораженная. — Что это на вас?

Он оглядел себя.

— Одежда.

Роуз протянула руку и дотронулась до его груди.

— На вас серый жилет.

Черные глаза с озорными искорками в глубине насмешливо рассматривали ее.

— Темно-серый. И перестаньте трогать меня.

О Боже! Она поспешно сжала пальцы и опустила руку.

— Извините.

— Не стоит. Я знаю, что неотразим. Какой будете и вы — в этой шляпке. — Он повертел ею на пальце.

— Прекратите, — шепотом сказала она, выхватывая шляпку из его рук и пытаясь сдержать глупое желание улыбнуться. Но он пришел за ней не куда-нибудь, а в магазин одежды, и после того, как она буквально накануне вышвырнула его из своей постели. — Беатриса думает, что в ней я буду выглядеть сногшибательно.

— Вы в любой одежде будете выглядеть сногшибательно, — возразил он. — Или без нее. Но это не значит, что шляпка не безобразная.

Неожиданный юмор и еще более удивительный комплимент заставили ее замолчать и сразу же возбудили в ней подозрения.

— Что вы здесь делаете? Я думала, что ясно выразила свою благодарность за вашу... помощь, но я... больше не доверяю вам.

Желание видеть его рядом с собой было чем-то совсем другим, но тоже слишком опасным и губительным. Она не могла решить, делает ли встреча с Брэмом Джонсом ее решение исполнить свой долг легче или труднее.

Лишившись шляпы, Брэм взял в руки одну из ее новых ночных кофточек и разглядывал ее.

— Вчера, после того как мы расстались, я здорово напился, — задумчиво произнес он. — Обычно я принимаю большинство предполагаемых оскорблений, которые люди осмеливаются сказать мне в лицо, как комплименты.

Дрожь, но уже не такая теплая, вновь пробежала по ее телу. Впереди ее ожидало достаточно бед и несчастий, и ей совсем не хотелось, чтобы Брэм Джонс стал ее врагом. Только не он.

— Вчера мы оба устали, — сказала она. — Мы...

— Я должен признаться, — словно не слыша ее, продолжал он, — с тех пор как я встретил тебя, я понял, что, кроме соблюдения приличий в моих скитаниях, в моем поведении есть установленные мной границы.

Она смотрела ему в лицо, внимательно разглядывая эти загадочные угольно-черные глаза, следы усталости вокруг них, плотно сжатые челюсти. У него был встревоженный вид. О чем бы он ни раздумывал, было ясно, что это «нечто» мешало ему спокойно спать, если только он

просто не отправился из ее постели на другое свидание, а поэтому не спал ночь. Роуз не понравилась эта мысль, и она скрыла свое неудовольствие, забрав у него вещи и сунув их обратно в коробку.

— Ты со мной не согласна. И я тебя не виню: до прошлой ночи я и сам себе не поверил бы. Я все еще сомневаюсь.

Он не сердился и не возмущался, но ведь он был мастером шутки или розыгрыша. Шальная мысль внезапно развеселила ее: пусть он объявит всем в магазине, что она прошлой ночью пригласила его к себе и попросила погубить ее репутацию, и он прекрасно справился с этим. И пусть об этом узнает Косгроув.

— Что ты собираешься делать? — осторожно осведомилась она.

— Хочу спасти тебя.

Она фыркнула. Но тотчас же испугалась, что все испортила, и попыталась выдать этот звук за смех.

Брэм, казалось, оскорбился, но изменил выражение лица так быстро, что она не была уверена, не показалось ли ей это. Он приподнял бровь.

— Неблагодарное создание.

— Ты уже помог мне, — торопливо сказала она, бросив взгляд на сестру, которая заставила половину продавцов бегать и собирать покупки. — Не думаю, что ты чем-то еще можешь помочь.

— В таком случае я обязан доказать, что ты заблуждаешься.

— Брэм, ты...

— Роуз, пойдем, а то опоздаем, — вмешалась Беатриса, спешившая к ней с полными руками покупок. Как приятно, что будущей невесте не пришлось покупать собственное приданое!

Сестра вдруг остановилась и удивленно распахнула глаза.

— Лорд Брэмуэлл Джонс! — воскликнула она, и голос ее стал предательски вибрировать.

— Леди Фиштон, как я понимаю, — ответил Брэм с небрежным поклоном.

Розамунда с интересом наблюдала за ними. Щеки сестры сначала побледнели, а затем, когда Брэм взглянул на нее, покраснели. Она сама чувствовала себя так же, когда впервые встретила взгляд этих глаз; за ней следил стройный, смуглый хищник, и хотя это вызывало беспокойство, добрая половина ее души хотела быть пойманной.

Беатриса была миниатюрной, хрупкой, с золотистыми светлыми волосами и яркими зелеными глазами. Видел ли ее Брэм раньше? Она очень походила на женщин, которые его интересовали. Роуз невольно шагнула вперед, чтобы оказаться между ними.

— Лорд Брэм — друг Джеймса, — объяснила она, забирая кучу свертков только для того, чтобы Брэм взял их у нее.

— Куда вы направляетесь? — спросил он, оказавшись рядом с ней, когда они вышли на улицу, где их ждала карета Фиштона.

— Мы встречаемся с лордом Косгроувом за ленчем, — сообщила Беатриса, усаживаясь в карету. — До свидания, милорд.

Брэм взял Роуз под локоть и прошел с ней пару шагов, но вместо того, чтобы отпустить, еще крепче сжал ее руку.

— А-а, Косгроув, — протянул он. — Еще один из моих друзей. Может, и мне пригласить себя?

— Мы должны встретиться в «Белом льве» в час дня, — сказала Роуз, опередив Беатрису, открывшую рот, чтобы сказать, что ленч устраивается только для семьи — настоящей и будущей.

— Значит, мы там увидимся.

Когда он закрыл дверцу и отошел, карета тронулась, и Беа принялась ругать Роуз за разговор с такой неприятной личностью. Роуз почти не слушала ее. Несмотря на то, что Брэм не относился к числу добропорядочных джентльменов, она была рада, что он присоединится к ним. Казалось, он был единственным человеком, кто понимал ее отвращение к мужчине, за которого ей предстояло выйти замуж, и он, безусловно, был более подготовлен к сопротивлению Косгроуву, чем любой на его месте.

Что же касается ее спасения, то она полагала, что он может развлекаться как ему нравится, раз уж он не слышал последних ее слов, когда она попросила его уйти.

Ленч с Косгроувом... Брэма не устраивало назначенное время, но, если он хотел, чтобы на его собственных похоронах играла бравурная музыка, надо с этим смириться. Кроме того, зная, какие чувства вызывает у Розамунды маркиз, и после разговора с ним этим утром Брэм не мог оставить ее без поддержки или союзника. Даже если она ему не очень доверяла и не хотела его присутствия, даже если этот союзник был еще сам не готов к этой роли.

Забрав Титана, он поехал в направлении «Белого льва», одного из самых спокойных и респектабельных заведений Найтсбриджа. Все утро он рассуждал сам с собой, и даже угрозы Косгроува и его собственное чувство самосохранения не беспокоили его так упорно и долго, как воспоминание о том, как Розамунда выставила его за дверь после того, как он овладел ею.

С годами его игры становились мрачнее и сложнее. Он стремился избавиться от постоянного ощущения скуки, старался вызвать недовольство и возмущение своего отца. Ему перестали нравиться затеи Косгроува с того момента, как он понял, чем они пахнут. К тому же чем больше он узнавал Розамунду Дэвис, тем меньше желал потворствовать маркизу.

Но не одобрять что-то и пытаться реально положить этому конец — это совершенно разные проблемы. Очень разные, когда тут замешан Кингстон Гор. И сразу возникал другой вопрос. Если женщина, выбранная Косгроувом, не была бы остроумной и правдивой или если бы у нее на носу не было симпатичных веснушек, стал бы он сейчас разыгрывать из себя героя?

Брэм разогнал эти мысли, когда увидел гостиницу и карету Фиштона. У него была причина получать удовольствие в компании женщин, и он уже получил его с Розамундой. Все остальное не столь важно. Но он оказался на грани скандала, абсурдного и нелепого, и... игра становилась опасной. Стоила ли она свеч?

Когда Брэм следом за Розамундой и ее болтушкой сестрой вошел в кафе, Лестер и Косгроув уже сидели за столом в глубине зала.

Он внимательно посмотрел на Косгроува, когда тот поднял глаза. Кинг мгновенно перевел взгляд на Розамунду, и этот по-хозяйски брошенный взгляд собственника заставил Брэма сжать кулаки. Будь Кинг добрее и внимательнее, Розамунда со своим чувством долга могла бы строить свадебные планы, не выражая ни малейшего протеста. И в какой-то момент Брэм почувствовал глупую радость от того, что его так называемый друг выбрал весьма своеобразный способ ухаживания. «Не по зубам тебе эта девушка, старый развратник!»

Маркиз увидел Брэма и прищурил глаза. Косгроув выжидал, недаром в прошлом они вместе придумывали разные затеи.

Поэтому у Брэма оказалось небольшое преимущество. Учитывая его поведение в прошлом, Косгроув мог ожидать, что он отступит и решит не переходить дорогу своему ментору.

Однако на этот раз опытный интриган ошибся.

— Послушайте! — радостно воскликнул Лестер. — Как это вы нашли Брэма?

— Я выбирал одежду под цвет моих глаз, — сухо сказал Брэм, решительно занимая место рядом с Розамундой. Ему хотелось коснуться ее, ощутить вкус ее мягких губ, и внезапно он подумал, что было бы намного разумнее посадить кого-нибудь между ними. Но в эту минуту его больше беспокоило, сумеет ли он помешать Косгроуву сделать что-либо оскорбительное и унижающее ее. — Кто же знал, что мы предпочитаем один и тот же магазин?..

— Интересный у тебя выбор одежды, — лениво произнес Косгроув, указывая на жилет Брэма.

— Не нравится?

Черт побери! Да просто в это утро он решил, что уже слишком долго носил черное, а все

придавали этому какое-то мистическое значение. Глупцы!

— Расширяю свои горизонты, — сказал он.

— Полезное занятие.

— Мы покупали вещи в приданое Роуз, — весело сообщила леди Фиштон.

Бледно-голубые глаза остановились на Роуз, выбиравшей сдобу на стоявшем на столе блюде.

— А, — отозвался маркиз. — Я тоже делал покупки для моей будущей жены.

— О, как мило! Что же вы купили? Вы должны сказать нам.

У Брэма мелькнула мысль: не слишком ли леди Фиштон глупа? Возможно, она начисто лишена здравого смысла. Люди не шутили с Косгроувом. Особенно женщины. Одна из любимых маркизом шуток была такой: есть только одно отверстие в теле женщины, которое его интересует, и находится оно между ее ног. Или это ее рот, который находится между его ног.

— Это только для мужа и жены, — ответил Косгроув, и чуть заметная усмешка мелькнула в его глазах. — Я с радостью расскажу о них Роуз, только позднее.

— Вы слышали, что сегодня вечером леди Джерве дает один из ее знаменитых маскарадов?

— Конечно, вы с Брэмом должны быть приглашены, Косгроув.

— Да, я приглашен, — ответил Косгроув. — А ты бы хотел побывать там, Джеймс?

— О, конечно же, разумеется!

Брэм почувствовал, как Розамунда чуть ближе придвинулась к нему. Она ничего не говорила, что само по себе было для нее необычным, и когда под столом ее пальцы коснулись его, он почувствовал, как будто молния пронзила его грудь. Повернув запястье, он на мгновение сжал ее пальцы.

— Я тоже там буду, Лестер, — громко произнес он. — Кажется, нас будет трое. — Ему потребовалась вся его храбрость, чтобы выстоять под пушечным огнем, чем было для него прикосновение благовоспитанной девушки на семь лет моложе его.

Некоторое время они сидели и ели, разговор вели в основном между собой леди Фиштон и лорд Лестер.

Розамунда по-прежнему почти ничего не говорила, и Брэм даже немного занервничал, ибо Косгроув не высказывал никаких вульгарных угроз или намеков. Но ее необычная молчаливость говорила сама за себя. Она не только сердилась, оказавшись в такой обстановке, но и была напугана. Брэм стиснул зубы.

Он не привык, да и не мог привыкнуть к роли героя, был всю жизнь далек от благородных помыслов. Девица попала в затруднительное положение, и вот он тут сидел, соображая, сколько карт ему следует выложить на стол. У Розамунды опустились плечи, и Брэм вздохнул. Пора тащить рыбу или бросать приманку.

— А скажите, Лестер, — поинтересовался он, — вашему отцу еще не удалось найти десять тысяч и освободить Розамунду из этого неловкого положения?

Глаза Косгроува чуть сузились, но он ничего не сказал, зато виконт Лестер нахмурился:

— Не такое уж неловкое, Брэм. Роуз двадцать два года. Ты не думаешь, что ей пора замуж? А Косгроув — мой друг, как и ты.

Брэм опустил руку в карман и вынул несколько расписок на двести с чем-то фунтов, которые ему задолжал мальчишка.

— Это не совсем то, — сказал он и, разорвав пополам, протянул их Роуз.

— Я скажу, что это благородно с твоей стороны, Брэм. — Лестер перегнулся через стол и пожал ему руку.

— В самом деле? — усмехнулся он. — У меня так мало опыта по части благородства.

— Какое совпадение, что у тебя случайно оказались в кармане эти долговые расписки,

когда ты столкнулся с семейством Дэвисов и напросился на ленч! — Косгроув налил себе вина. — Мне бы только хотелось напомнить, что иметь долг в несколько сотен фунтов — одно дело, а в десять тысяч — совсем другое.

— Могло бы быть одно и то же, поскольку ни один из нас не зарабатывал эти деньги в поте лица.

— Если ты, Брэмуэлл, питаешь какие-то чувства к этой девчушке, скажи мне, и, возможно, мы заключим какое-нибудь соглашение.

По которому Косгроув мог бы мучить ее шесть дней в неделю, а он бы навещал ее по вторникам? Семья Дэвисов никак не отреагировала на бестактное замечание маркиза. Надо брать эту заботу на себя. Но сначала нужно отвлечь внимание Косгроува от Роуз. Во всяком случае — попробовать.

— Я рассуждаю понятно и излишне прямо. Будь хоть раз джентльменом и отпусти их.

Маркиз наклонился над столом, опершись на локти, и уперся подбородком в сложенные пальцы.

— Нет. Если тебя интересует эта леди, почему бы тебе не спросить ее, кого из нас она предпочитает?

«Она предпочитает меня!» — хотелось ему крикнуть, но он только заставил себя усмехнуться:

— Я говорю о чести, а не о девицах. Кроме того, ты уж слишком давишь на нее. Разве это справедливо?

— Для меня вполне. — Маркиз повернулся к Розамунде: — Но я хотел бы услышать ответ моей будущей жены. Чье общество вы предпочитаете, Роуз?

— Мое собственное, — тихо и равнодушно ответила она.

— Но, дорогая, я хотел, чтобы вы назвали имя — мое или его. Скажите нам. Сейчас.

— Ваше, лорд Косгроув.

Как ни неприятен ему был ответ девушки, Брэм понял его. Он хотел взять под столом ее руку, но она отдернула ее.

— Пожалуйста, не осложняй положение, — шепнула она, опустив голову.

— Вот видишь, Брэмуэлл? Леди предпочитает меня. И это неудивительно. Этот джентльмен, миледи, лишен наследства. Живет на карточные выигрыши. А здесь швыряется двумя сотнями фунтов, которые ему, вероятно, нужны, чтобы не умереть с голода.

— Меня лишают наследства по меньшей мере раза три в год, — ответил Брэм, довольный, что его насмешки отвлекают внимание Косгроува. — Я научился обеспечивать себя, если можно так выразиться. И с голода не умру.

— Как ты называешь это? Обеспечивать себя? Я предпочитаю сначала составлять расписание и следовать ему. Согласно плану я буду сопровождать Роуз в пятницу на суаре в Хемптоне. Пора уже нам показаться вместе в обществе. А теперь, моя дорогая, скажите лорду Брэмуэллу, что вы желаете, чтобы он ушел, пока я не почувствовал себя оскорбленным тем, что вы неуверенно ответили на мой вопрос.

Брэму не хотелось услышать, как она, по принуждению или добровольно, в очередной раз укажет ему на дверь. Он встал.

— В этом нет необходимости, у меня дела. Вечером встретимся, Кинг, Лестер.

— Мы еще продолжим этот интересный разговор, Брэмуэлл, — сказал Косгроув, когда тот повернулся к нему спиной.

— Надеюсь, — ответил Брэм. Он был так рад хотя бы посидеть рядом с Розамундой, этой неблагодарной девчонкой. Похоже, этот чертов маркиз пока что переигрывает его. У него в колоде козырь — долг Лестера. Быть героем оказалось намного труднее, чем Брэм себе

представлял.

— Я люблю гостей, — сказала Беатриса, когда Дэвисы и Фиштоны собрались в гостиной Дэвис-Хауса в ожидании приезда маркиза Косгроува. Роуз надела самое скромное платье, какое только у нее было. Высокий ворот и длинные рукава представляли собой всего лишь слабую преграду, отделявшую ее от Косгроува. Если бы ей удалось, она надела бы поношенные мужские брюки, шерстяную рубашку и очень толстое пальто.

— Почему ты так странно нарядилась? — словно продолжая ее мысль, спросила сестра. — Выглядишь как гувернантка.

— Поскольку мне предстоит провести вечер в обществе маркиза Косгроува, скромная одежда будет на пользу нашей семье.

— У нее веский аргумент, моя дорогая леди Фиштон, — заметил лорд Фиштон. — Я до сих пор не уверен, что близкие отношения с Косгроувом не повредят моему положению в кабинете.

Роуз знала, что Беатриса с Питером всегда обращаются друг к другу «лорд Фиштон» и «леди Фиштон». Теперь, когда ее познания в области интимных отношений расширились, ее интересовало, обращаются ли они так друг к другу наедине в их спальне, однако ей трудно было представить сдержанного Фиштона, занимающегося любовью с супругой.

Когда Фиштон упомянул, что его могут уволить с должности помощника секретаря министра финансов, отношение Беатрисы к их поездке сильно изменилось.

— Знаете, — сказала сестра Роуз более звонким, чем обычно, голосом, — мы все не уместимся водной карете. Мы с лордом Фишером поедем раньше и встретимся с вами уже в Хемптоне.

— Конечно, поезжайте, — согласилась Роуз. — И может быть, с вами отправятся мама и папа. А мы с Джеймсом подождем лорда Косгроува.

— Ты уверена, дорогая? — спросила ее мать, когда уже встала и приготовилась выйти из комнаты. — Конечно, ведь в первую очередь он хочет видеть тебя. А папа просил об отсрочке, чтобы не было сплетен.

— Я знаю свою роль, — ответила Роуз, борясь с приступом тошноты. Если сорвется сделка с Косгроувом, пострадают ее родные. И только она одна должна была рассчитывать с маркизом. Она понимала, что переоценивает себя, но все равно могла справиться с ситуацией лучше, чем все остальные члены семьи, вместе взятые.

Итак, часть ее семьи сбежала из дома. Розамунда выбрала место как можно дальше от камина, пышущего на нее жаром, а Джеймс ходил взад-вперед по комнате. Практически все покинули ее. Ее кузина Мэгги начала переписываться с ней, хотя их дома находились не более чем на расстоянии четверти мили друг от друга. Джеймс не был на ее стороне не из-за собственного эгоизма, а потому, что по-прежнему считал маркиза своим кумиром. И прошло уже три дня, как она не видела и не слышала ничего о Брэме Джонсе.

Но он, по крайней мере, перед своим исчезновением сказал маркизу, чтобы тот оставил ее в покое, и оказался единственным, кто замолвил за нее словечко. Почему он сделал это, она не совсем понимала. Не расплатившись с долгом семьи и не освободив Джеймса из-под влияния Косгроува, он, видимо, сознавал, что, как бы ни старался, его усилия были бесполезны. И все равно, когда он вышел из-за стола в «Белом льве», она почувствовала, что вместе с ним ушла ее последняя надежда. И с тех пор она была очень, очень одинока.

— Обычно он везде опаздывает, Роуз, — нарушил молчание Джеймс. — Говорит, это делает его появление более торжественным. Так что не беспокойся, что он забыл о нас.

Ничего бы не доставило ей большего удовольствия, чем оказаться забытой.

— Ты еще не говорил мне, как прошел маскарад у леди Джерве.

Ее младший брат густо покраснел.

— Брэм сказал, что это не то место, куда можно пойти с кем-то, кого ты любишь или уважаешь. Сначала я ему не поверил, но потом, побывав там, кое-что понял.

— Значит, он туда ездил?

— Нет. Послал мне записку с извинениями. Из-за тебя они с Кингом постоянно грызутся. Вопреки ее твердому решению не заблуждаться ее сердце дрогнуло.

— Я его ни о чем не просила.

— Этого я не знаю, но я не мог с ним переговорить: три дня его не видел. А Брэма, как ты понимаешь, не назовешь отшельником.

Да, уж это точно. Еще до приезда в Лондон она слышала и читала сплетни о нем, о его постоянных карточных играх и победах, и о том, что в некоторых домах его не принимают из-за сомнительной репутации. Но он оказался более сложным человеком, чем она думала о нем первоначально. И умел очаровывать людей, притягивать их к себе.

К тому же ей доставляли удовольствие его внимание, его поцелуи и его... интимные уроки. Она не ожидала от него избавления от всех своих проблем. Она только попросила о нескольких мелких услугах. Вот и все, на что она могла рассчитывать.

Открылась входная дверь, и на пороге гостиной возник Элбон.

— Милорд, миледи... лорд Косгроув, — с поклоном объявил дворецкий, и, обойдя его, в комнату вошел маркиз.

— Кинг, наконец-то! — С улыбкой протягивая ему руку, Джеймс поспешил к нему.

Роуз продолжала сидеть, несколько удивленная, что Джеймс не поцеловал своего дорогого друга. В эту минуту она сомневалась, что сможет встать и любезно поздороваться с этим ужасным человеком. Страшно было выходить за него замуж. Она была бы не в силах притворяться и скрывать свое отвращение к нему. Бледно-голубые глаза смерили ее с головы до ног, и она отвернулась к окну.

— Разве лорд и леди Абернети не поедут с нами? — спросил маркиз.

— О, они, то есть мои родители, уехали раньше с Беа и Фиштоном. Знаете, в карете мы все не уместаемся, — объяснил довольный Джеймс.

Маркиз прошел мимо ее брата и остановился перед ней.

— Вы думаете, сей нелепый наряд заставит меня уехать одного, без вас?

— Мне нравится это платье, — сказала она.

— А мне нет. Переоденьтесь.

— Нет.

Ей потребовалась вся ее смелость, чтобы встать и посмотреть ему в лицо. Она впервые порадовалась, что была высокого роста: ей не приходилось задирать голову, чтобы ответить ему взглядом. А Брэм был на пару дюймов выше маркиза. Это, безусловно, была незначительная деталь, но она ухватилась за эту мысль и не отпускала ее. Косгроув мог считать себя могущественным и властным, но он не мог сделать себя выше.

— Лестер, пойди посмотри мою новую пару лошадей, — распорядился он, не отрывая взгляда от Роуз.

Она не успела и рта открыть, чтобы остановить брата, как он выскочил за дверь. Черт бы его побрал! У Джеймса не хватало мозгов, чтобы хоть в чем-то помочь ей. Она расправила плечи.

— Продолжайте.

— Продолжать что? — придвинулся к ней Косгроув. Роуз выдержала и не отступила. Она понимала, что он физически сильнее ее и скорее всего загонит ее в угол.

— Оскорбляйте меня, облизывайте меня или рассказывайте, какие ужасные штуки вы будете проделывать со мной, когда мы поженимся. Разве не для этого вы отослали Джеймса?

Маркиз с непроницаемым выражением лица смотрел на нее. Откуда у нее нашлось столько смелости для этой короткой речи, и каковы будут последствия, она не могла себе представить, но была довольна, что высказалась. Не все в его власти, пусть привыкает.

— Он спал с тобой, — сказал он все тем же тихим голосом. От этих слов холодная дрожь пробежала по ее спине, и она вдруг вспомнила, что бросает вызов не просто жестокому человеку, а стоит лицом к лицу с чудовищем.

— Простите? — выдавила она из себя, всеми силами стараясь не утратить чувство собственного достоинства. Она хотела, чтобы он узнал об этом, но не сейчас, когда это давало ему превосходство и возможно было обвинять ее в прелюбодеянии.

— Поэтому он и хотел, чтобы я оставил тебя в покое, — продолжал маркиз. — Это неслыханно. Он поимел тебя, и ты... все еще ему нравишься. — От его зловещей улыбки у нее стыла кровь. — Выходит, обошел он меня, — продолжал Косгроув, становясь все задумчивее, — но Брэмуэлл Лаури всегда был слегка... непредсказуемым.

На этот раз Роуз отступила.

— Не понимаю, о чем вы говорите, но прошу вас обращаться со мной хотя бы с некоторым ува...

Он ударил ее по лицу.

Она покачнулась и схватилась за спинку стула, чтобы не упасть. Щека у нее горела, и она прикрыла ее ладонью. Он ударил ее. Она повернулась к двери, собираясь убежать.

Косгроув опередил ее и закрыл дверь прежде, чем она проскользнула в нее.

— Уважение? — повторил он с чуть заметной улыбкой, блеснув своими голубыми глазами. — Это то, что ты оказала мне, когда раздвинула ноги для Брэмуэлла? Мы должны пожениться, моя дорогая.

— Отойдите от меня, — прошипела она. Он придвинулся ближе.

— Никогда, — шепотом сказал он. — Дело в том, что дьявол не любит одиночества. Ты принадлежишь мне, так же как мне принадлежит моя лошадь. И, полагаю, Брэмуэлл хорошо это знает.

— Убирайтесь!

— Единственная причина, по которой ты сейчас не лежишь на спине, заключается в том, что я хочу, чтобы мы оба в ожидании насладились предвкушением.

— Откройте дверь, или я закричу. Я еще не принадлежу вам, лорд Косгроув.

Как будто успокоившись, он отодвинул засов и открыл дверь.

— Он был нежен с тобой, Роуз? Он называл тебя по имени? Ты получила удовольствие? — с грязной усмешкой спросил маркиз.

Вскрикнув, Роуз пробежала мимо него и бросилась вверх по лестнице. Это было ужасно. Просто кошмарно. Каждый раз, когда она думала, что находит какую-то защиту от него, даже знает, как его перехитрить, он изобретал новый способ нападения.

Вбежав в спальню, она захлопнула дверь и подсунула под ручку ножку стула. Не переставая рыдать, Роуз ходила по комнате, а потом опустилась на колени. Как могли ее родители просить ее выйти замуж за... это животное? Она потерла болевшую щеку. Он не сильно ударил ее, но мог бы и дать волю разнузданному нраву. И от сознания этого ей становилось хуже.

Раздался стук в дверь.

— Роуз...

— Я заболела, Джеймс, — с трудом сказала она. — Отправляйтесь на бал без меня.

— Но Косгроув хочет, чтобы ты поехала с нами. «Пусть этот Косгроув удавится».

— Я заболела, — повторила она.

— Ладно, но он будет недоволен.

Когда она не ответила и его шаги затихли, Роуз свернулась комочком на полу. Даже если она расскажет родителям, что Косгроув ударил ее, это не изменит обстоятельств, заставивших их согласиться на этот брак. Дело обстояло так, что они, скорее всего, обвинили бы ее, как будто она своими жалобами вызвала его недовольство.

Она видела сейчас перед собой единственное лицо, дающее ей покой и надежду, — это было лицо Брэма. Теперь Косгроув станет и его врагом. Для человека, не любящего жизненных перипетий, Брэму предстояло попасть в очень неприятную ситуацию. Она, может быть, еще не готова убедить себя сбежать и предоставить своим родным самим разбираться в своих бедах, но Брэм Джонс мог бы поступить с ней именно так.

— Вы кого-то ждете? — Теплая ладонь легла на руку Брэма. — А я как раз послала лорда Экли за апельсиновыми цукатами. — Леди Экли, дыша ему в ухо, придвинулась ближе. — Ведь сегодня здесь их не подают.

Брэм подавил вздох.

— Блестящий маневр, Миранда, — вздохнул он, не сводя глаз с дверей бального зала. Уже приехали лорд и леди Абернети, да и эта болтливая леди Фиштон со своим вялым мужем. А где же, черт побери, Розамунда? Миранда потянула его за рукав:

— Вы совсем забыли обо мне, Брэм. Я соскучилась. Но мы должны спешить. Меня в конце концов начнет искать Экли.

Самым хорошим качеством в леди Экли была ее способность замолкать, как только он снимал с нее одежду. А вот когда они не занимались сексом, она сильно раздражала его. К тому же за последние дни это раздражение по какой-то причине перешло в антипатию.

— Сегодня я никуда не пойду с вами, Миранда, — тихо сказал он ей.

— О, неужели мой дьявол нездоров?

Было бы легче избавиться от нее таким образом, чем просто сказать, что его больше не интересует то, что она предлагает ему.

— Да, я нездоров, — подтвердил он, освобождая свою руку. — И лучше, чтобы нас не видели вместе слишком часто.

— Согласна. — Она отпустила его руку, но снова прижалась к нему, чтобы прошептать: — Я хотела сказать вам, что в понедельник мой муж уезжает в аббатство Экли и пробудет там две недели. — Она хихикнула: — Представляете, как мы повеселимся?

В бальный зал вошли Лестер и Косгроув.

— Прошу прощения, Миранда.

— Но...

Он больше не слушал ее лепета; все его внимание было устремлено на Косгроува. Вероятно, кому-то другому маркиз казался по-прежнему высокомерным, как всегда, циничным, умеющим хранить самообладание, но Брэм знал его более десяти лет и изучил хорошо. Сейчас Кингстон Гор злился. И, заметив, что Розамунда не приехала ни с родителями, ни со своим братом, Брэм догадывался, что, видимо, она и была причиной этого гнева. Умница!

Следуя за Косгроувом, пробиравшимся сквозь толпу, Брэм остановился рядом с Лестером.

— Добрый вечер, Джеймс. Виконт вздрогнул.

— Откуда, черт побери, вы появились, Брэм?

— Из тени. Это моя привычка. Где твоя сестра?

— Паршивая история. Она была уже одета и готова ехать, а затем Косгроув посмотрел на нее и сказал, что она должна сменить платье. То, которое было на ней, делало ее похожей на бедную гувернантку — длинные рукава и все прочее...

— И она не подчинилась? — перебил его Брэм, переводя разговор в нужное русло.

— Ну, они с Кингом поболтали с минутку наедине, а затем она поднялась вверх. Но когда я пытался позвать ее, она сказала, что заболела и никуда не поедет.

Глубоко дыша, Брэм сдерживал себя.

— Ты оставил ее наедине с Косгроувом?

— Они же помолвлены. А у Кинга новая пара отличных лошадей для упряжки, и он послал меня посмотреть на них.

— Ты идиот!

— Послушайте, это нехорошо. Я не...

— Никогда не оставляй сестру наедине с мужчиной, если только она не попросит тебя об этом сама! — прошипел Брэм. — Кем бы этот мужчина ни был! Ясно?

Лестер обиделся, однако кивнул.

— Но это же Косгроув, — жалобно напомнил он, как будто это все объясняло.

— А Розамунда — твоя сестра. Ты оказал ей плохую услугу, Джеймс. Ты мог бы хотя бы не оставлять ее одну, пока она все еще под твоей опекой.

Брэм закончил отчитывать его, и Лестер смотрел на него как доверчивый наивный мальчишка, каким он, в сущности, и был. Со стороны казалось, что он сейчас расплчется. Брэм перевел дыхание. С каких это пор он сделался поборником приличного поведения? Все еще хмурясь, он похлопал виконта по плечу.

— Ты слушаешься своего сердца, Джеймс, — более спокойным тоном продолжал он. — В этом нет ничего плохого. Но мужчина должен слушаться и своей головы.

— А вы слушались своего сердца или головы, когда поспорили с лордом Девериллом, что сможете проехать через Брайтон с завязанными глазами?

— Зачем говорить обо мне? Я плохой пример для подражания, Джеймс. И Косгроув, кстати, тоже.

— Вы шутите, Брэм, — вздохнул Джеймс. — В прошлом году вы выиграли все пари, заключенные вами в «Уайтсе». Это достойный пример. Почему бы не последовать ему?

Возможно, это был великолепный бал, но какого черта он тратит время на лекции о пристойном поведении? Есть ли у него моральное право? Чушь все это. Прежде всего, ему не терпелось узнать, чем Косгроув обидел Розамунду.

Брэм обернулся и увидел, что Миранда с удивлением поглядывает на него, а Косгроув, не таясь, тоже смотрит на него. Выражение лица маркиза, которое, как всегда, было трудно понять, ясно показывало сейчас презрение и торжество. Но вместе с тем было заметно, как гнев, мелькнувший на лице маркиза, когда он вошел в зал, разгорался все сильнее.

Значит, его недовольство направлено на него, Брэма. Вероятно, спустя какое-то время Косгроув понял, что неправильно вел себя с Розамундой, но, учитывая то, что ему только что сказал Джеймс, это мало что объясняло. Маркиз по-прежнему пытался напугать ее, и ему это, очевидно, удавалось.

Брэм подумал, что еще не поздно развернуться и уйти, ведь он же не был любителем впутываться во что-то, что его не касалось. Но ведь тогда маркиз совсем распустит руки. Больше он никогда не станет доверять Косгроуву.

— Брэмуэлл, — медленно протянул маркиз, когда тот остановился передним. Кинг бросил взгляд на приближавшегося к ним лакея, и тот невольно отскочил в сторону.

— Косгроув, кажется, ты здесь без своей нареченной. Непредусмотрительно с твоей стороны оставлять ее одну, ведь тебе стоило большого труда заполучить ее.

— Ты должен принести мне извинение. Брэм поднял бровь.

— Я — тебе?

— Да, ты. И я жду, что ты сделаешь это, встанешь на глазах у всех на колени и попросишь у меня прощения.

Положение создавалось скверное. Он был безоружен, если не считать находчивого ума и кинжала в сапоге.

— Похоже, что мы с тобой больше не друзья, — задумчиво произнес он, замечая, как вокруг них образуется пустота, как будто гости почувствовали в воздухе опасность.

— Похоже, что так, — согласился Косгроув. — Ты поймел ее. А я ясно показал, что она принадлежит мне.

— У меня было много женщин, Кинг, — с улыбкой заявил он, хотя не видел в этой ситуации ничего смешного. — О которой ты говоришь?

— Если бы я хотел ее перед всеми опозорить, я бы уже сделал это, — проворчал Косгроув с пылающими от гнева голубыми глазами. — Из-за тебя ей будет хуже: если слова не подействуют, придется применить другие средства.

— А ты не можешь выбрать другую жертву?

— Нет. Если ты не хочешь, чтобы сейчас закончилась наша дружба, то я еще раз предлагаю тебе извиниться передо мной. Подумай.

Наклонив набок голову, Брэм заметил, что его старший брат и герцог Левонзи стоят позади наблюдавшей за происходившим толпы. Этого только не хватало! Из всех его проступков отца больше всего раздражали отношения сына с Косгроувом, и только по одной этой причине ему было неприятно, что герцог увидит его ссору с этим человеком. С другой стороны, он скорее пустил бы себе пулю в лоб, но никогда бы не встал на колени при людях, прося за что-то прощения. Особенно если считал себя правым, каковым он довольно неожиданно оказался. А как же иначе?

— У меня есть к тебе другое предложение, — сказал он, не повышая голоса. — Оставь ее. Оставь в покое ее семью, и покончим с этим. Станешь продолжать эту игру, и я позабочусь, чтобы ты пожалел об этом.

— Хотел бы я посмотреть, как ты попытаешься обыграть меня. И убирайся ко всем чертям!

Брэм изобразил поклон:

— После тебя. — Повернувшись на каблуках, он пошел через толпу.

— Брэм, — тронул его за плечо брат.

— Извини меня, Огаст. Я ищу виски.

Надо признаться, что крепкий напиток не помешал бы ему, но он думал не о нем. В его голове возникла и укрепилась эта мысль в ту минуту, когда он узнал, что Розамунда может оказаться в беде. И какого черта он в течение месяцев забирался в дома под видом одного из гостей? Он уже дважды под покровом темноты побывал в Дэвис-Хаусе. И в третий раз это будет совсем не трудно. Зачем лишние светские церемонии?

Он задержался на несколько минут в дальнем углу зала, пока не начались танцы, затем выскользнул в боковую дверь. Выйдя из дома, через сады направился на улицу. На этот раз он оставил свою карету около подъезда, но вместо того, чтобы пройти дальше по улице и завернуть за угол, остановил наемный экипаж.

Наемный экипаж — нарушение еще одного его правила. Он терпеть не мог эти чудовища на скрипучих рессорах, с их продавленными сиденьями и странными запахами, но в этот вечер ему не хотелось думать о таких мелочах. Был ли он одержим этим последние недели, когда мысли о Розамунде не выходили у него из головы? Может быть, это был признак надвигающегося слабоумия? Неудивительно, если вспомнить, как он прожил свою жизнь.

Но почему Роуз? Почему не Миранда Экли, которая, бесспорно, была более опытна в постели, чем Розамунда Дэвис? Или Сара Вишер, умевшая доводить до экстаза? Почему эта порядочная, веснушчатая, невероятно упрямая Розамунда Дэвис? Он не находил этому объяснения.

Экипаж остановился, и он вышел из него за две улицы от Дэвис-Хауса, а остальную часть пути прошел пешком. В половине окон нижнего этажа горели свечи, некоторые освещали комнаты наверху. Ясно, что сегодня он не войдет в парадную дверь.

Раздраженный собственным непреодолимым желанием видеть и касаться ее, Брэм обошел стороной подъездную дорожку и пошел вдоль стены. Даже спустя три года после возвращения из Испании он продолжал ездить верхом и заниматься боксом, но перелезть через стены, чтобы

увидеться с женщиной, находившейся в расстроенных чувствах, казалось ниже человеческого достоинства и не соответствовало его циничному взгляду на жизнь.

Он осознавал, что поступает глупо, но это сознание не мешало ему взбираться вверх по водосточной трубе, проходившей рядом с окном Розамунды. Как обычно, окно было приоткрыто на несколько дюймов, и он смог зацепить носком сапога раму и потянуть ее на себя. Раскрыв окно достаточно широко, он раскачался и, перебросив тело, ухватился пальцами за подоконник.

Перехватив руки, Брэм уперся ногами в стену и подтянулся к окну. Тут что-то ударило его по лицу, и 168 он чуть не разжал пальцы.

— Розамунда, — прошептал он, стараясь удержаться, — перестань, черт возьми, бить меня!

Она ахнула и, выглянув из окна, посмотрела вниз, на него.

— Брэм? О Боже! Я подумала, что, может быть, в дом лезет Черный Кот, чтобы грабить нас. Черный Кот уже побывал в доме, но единственное, что он украл, была ее девственность.

— Джеймс сказал, что ты заболела, — произнес он, глядя на нее и чувствуя странное волнение в груди, не имевшее никакого отношения к тому, что он висел в двадцати футах от земли. За этим должна была последовать фраза из «Ромео и Джульетты»: «Мне указала путь любовь».

— Ты мог бы зайти через парадную дверь, если хотел разузнать обо мне.

— Если ты не отойдешь и не вступишь меня, то к парадным дверям придет полиция, чтобы узнать, почему в вашем саду лежит мертвый, очень красивый мужчина.

Розамунда поспешно отступила. Она чувствовала себя немного неуверенно — ведь он ожидал найти ее испуганной и расстроенной, — Брэм перепрыгнул через подоконник и вошел в ее спальню.

Отшвырнув в сторону крикетную битую, которой она ударила его, Розамунда бросилась к нему. Оказавшись лицом к лицу с прижавшейся к нему женщиной, Брэм сделал то единственное, что казалось ему правильным, — он обнял ее.

— Розамунда, — выдохнул он, прижимаясь лицом к ее мягким рыжеватым волосам.

Черт! Он не умел успокаивать. Он мог по пальцам пересчитать случаи, когда делал это. Она подняла лицо и стала целовать его легкими как перышко поцелуями, пробуждая в нем желание.

— Я стараюсь быть верным другом, — прошептал он, поднимая голову и отвечая на ее поцелуи.

— Все ушли, а ты пришел навестить меня, — все еще дрожащим голосом шептала она, пытаясь развязать его галстук.

— Надо успокоиться, — попытался он остановить ее, напрягая все свои мышцы, чтобы прийти в себя и немного перевести дух.

— Я и хочу, чтобы ты меня успокоил, — возразила Розамунда, стягивая с его шеи и бросая на пол галстук. Она начала расстегивать пуговицы на его жилете, и Брэм решил, что он уже вынес больше, чем можно ожидать от любого порядочного человека, и поцеловал ее жадным горячим поцелуем. Где-то в голове у него мелькнула мысль, не таким ли образом она снова мстит Косгроуву — на этот раз за то, что он сделал, чтобы загнать ее в спальню. Прикосновения ее рук, расстегивавших его панталоны, прогнали все мысли о том, почему она это делала.

Брэм вынул шпильки из ее волос, и рыжая волна каскадом скатилась на его руки.

— Сегодня ты одета немного старомодно, — заметил он, собираясь спустить с ее плеч лиф платья.

— Так и было задумано.

Он чуть не пошутил, что чем больше на нее надето, тем интереснее раздевать ее, но вовремя спохватился. Брэм Джонс прибежал к таким словам, когда ему хотелось соблазнить женщину. А эта девчонка уже запустила руку... «Что же ты творишь?» — чуть вырвалось у

него, когда ее тонкие пальцы обхватили его пенис.

— Только не дразни его, он рвется туда, где и должен быть. Ты этого и добиваешься.

— Извини, — прошептала она, убирая руку и сбрасывая на пол его одежду.

Он сам снял через голову рубашку, повернул Роуз спиной к себе и быстро принялся расстегивать оставшиеся пуговицы. На ней было наверхено больше одежды, чем покровов на мумии и чем бы ему хотелось видеть на ней. Нехорошо.

Как только он покончил с пуговицами, он спустил ей рукава и повернул ее так, что его губы оказались на ее левой груди. Что бы ни заставляло ее хотеть его, в любую минуту она могла опомниться, и он торопился.

Подняв на руки, он почти бросил ее на кровать и, задрав платье, оголил ее бедра, а она приподнялась, чтобы помочь ему. Теперь он спустил свои панталоны.

— Твои сапоги, — шепнула она, когда он подвинул ее к краю кровати.

— Оставь их! — прорычал он, скользнув внутрь ее, упиваясь ощущением ее теплого тела. Стоя у края постели, он быстро и сильно двигал бедрами, а руками обхватил ее груди. Ее соски отвердели, и он снова наклонился и стал целовать их.

Издавая стоны в ритм с его движениями, она ухватила за его волосы.

— Брэм!.. — чуть не задохнулась она, и наступил оргазм.

Жар, от которого вскипала кровь, охватил Брэма. Он словно забыл о своей обычной нежности и в самой ее глубине обрел свое облегчение. Блаженный святой Христофор! Черт знает, что она творила с ним, и как бы ему ни хотелось в этом признаться, ему это нравилось. И еще ему нравилась Розамунда Дэвис.

Он лег рядом с ней и накиннул на них обоих одеяло. Когда она положила голову на его плечо, а рукой обняла его грудь, у него возникло странное ощущение, что ему хочется, чтобы время остановилось.

Ему было необходимо избавиться от этого чувства.

— Ты расскажешь мне, что произошло? — спросил он, нежно целуя ее волосы.

Несколько минут она лежала молча.

— Он все знает, — наконец тихо, с печалью в голосе, сказала она. — Косгроув знает... что мы были вместе. Я не говорила ему, но мне показалось, что я не была так сильно напугана, как он ожидал.

Слушая и обнимая ее, он оглядывал комнату. Кроме Крикетной биты, валявшейся на полу, он заметил, что дверная ручка была зажата стулом. Самое необычное, однако, было в стоявшем на полу по ту сторону кровати чемодане, наполовину заполненном одеждой и другими личными вещами.

Что-то произошло. Что-то хуже предыдущих угроз и обещаний Косгроува. Что-то настолько серьезное, что заставило преданную семье девчонку броситься в его объятия и собрать свои вещи. Брэм погладил ее по спине, еще крепче прижимая к себе, чувствуя, как она вся дрожит. Ее страх беспокоил его. Очень беспокоил.

— Что он сделал? — осторожно спросил он.

— Он сказал, что если его слова до меня не доходят, он найдет способ заставить меня подчиниться. И потом ударил меня по лицу.

Брэм мгновенно пожалел, что на вечере в Хемптоне он не воспользовался кинжалом, спрятанным в сапоге. Он понимал желание Косгроува получить ее и владеть ею. Но ударить... Брэм привык к тому, что его многое сердило; последнее время из прошедших десяти лет он переживал разные стадии гнева. Однако то, что он чувствовал, слушая Розамунду, ее дрожащий и полный отчаяния голос, было глубже и пронзительнее всего, что он когда-либо испытывал. Скорее всего это была ярость. Раскаленная добела, кипящая ярость.

— Надеюсь, он получил удовольствие, ударив тебя, Розамунда, — тихим голосом произнес он. — Думаю, он больше никогда не прикоснется к тебе.

Она подняла голову, и ее зеленые глаза посмотрели на него.

— Я не позволю ему. Я хочу уехать.

От неожиданности у него перехватило дыхание.

— По-моему, я уже предлагал это, — сказал он как можно спокойнее.

— А мне следовало послушать тебя. Моя семья... моя семья разорится, но я не смогу провести всю оставшуюся жизнь в рабстве у этого негодяя. — У нее дрогнул голос. — Я не выдержу, Брэм. Думала, что смогу, но...

— Но когда-нибудь тебе придется начать беспокоиться и о себе самой, — закончил он за нее. — Я узнал, что это единственный способ выжить, Розамунда.

Она задумалась.

— Нет, нет. Я не хотела бежать. Но меня принудило к этому его поведение.

— Есть идея, — медленно произнес он, готовый нарушить еще одно из своих правил. Третье за одну ночь. Кто-то, видимо, заключил на него пари. — Оставайся со мной.

Побледневшие щеки Розамунды покраснели.

— Что?

— Оставайся в Лаури-Хаусе. Никто не догадается. Я буду... я буду защищать тебя.

Она наклонилась и нежно поцеловала его. От ее прикосновения Брэм закрыл глаза. Поцелуй, подаренный ему по ее собственной воле, оказался даже лучше секса.

— Спасибо, но за что мне этот поцелуй? — спросил он.

— Ты ведь будешь защищать меня, не так ли?

— Да, — еле слышно подтвердил он.

— От Косгроува. Но ты не сможешь защитить меня от общества. А кто защитит меня от тебя?

— Ты первая начала раздевать меня.

— Я говорю не об этом.

— Тогда объясни.

— Если я хочу тебя, это еще не значит, что я тебе доверяю.

Брэм на этот раз нахмурился:

— Выходи за меня, и мы поладим друг с другом и с обществом.

Он не мог поверить, что произнес это вслух, пока она не отстранилась от него и села. Господи! О чем он только думал? Он сделал предложение. Но раз уж он сделал его, он ждал ответа.

— Ну как? — поторопил он девушку, усаживаясь рядом с ней.

Розамунда смотрела на него во все глаза.

— О Боже! — прошептала она. — Признаюсь, я ожидала, что ты, поджав хвост, сбежишь в Шотландию или куда-нибудь еще, но не встанешь поперек дороги своего друга.

— Он мне больше не друг. Вчера я ясно показал это. И благодарю тебя за твою веру в мой характер.

— Дело не в вере или в отсутствии таковой. Я испытывала тебя, Брэм.

— Как это мило! — Он только этого и хотел, сделав ей предложение, чтобы она копалась в его характере. Можно было бы и дальше разбираться в нем, но Брэм, черт побери, стал, оказывается, ее героем. — Возможно, я ошибаюсь, но, по-моему, я только что предложил тебе выйти за меня замуж. И жду ответа.

— Я оскорбила тебя, когда сказала, что вы с Косгроувом сделаны из одного теста. Прости меня.

— Спасибо, хотя это сейчас не важно.

— Но ты сам сейчас в беде. Большой беде. Я не сбегу от этого задуманного недобрыми людьми брака. Есть очень важная причина, чтобы вступить в него: благополучие моей семьи. Куда же мне деваться?

Брэм поднялся и начал одеваться. Ему только что хотелось целовать ее и даже читать стихи, или что-то еще делать вместе с ней, а она опять затянула старую песню. Но ведь чемодан-то уже собран.

— Ладно, — проворчал он. Его первым порывом было распахнуть дверь, спуститься по лестнице и на глазах у всех слуг выйти через эту чертову парадную дверь. Но с другой стороны, таким же сильным было желание узнать, что она будет делать без него. — Если ты сбежишь из дома и не выйдешь замуж, тебе нельзя будет оставаться в Лондоне.

— Я подумала, что смогла бы быть гувернанткой или компаньонкой. Может быть, в Йорке или Корнуолле. Я люблю море.

И то и другое было слишком далеко. И еще одна мысль пугала его. Если она уедет, то Брэм, может быть, больше никогда не увидит ее. С этим он не мог примириться.

— Прямо не знаю, что тебе еще посоветовать.

— Долг перед семьей, долг маркизу...

Он раз прошелся по комнате, потом еще пару раз. И еще один раз. Многие годы он развлекался интригами, играми и пари. Все было очень просто. Он определял, чего хочет, и затем отыскивал наилучший способ получить это.

— Все зависит от этого дурацкого долга в десять тысяч, — сказал он, скорее всего самому себе.

— Да, с этим я согласна, — кивнула она.

— Твоя помолвка с Косгроувом не будет объявлена в лучшем случае еще две недели.

— Которые пробегут очень быстро...

Брэм сердито взглянул на нее:

— погоди, дай подумать.

— Думай сколько хочешь. Я здесь не останусь. Надо бежать. И так, чтобы этот страшный человек не смог преследовать меня.

Наконец он снова посмотрел ей в лицо, и его сердце забилось с такой силой, что он удивился, что у него не разорвало грудь.

— Давай договоримся, Розамунда. Мне потребуются четырнадцать дней. Если я не вырву тебя из когтей Косгроува до того, как он успеет объявить о помолвке, я позабочусь, чтобы ты благополучно уехала, куда только захочешь, имея достаточно денег на булавки, чтобы не спеша поискать приличную работу.

Она долго смотрела на него, потом нашла пеньюар и набросила его на голое тело.

— А что получишь от этого ты? — наконец спросила она.

«Тебя».

— Ты же знаешь, я люблю риск. И если ты с моей помощью устоишь перед ним еще четырнадцать дней, тогда тебе нечего будет терять.

— Ты только что сделал мне предложение. Ты собираешься поступить как джентльмен?

Он улыбнулся, ему стало весело впервые после разговора с Лестером.

— Во мне, наверное, уже мало что осталось от джентльмена. Но ты согласна?

Наконец она протянула ему руку:

— Четырнадцать дней... Брэм, я доверяю тебе.

Они пожали друг другу руки, а затем он перецеловал все ее пальцы.

— Ровно две недели.

И если все пойдет согласно его поспешно придуманному плану, то тогда она освободится. А какой же награды удостоится он? Сомнений нет: его приз — женитьба на леди Розамунде Дэвис.

Роуз не дошла и до половины лестницы, спускаясь вниз к завтраку, как ее отец выглянул из своего кабинета.

— А-а, вот и ты, — суровым тоном сказал он. — Зайди ко мне. Сейчас же!

Расправив плечи, Роуз спустилась с лестницы и вслед за ним вошла в его кабинет, где находились бухгалтерские книги, газеты и справочники. Их противостояние теперь волновало ее меньше, чем если бы это произошло два дня назад. У нее появилась возможность тщательнее обдумать свои поступки и их возможные последствия. Хотя раньше она старалась как могла выполнять все желания отца, даже зная, что это не приведет ни к чему хорошему для нее.

— Я хотела извиниться за то, что не была вчера на суаре, — сказала она, решив затронуть эту тему прежде, чем он начнет отчитывать ее за это, — должно быть, я что-то съела. Всю ночь меня тошнило.

Он сел за стол.

— В прошлом году мой доход от обоих имений составил семь тысяч фунтов, — без всяких предисловий начал он. — Расходы, включая налоги, жалованье слугам, обучение в Оксфорде Джеймса и еду, кроме всего прочего, составили шесть с половиной тысяч.

— Папа, я...

— Все очень просто, — продолжал он, повышая голос, пока она не замолчала. — Я не могу отдать лорду Косгроуву десять тысяч фунтов. Поскольку у него есть расписки Джеймса, доказывающие, что мой сын должен ему эту сумму, я оказываюсь в его власти. Он предложил мне способ избежать оплаты этого долга. Я принял его условия. Ты меня понимаешь?

Она смотрела на него. Ее первым порывом было сказать ему, что, конечно, она понимает его: долг — штука нешуточная. Но ее растущее... возмущение тем, что вся ответственность теперь ложится на ее плечи, в то время как она уже сделала для семьи больше, чем кто-либо другой, остановило ее.

— Я понимаю, что Джеймс поставил вас в затруднительное положение, — согласилась она, помолчав. — Но еще я понимаю, что отдать меня Косгроуву для вас простейший способ исправить положение.

— Простейший? — повторил он, хмуря брови.

— У вас, папа, много богатых друзей. Мне следовало бы подумать об этом раньше, но сейчас я поняла, что вам легче потерять меня, чем поколебать вашу гордость. — Роуз перевела дыхание. — Если бы у вас действительно не было другого выхода, думаю, я стала бы более уступчивой. Раз уж вы представили мне ваши факты и цифры, я представлю вам мои. Вчера Косгроув ударил меня по лицу из-за того, что я не хотела сменить платье. Я думала, что брак с ним мог бы дать мне возможность как-то сдерживать его в будущем. Но, познакомившись с маркизом, я чувствую: более вероятно, что мои отношения с ним дадут ему власть как над Джеймсом, так и над всей нашей семьей. И каковыми бы ни были ваши аланы, я еще не приняла решения. Он вздохнул:

— Сколько джентльменов сделали тебе предложение выйти за них замуж, Роуз? Кроме Косгроува, конечно.

Она заколебалась. Не могла же она упомянуть то, которое получила в своей спальне прошлой ночью.

— Два. Я не чувствовала, что хотя бы один из претендентов мне подходит. — Им обоим, правда, недоставало здравого смысла. Как, впрочем, и членам ее собственной семьи.

— В таком случае давай-ка сама устраивай свою жизнь, моя дорогая. Если бы ты вышла

замуж, я мог бы найти общий язык с Косгроувом, поладить с ним. Ты напрасно намекаешь на так называемых богатых друзей, готовых одолжить мне такую непомерную сумму. Да если бы даже они и нашлись, мы с твоей матерью, выплатив долг, можем остаться без средств к существованию. Но ты предпочитаешь не выходить замуж. Честно говоря, с каждым годом ты становишься старше и обходишься мне все дороже.

О, ей давным-давно следовало бежать отсюда. Ее недооценивали, хотя она так много трудилась, — и об этом она всегда знала, но услышать от отца такие обидные слова было все равно что получить рану в сердце. Даже брак с таким тупицей, как Томас Хенкенридж, был бы намного лучше. В этом смысле она сама была виновата. Но не все еще потеряно: у нее оставалось тринадцать дней, в течение которых Брэм что-то предпримет, и еще парадней на случай возможного побега, если ему ничего не удастся сделать.

— Я думаю, что мы поняли друг друга, — сказала она, вздернув подбородок. — Это все? Давай пока считать, что этот брак состоится. И окажется лучше, если он будет выглядеть как результат взаимной симпатии.

— Я буду иметь это в виду.

Сжав руки в кулаки, Роуз тихо вошла в комнату, где они завтракали, увидела брата, который накладывал на свою тарелку толстые ломти ветчины, и так же тихо вышла. Все выглядело так, будто ее вклад в благополучие семьи был меньше, чем вклад Джеймса. Она очень сомневалась, что ее отец потратил на ее содержание десять тысяч фунтов.

Роуз слышала, как кто-то постучал во входную дверь и Элбон торопливо прошел мимо нее в холл. Она повернулась, чтобы посмотреть, кто пришел, готовая взбежать наверх, если окажется, что это Косгроув. Не лучше ли принять его с притворным радушием? Но нет, нет, она была явно не готова к встрече с ним в это утро после того, как он ударил ее.

Силуэт в дверях принадлежал человеку худощавее и выше Косгроува, и у нее сильнее забилося сердце. Этим утром она временами думала, что ночное посещение Брэма ей, вероятно, приснилось, ибо разумнее было бы думать, что она доверилась придуманному Брэму Джонсу, а не настоящему.

Сказав несколько слов дворецкому, он вошел в холл. Посмотрев вверх, гость увидел ее.

— Доброе утро, леди Розамунда, — поклонился он. Улыбка, игравшая на его губах, казалось, светилась даже в его черных глазах. Придя в себя, Розамунда сделала реверанс.

— Лорд Брэм, я не думала, что вы отважитесь приехать так рано.

— Я люблю делать сюрпризы, — ответил он, остановившись перед ней. — Лестер сказал мне вчера, что вы заболели. Надеюсь, ничего серьезного? Успокойте меня скорее.

— Мне намного лучше. Благодарю вас. Брэм склонился к ней.

— Тебе действительно лучше? — шепнул он, беря ее руку.

Роуз кивнула.

— На следующие тринадцать дней, — так же тихо ответила она.

— Гм... — Он выпрямился, отпуская ее руку. — Ваш брат здесь?

— Он завтракает.

— А-а... Проводите меня, миледи. Я редко завтракаю по утрам.

Улыбаясь, Роуз подала ему руку и внимательно посмотрела в глаза.

— Сегодня вы в синем? Ваш слуга, должно быть, удивился.

— Вы и представить себе не можете, до какой степени. Сегодня утром у него чуть глаза не вылезли на лоб. Но вы были правы, я носил слишком много черного. И выглядел как счетовод. Или даже хуже — как поверенный.

Он считал себя ее союзником, и когда появился, она почувствовала, что ей не придется пережить оставшиеся дни в полном одиночестве. Он уделял ей время и внимание, что, конечно,

еще не делало его ангелом. Да он совсем и непоходил на него. Но он предложил ей свою помощь. Надо быть настороже, ибо пока не совсем ясно, в чем она выразится. Но слабый огонек надежды затеплился в ее сердце.

— Привет, Лестер, — сказал Брэм, протягивая ее брату руку.

— О, Брэм! Что привело вас сюда?

— Да вот решил тебя повидать. Я еду в «Таттерсоллз». Хочешь поехать со мной?

Джеймс задумался.

— Вообще-то я иду на ленч с Кингом и его приятелями.

— Так иди, если хочешь. — Брэм пожал плечами. — Насколько я их знаю, они будут слишком увлечены, доказывая всем, какие они умные. А тебя, скорее всего, даже не заметят.

— Я...

— Поедем на конный рынок. Ты разбираешься в лошадях, а мне как раз нужна ездовая пара. Уедешь, когда захочешь, или останешься. Я могу пробыть там целый день.

Наконец Джеймс улыбнулся:

— Подождите, я сменю сапоги.

— Я пока съем твой завтрак.

Как только ее брат вышел из комнаты, Роуз сказала Брэму:

— Думаешь, родители поверили, что ты пришел ради Джеймса?

— Не знаю. Приходится хитрить. А там видно будет.

— Гм... Что ты задумал?

— Взять твоего брата в «Таттерсоллз», — ответил он, приподняв бровь. — Хочешь поехать с нами?

— Почему ты не будешь на ленче у Косгроува?

— Потому что меня не пригласили. Она помолчала.

— Значит, ты действительно порвал с ним?

— Я уже сказал. — Он чуть придвинулся к ней. — Возможно, тебе лучше поехать с нами. Косгроув, возможно, захочет, что бы ты к ним присоединилась, а это может тебе не понравиться.

Она не могла сдержать дрожи, пробежавшей по ее спине.

— А что происходит на этих ленчах?

Брэм поднял руку. Он осторожно провел пальцем по ее щеке, как будто не мог сдержаться и не коснуться ее, и перевел взгляд на ее губы. Она не думала, что в присутствии двух лакеев и дворецкого он поцелует ее, но, во всяком случае, ей хотелось, чтобы он это сделал.

— Все раздеваются донага, — тихо заговорил он, не спуская глаз с ее лица. — Пьют, валяются в одной куче друг с другом. Довольно противное зрелище.

И если бы она вышла замуж за Косгроува, без сомнения, тот захотел бы, чтобы и она принимала в этом участие. Он говорил ужасные слова, но то, как он это произносил — с таким пренебрежением, как будто все это его никогда не касалось, — рассеяло ее страхи. Делал ли он это намеренно? Хотел заслужить ее похвалу?

— А ты бывал на таких ленчах? — спросила она. Он опустил руку.

— Иногда, — тихо сказал он. — Обычно я предпочитаю развлекаться в уединении.

Его развлечения... Она полагала, что была одним из них. Даже зная это, она еще сильнее захотела поехать с ним и посмотреть лошадей, а оставаясь дома, рисковала получить от Косгроува приглашение.

— Спасибо, что сказал мне, — заметила она. — Пойду надену что-нибудь подходящее для посещения конного аукциона.

— Рад слышать! — Его лицо осветилось улыбкой. Пока она говорила, Элбон придвинулся к

двери.

О Боже! Если слуга сообщит ее отцу, куда она собирается поехать, тот может запретить ей выходить из дома. Но прежде чем она сделала шаг, Брэм встал между дворецким и холлом:

— Элбон, если не ошибаюсь? Мне нужно послать записку к себе домой. Пожалуйста, покажи мне, где я найду перо и бумагу.

Снова улыбнувшись, Роуз покинула комнату. Имея такого сообразительного и хитроумного союзника в лице Брэма Джонса, она получала определенное преимущество. Даже если не считать его умения целовать и совершать другие, более интимные поступки.

Спустя пару часов она стояла на нижней перекладине ограждения выставочной площадки, и Брэм поддерживал ее за локоть, чтобы она не упала. Красивый гнедой жеребец на длинной корде резво пробежал по кругу, в то время как в нескольких ярдах от них взволнованный толстяк все время что-то кричал, вызывая ответ противников, составлявших вторую половину толпы.

— Кто это? — шепотом спросила она, указывая на стоявшего неподалеку от них участника торгов.

— Френсис Хеннинг, — ответил он со скрытой усмешкой. — Бедняга! Это его лошадь.

Роуз спустилась пониже, словно не замечая, что он не убрал свою руку.

— И что же?

— Он проиграл ее на прошлой неделе. А теперь пытается вернуть, пока его бабушка не приехала в город и не выяснила, что он играет.

— Тогда ему не следовало делать этого, — заметил Джеймс, стоявший в стороне от Брэма.

— Ему не следовало играть, если нельзя было проигрывать! — резко заявил Брэм. — Игра — это всего лишь развлечение. Кто играет с другой целью, просто дурак.

Роуз перевела взгляд на брата. Судя по выражению его лица, он слышал и понял замечание Брэма. Но, несмотря на попытку Брэма отправить Джеймса на ленч с Косгроувом, чтобы остаться наедине с ней, она подумала, что услышать некоторые рассуждения старшего друга для ее брата полезно.

— Я кое-чего не понимаю, — пожаловался Джеймс. — Вы почти все время выигрываете, но я видел, как однажды все-таки проиграли.

— Верно. — Брэм достал из внутреннего кармана своего синего сюртука пачку, в которой на вид было около пятидесяти фунтов. — Вот на эту сумму я рискну сейчас играть. Если проиграю, мой вечер закончится.

— А если в следующей партии можно отыграться? Вздохнув, Брэм спрятал деньги.

— Пока я могу позволить себе расстаться с ними, мне их не слишком жалко. Если я займу еще денег и проиграю, то мне придется обращаться к герцогу за деньгами. Я, разумеется, никогда не сделаю этого. Он скорее увидит меня в кандалах, чем потратит на меня лишнее пенни.

— Значит, у вас нет выбора, когда у вас кончатся деньги? Я бы...

— Ты не понял. Если проиграешь лишнее, то останешься кому-то должен. И тогда ты утратишь свою свободу или свободу того, кого ты любишь. — Он взглянул на Роуз. — А если Косгроув скажет, что единственный способ погасить твой долг — это застрелить графа Минстера? Они далеко не друзья.

Побледнев и трясая головой, Джеймс отшатнулся.

— Он не попросит сделать такое... Кинг — мой...

— Он твой друг. И останется им, пока ты, Джеймс, не откажешься сделать то, чего он требует. Уж поверь мне. Я был на твоём месте.

— Но вы с Косгроувом были друзьями... совсем недавно, — заметила Роуз, не зная, следует

ли ей вмешиваться в этот урок, но любопытство не позволяло ей молчать.

Черные глаза Брэма оценивающе смотрели на нее.

— Я делал то, что он просил.

У Джеймса перехватило дыхание.

— Но вы ведь никого никогда не убивали.

— В действительности я убил несколько человек, но тогда я носил военную форму. Нет, его просьбы были намного проще. Кольцо с рубином, которое он носит на указательном пальце левой руки, — ты его помнишь?

Роуз кивнула, поскольку ей показалось, что он обращается к ней. Она вспомнила это изумительное украшение.

— Отец подарил его мне на мой шестнадцатый день рождения. Оно хранилось в семье Джонсов пять поколений. Но я был должен Косгроуву три тысячи фунтов, и мне было нечем отдать долг.

Кольцо скорее всего не стоило таких денег, но явно не это интересовало маркиза.

— Что сделал его светлость, когда узнал об этом? — спросила она.

Его лицо стало суровым.

— Я не хочу об этом говорить.

О Господи! Неужели это кольцо было причиной напряженных отношений между отцом и сыном? Это объясняло многое, но почему Брэм решил порвать отношения с Косгроувом именно сейчас? Роуз всматривалась в его четкий профиль, когда он повернулся и наблюдал за торгами. Кольцо не разрушило их дружбу, но не сделала ли это она?

Это казалось очень существенным. Все, что произошло в последние дни, заставило Роуз заново пересмотреть все, что она знала о Брэме. Она не могла представить, что он мог быть таким же доверчивым, как Джеймс. Как и не могла поверить, что мужчина, которого она сейчас знала, мог оказаться в положении, когда ему приходилось поступать вопреки собственной воле. Должно быть, он получил жестокий урок, но он явно пошел ему на пользу. Увы, совсем не так получилось с ее братом.

Постепенно у нее теплело на сердце, и эта теплота разливалась по всему ее телу. Кем бы ни был этот мужчина, становилось все яснее, что он не двойник — ни по характеру, ни по поведению — Кингстона Гора. А кем он мог стать, начинало очень и очень интересоваться ее.

Он стоял, делая вид, что следит за аукционом, и невольно задавал себе вопрос, не слишком ли много поведал о себе. Сегодня он надеялся удержать Лестера от игры и не собирался рассказывать ему сказки об ошибках своей юности. Хорошо, что он не упомянул о том, какую пользу принесла ему утрата кольца; герцог решительно и ясно высказал все, что он думал о своем втором сыне. Это был и в самом деле хороший урок.

Теплая рука коснулась его плеча, и он замер.

— Ты уже говорил, что Косгроув жестоко поступал с друзьями. Как это было? — спросила Розамунда.

Ему не хотелось отвечать: ей ни к чему было слушать еще одну историю о том, каким чудовищем являлся Косгроув. Но Лестер все еще слушал его, и если Розамунда хотела излечить своего брата от игромании, он постарается позаботиться об этом.

— Вы знаете Джона Истерлинга?

Оба отпрыска Дэвисов покачали головами.

— Он был старшим сыном виконта Хэммонда.

— Был? — удивленно спросила Розамунда. Брэм кивнул.

— Года четыре назад, когда я еще находился в Испании, Косгроув подружился с Истерлингом, и дело закончилось расписками юноши на сумму долга почти тридцать тысяч

фунтов. Узнав об этом, Хэммонд лишил его наследства, и через пару дней Истерлинг застрелился, вставив в рот пистолет.

— Если вас здесь не было, — спросил, побледнев, Лестер, — то как вы об этом узнали?

— Мой брат дружил с Истерлингом. Он мне и сообщил об этой истории. Я не могу сейчас проверить, но, очевидно, узнав о его смерти, Косгроув сказал, что чертовски сожалеет об этом, потому что рассчитывал еще несколько лет позабавиться с ним.

— Меня сейчас стошнит, — сказал Лестер, и Брэм показал ему, где тот мог бы уединиться.

— Ты придумал этот конец, не так ли? — шепотом спросила Розамунда, не замечая или не придавая значения тому, что, опираясь на его руку, она начала привлекать внимание нескольких присутствующих мужчин и женщин.

— Да, но, принимая во внимание, что Кинг еще покажет свою волчью сущность, я счел это вполне своевременным.

— Ты прав. — Она искоса взглянула на него. — А правда, что ты на самом деле бросаешь игру, когда деньги на исходе? Не поддаешься азарту?

— Мои карманы редко пустуют, но да, бросаю. Я не люблю быть у кого-либо в долгу. Никогда. Паршивое состояние.

Он подумал, не слишком ли резко говорит, но Розамунда только вздохнула:

— Хотела бы я, чтобы и Джеймс поступал так же.

— Ты не выйдешь за Косгроува! — неожиданно даже для самого себя прорычал он, как разъяренный бык. Уж очень ему не хотелось, чтобы она смеялась и заявляла, что больше не нуждается в его помощи. В то время как он впервые в жизни искренне и бескорыстно ее предлагал.

Она крепче сжала его руку.

— Я не собираюсь выходить за него замуж. Хватит с меня открытий. Но чем больше ужасных подробностей ты мне рассказываешь о Косгроуве, тем сильнее меня удивляет, что все это он, оказывается, предвидел. И развитие событий стало его беспокоить. Но он должен понимать, во что ввязался. Просто он еще не встречал достойного соперника. Так я понимаю?

— А сейчас уже я оскорблен, — заявил он. — Если я в чем-то и преуспел, так это в умении предвидеть надвигающуюся беду. Маркиз отнюдь не прозорливее меня.

— Брэм Джонс, ты хвастун!

Брэм напрягся, интуитивно становясь между Розамундой и женщиной с громким голосом. Обернувшись на крик, он увидел, как толпа на южной стороне площадки заволновалась и раздвинулась, давая дорогу паре высоких, стройных мужчин, которые направлялись в его сторону. Он мгновенно расслабился, разжимая кулаки. Слава Люциферу! Другие люди назвали бы это бедой, но он видел в этом провидение.

— Салливан Уоринг, — сказал он, выступая навстречу, — какого черта ты здесь делаешь?

— Я слышал, тучи сгущаются? — Салливан Уоринг, внебрачный сын маркиза Данстона, улыбнулся и пожал ему руку. — Я не хотел пропустить самое главное.

Брэм перевел взгляд на Фиона Бромли, судя по его виду, весьма довольного собой.

— Ты посылал за ним?

— Понятия не имею, о чем ты говоришь. — Посмотрев на Роуз, он кивнул: — Леди Роуз. Добрый день.

Выругавшись себе под нос, Брэм повернулся к Розамунде:

— Дорогая, вы уже знаете Фиона. А это мой очень близкий друг, Салливан Уоринг, лучший коннозаводчик в Англии. Салли, это леди Розамунда Дэвис.

Салливан поклонился.

— Леди Розамунда, вы здесь только с Брэмом? Проклятый любопытный ворчун даже

позволил себе нахмуриться. Брэм, который был не очень-то рад видеть неожиданно появившегося друга, заставил себя улыбнуться:

— Где-то здесь ее брат. Кажется, вон за тем зданием. Зачем-то залез в кусты...

— А вы принимаете участие в аукционах, мистер Уоринг? — спросила Розамунда.

— Нет. Обычно нанимаю кого-нибудь перегнать моих лошадей в Лондон. А здесь я с визитом.

Эти зеленые глаза, холодные, но с чуть заметной смешинкой, каштановые с золотистым оттенком волосы могли сделать прекрасной любую девушку. Брэм сильно сжал руку Розамунды.

— А что, Изабель все еще в Эмберглене? Вы ведь знаете, дорогая, Изабель ждет своего первенца.

— Мои поздравления, мистер Уоринг.

— Спасибо, но Тибби все-таки настояла и приехала со мной. Мы остановились в Бромли-Хаусе. — Говоря это, Салливан повернулся к Брэму. — Да что это, черт побери, на тебе надето? Тебя просто не узнать.

— Неужели человек не может хотя бы чуть-чуть изменить свои привычки, чтобы при этом не сдвинулись материка?

— Очевидно, не может, — сухо вставил Фин.

— Вот это да! — воскликнул лорд Лестер, подходя к ним. — Вы — Салливан Уоринг! — Он схватил руку Салливана и крепко пожал ее. — У Брэма есть одна из ваших лошадей. Превосходный жеребец — Титан.

— Да, один из лучших, — сказал Салливан, подняв бровь.

— Салли, это брат Розамунды, лорд Лестер.

— О, значит, вас больше не тошнит?

Лестер покраснел.

— Это не моя вина. Достаточно послушать рассказы Брэма о Косгроуве, так любому станет дурно. — Он смущенно усмехнулся. — А Брэму нравятся такие ужасы.

Ему нужна была поддержка друзей, но что ему было совершенно необходимо, так это минута наедине с Салливаном.

— Джеймс, Розамунда, не желаете ли показать Фину ту пару лошадей, которая мне понравилась?

Розамунда отошла от него и взяла брата за руку.

— Конечно. Сюда, мистер Бромли. Тут есть на что посмотреть.

Когда они уже не могли его услышать, Брэм обнял Салливана за плечи:

— Рад тебя видеть, сукин ты сын!

— Я тоже.

— Изабель... Тибби... здорова?

— Все хорошо, в чем ты бы убедился, хоть изредка навещая нас.

— Понимаю. Просто от твоего семейного счастья у меня ломит зубы.

— Посещай дантиста.

Оглянувшись, Брэм повел его к проходу сквозь плотную толпу.

— Фин ругал меня?

— А чего ты ожидал после того, как вломился среди ночи к нему в спальню и тебе чуть не оторвали голову?

— Я немного перебрал тогда.

— Гм... А какое отношение имеет Косгроув к этой девушке и ее семье?

Салливан никогда не ходил вокруг да около, когда можно было сразу перейти к делу. Из-за

этого он не раз попадал в затруднительное положение, но Брэм всегда ценил его прямо. Его друг во многом напоминал Розамунду. Стараясь говорить тише, чтобы его не услышали окружающие, Брэм, насколько смог коротко, поведал Салливану о дружбе Косгроува с Лестером, о долге в десять тысяч фунтов и о том, каким образом маркиз хотел получить его. Он только скрыл свое участие и отвергнутое Розамундой предложение. Когда он закончил, его друг уже не смотрел на него с усмешкой.

— А еще говорят, что я не разбираюсь в людях, — проворчал он. — Я никогда не понимал, почему ты продолжал называть эту грязную свинью своим другом, Брэм. Хоть со зрением у тебя все в порядке?

— Больше не называю, — покраснел Брэм. Салливан посмотрел на него:

— Правда?

Пожав плечами, Брэм мыском высокого сапога отшвырнул камешек.

— Не было бы смысла рассказывать тебе эту историю, если бы я не собирался кое-что предпринять.

— Часто в твоих поступках трудно разглядеть смысл.

— Довольно справедливо. — А как он мог признаться, что неожиданно решил стать героем, ни разу в жизни не совершив ничего подобного, и, похоже, уже все только испортил? — Я хорошо знаю, что представляет собой Кинг, — продолжал Брэм. — Розамунда действительно хорошая девушка. Маркиз может и дальше питаться отбросами общества, но я не позволю ему получить ее — чистую и наивную.

Салливан как будто хотел услышать что-то еще, но только кивнул:

— Чем я могу помочь?

Чем? Брэм сам не раз предлагал друзьям помощь, даже были случаи, когда он в некотором роде спас жизни Салли и Фину. Но просить помощи — это пахло долгом и обязательствами.

— Думаю, что пока владею ситуацией, но в случае чего дам вам знать. Конечно, я не стану возражать, если ты задержишься в городе на какое-то время.

— Достаточно разумно. У Тибби остается еще несколько недель, чтобы решить, где она будет рожать. Я надеюсь, что это будет Корнуолл, где живет ее семья, потому что я волнуюсь, как все пройдет. — Салливан перевел дыхание. — И о чем ты думаешь, приезжая в «Таттерсоллз», когда здесь не показывают моих лошадей?

— Я здесь не потому, что хочу что-либо купить, — возразил Брэм, с радостью меняя тему разговора. — Косгроув устроил сегодня одну из своих оргий, и я пытаюсь не пускать туда Лестера.

— Еще несколько подобных добрых дел, и мне не придется больше называть тебя негодяем.

— И думать не смей.

Когда они с Джеймсом и Финном Бромли подошли к мужчинам около площадки, где проводился аукцион, Роуз не могла оторвать глаз от Брэма. И не только потому, что он невероятно хорошо смотрелся в своем темно-синем сюртуке с серым жилетом и черными панталонами, а главным образом потому, что он, казалось, притягивал к себе внимание всех окружающих, как мужчин, так и женщин. Она никогда не бывала в центре внимания, но, судя по тому, как он вел себя в данной ситуации, было видно, что ему это очень приятно.

Взгляд его потрясающих черных глаз встретился с ее взглядом, и горячая волна снова пробежала по ее телу. Почему Брэм Джонс, мужчина, соблазвивший и, очевидно, бросивший несчетное количество красивых, сексуальных женщин, так заинтересовался ею, она не могла объяснить. Но появилось сознание своей власти над человеком, которого так желали другие женщины. Даже если эта власть длилась всего несколько дней. К тому же он взял на себя роль наставника ее брата и защитника ее самой.

— А что, если нам позвать Изабель и Элайзу и устроить пикник в Гайд-парке? — предложил Салливан, на секунду задержав взгляд на Роуз. В отличие от Косгроува в его взгляде не было ничего хищного или угрожающего, он как будто пытался разгадать загадку. Хотелось бы ей знать, что ему рассказал Брэм.

— Отлично! — воскликнул Джеймс, явно польщенный тем, что его включили в общество мужчин, которых он еще недавно с восхищением называл «пресловутые джентльмены» и так назойливо повторял эти слова, что Розамунде иногда хотелось швырнуть в него чем-то тяжелым.

Начиная жалеть, что перед приездом ее семьи на первый лондонский сезон Джеймса она уделяла мало внимания страницам светской хроники и сплетням, приносимым братом, Роуз кивнула в знак согласия. Она была рада любому поводу, лишь бы им с Джеймсом не встречаться в этот день с Косгроувом.

— Мы купим еду для ленча и встретимся с вами в центре парка на левом берегу Серпентайна, — сказал Брэм, предлагая ей руку.

Она взяла ее. Даже если он не сознавал, что такое подчеркнутое внимание, проявляемое на публике, может испортить ей репутацию, она со своей стороны была рада этому. В данный момент она была рада всему, что могло бы помешать Косгроуву закабалить ее. Кроме этого, Брэм уже немало потрудился, чтобы испортить ее репутацию.

— Почему это вы улыбаетесь? — тихо спросил он, когда они с Джеймсом проходили мимо другого аукциона, направляясь к его карете.

— Я просто радуюсь сегодняшнему утру, — ответила она. Не могла же она признаться, что вспоминала, как извивалась в постели под тяжестью его обнаженного тела.

— Я тоже. Как странно, не правда ли?

— Да? Мне начинает казаться, что добрые дела идут вам на пользу.

Брэм покачал головой, прядь черных волос упала на лоб, закрыв уголок глаза.

— Болтовня с кем-нибудь, у кого есть хоть какие-то мозги, вполне устраивает меня. Но я участвую в игре, исход которой непредсказуем.

Ей показалось, что Брэм явно скромничает. У него, по всей вероятности, уже возник какой-то план, и он приступил к его осуществлению. Последующие три часа еще больше убедили ее в этом. Он купил великолепных продуктов для ленча, ничего вкуснее она уже давно не пробовала. Совсем непохожий на нераскаявшегося, неисправимого распутника, Брэм был весел, добр и внимателен не только к ней, но и к женам двух его близких друзей.

Все это смущало ее. Кто же был настоящим Брэмуэллом Лаури Джонсом — черноволосый циник или утомленный жизнью, но добросердечный человек? И почему это имело какое-то значение, раз уж он продолжает помогать ей?

— Что вы на меня так смотрите? — усмехнулся сидевший напротив нее Брэм, когда они подъехали к Дэвис-Хаусу.

Роуз спохватилась:

— В самом деле?

— Да. Вы почти заставили меня покраснеть. Сидевший рядом с ней Джеймс фыркнул:

— Я еще не видел, чтобы что-то заставило вас покраснеть, Брэм.

— Это бывает из-за чрезмерной жары, — объяснил Брэм, не спуская с нее взгляда. — Не сомневаюсь, что заинтриговал вас, но могу я спросить — чем? Конечно, если только не найдется слишком много причин.

— Слушая ваши разговоры с друзьями, я прикинула, осталась ли хоть одна из десяти заповедей, которую вы не нарушили.

— Номер девять, — не задумываясь, ответил он.

— О, неужели?

— Абсолютно точно. И вполне возможно, номер два. По крайней мере я не помню, чтобы ваял какие-нибудь статуи. Хотя, конечно, я мог быть пьян в то время.

— Создавать статуи — не грех, грех — поклоняться идолу, — вмешался Джеймс. — Но что это за девятая заповедь? Я их иногда путаю.

— Лжесвидетельствовать на своего соседа, — усмехнулась Роуз. — Вы не производите впечатления лгуна, Брэм, поэтому не могу вам поверить.

Он наклонил голову:

— Спасибо. Но за мной все равно тянется хвост нарушенных заповедей и смертных грехов.

— Так что же с номером восемь? — спросила она.

— Это о субботнем дне? — спросил ее брат.

— Эта о воровстве.

Брэм все еще смотрел на нее, но ничего не говорил. Выражение его глаз так заинтересовало ее, что ей страшно захотелось узнать, что он украл, если действительно был способен на это. И в то же время ей так же сильно хотелось ничего об этом не знать. Ей и так было о чем беспокоиться.

— Могу поспорить, он украл девственность у десятков девиц! — засмеялся Джеймс.

Неужели? Она надеялась, что это неправда. Если он соблазнял наивных молодых леди почти каждую ночь, тогда то, что он сделал для нее и с ней... выглядело менее значимым. А ей не хотелось так думать.

— Джеймс, нельзя украсть то, что тебе отдают по доброй воле, — сказал он. — Но не сомневайтесь, не в моих привычках спать с девственницами. Я не люблю разбивать сердца, а у них они слишком хрупкие. — Он, наконец, отвел глаза и стал смотреть в окошко. — По большей части.

Она не знала, принять это как оскорбление или как комплимент. И, сидя рядом с Джеймсом, не могла спросить его. Принимая во внимание, что он сделал ей предложение, а она отказала ему, лучше было не трогать эту тему.

Но оставалось что-то, о чем она очень хотела сказать ему, независимо оттого, чем кончится эта история.

— Вы называете Бромли и Уоринга с их семьями вашими друзьями, — сказала она.

Он кивнул:

— Так оно и есть. Я убедился, что благоразумно иметь нескольких близких друзей, на которых можно положиться, чем иметь много таких, кому не могу доверять.

— Я хотела сказать, что... считаю вас моим другом. Брэм широко улыбнулся:

— И я уже решил включить вас в их число, Розамунда.

Роуз ответила улыбкой.

— Я очень рада, — произнесла она, немного успокоившись. — Дружить с мужчиной очень приятно.

— Значит, все складывается к лучшему. — Он помолчал. — Так получилось, что у меня есть ложа в театре «Друри-Лейн», — сказал он спустя некоторое время. — Я не уверен, что вас заинтересует последняя постановка шекспировского «Сна в летнюю ночь», которую дают в четверг вечером.

Роуз не представляла, как вечер в театре может помочь ей вырваться из когтей Косгроува, но даже при этом несколько часов, проведенных в обществе Брэма, выглядели заманчивым искушением. Но не было ли грехом быть таким чертовски привлекательным мужчиной? Ведь ему практически невозможно отказать.

— Надо подумать...

— Это будет завтра вечером, — напомнил ее брат. — В «Иезавели» играют в фараон.

«Роуз, ты ошиблась. Приглашали Джеймса, а не тебя».

— Но, Джеймс, мне бы хотелось попасть в театр, — заявила она жалобным тоном. — Скажи, что пойдешь, тогда смогу и я.

— Ладно, так и быть! — Он погрозил пальцем Брэму. — Но, знаете, я собираюсь спросить Кинга, правдивы ли те сказки, которые вы мне рассказали.

Брэм поднял бровь.

— Я на это надеюсь. Никогда ничего не следует принимать на веру.

На этот раз она подумала, что он обращается к ней, но снова не была в этом уверена. Как бы то ни было, это был хороший совет, и она была намерена воспользоваться им. Особенно теперь, когда познакомилась с двумя дамами и их мужьями, и все они знали его лучше, чем она.

Карета остановилась, и Джеймс выпрыгнул, едва лакей успел опустить ступеньки. Роуз встала, но Брэм пересел на ее место, и она снова села рядом с ним.

Он медленно склонился к ней, вдыхая аромат ее волос. Роуз с трудом сдержала пробежавшую по ее телу дрожь.

— Что ты делаешь? — прошептала она.

— Ты моя единственная девственница, — так же шепотом ответил он. — Сознание этого возносит меня к небесам.

Она прижалась к нему. Та ночь снова обретала свою значимость.

— О, Брэм...

Он коснулся ее руки:

— Хочешь, я прямо сейчас поцелую тебя?

— Да, — выдохнула она.

Брэм взял ее руку и провел губами по внутренней стороне запястья.

— Хорошо, — тихо сказал он, и восхитительная улыбка засветилась на его губах. — Я заеду за тобой с Лестером завтра в семь вечера.

Вероятно, за это время ее сердце успеет наконец обрести свой обычный ритм.

Кингстон Гор бросил посыльному шиллинги, вызвав дворецкого, велел проводить его до дверей. Оставшись один в библиотеке, он снова опустился в глубокое кресло, стоявшее у камина. Значит, Салливан Уоринг приехал в город со своей беременной шлюхой. Единственной причиной, заставившей его сделать это, могла быть нужда Брэмуэлла в подкреплении.

Он приложился к бокалу с абсентом и наслаждался горько-сладким вкусом крепкого напитка, согревавшего его горло. Потом встал и вернулся в освещенную огнем камина гостиную, где оставалась последняя его гостья, принимавшая участие в ленче. Желанная приятная похоть пробудилась в нем, когда она приподнялась с пола и встала на четвереньки, выставляя перед ним округлые гладкие ягодицы и, оглядываясь через плечо, потихоньку наблюдая за ним.

— Надеюсь, у вас было важное дело, — сладким голоском сказала она, облизывая губы, когда он снял халат.

— Не такое, которое требовало бы моего присутствия, Миранда, — ответил он, становясь на колени позади леди Экли и грубо входя в нее. — Нам надо кое-что обсудить, — проворчал он, продолжая свое занятие.

Так... У Брэмуэлла появились союзники. Он без них тоже не обойдется.

Брэм расхаживал по своей библиотеке в Лаури-Хаусе. Это была самая любимая комната его отца, поэтому Брэм отправил половину книг на чердак, объявив, что сжег их. И заменил книгами по эротике в живописи и скульптуре, большая часть которых была привезена из Индии и стран Востока. Герцога чуть не хватил апоплексический удар в тот последний раз, когда он посетил этот дом, стоивший ему немислимых трудов и расходов, затраченных на него.

Брэм остановился перед старинной акварелью, на которой были изображены мужчина и женщина в позе, которую Шекспир называл «животным с двумя спинами», и нахмурился. Для чего, черт побери, все это было нужно? Конечно же, он никогда не будет принимать Розамунду в этой комнате. Кроме показной непристойности, эта экспозиция свидетельствовала о незрелости и неразвитости ума. Бессмысленное изображение извивающихся и совокупляющихся тел. Он не хотел, чтобы она увидела такое изображение секса, без сомнения, волновавшее Косгроува. Да он и сам еще недавно не без любопытства разглядывал эту «живопись».

Он остановился, размышляя, сможет ли когда-нибудь Розамунда увидеть его библиотеку, затем подошел к двери и распахнул ее.

— Хиббл!

Дворецкий поспешно поднялся по лестнице.

— Да, милорд?

— Принеси сюда несколько ящичков и пришли пару лакеев.

— Вы собираетесь убрать и остальные книги?

Не послышалось ли ему неодобрение в голосе проклятого дворецкого? Обычно ему нравилась пуританская сдержанность Хиббла, но только в тех случаях, когда он преднамеренно вызывал его недовольство.

— Я верну сюда книги с чердака. Ведь это все же библиотека, а не... музей человеческой похоти.

— Именно так, милорд. Я сейчас же распоряжусь, чтобы ящички вынесли вниз.

Не ожидая помощи, Брэм сбросил сюртук и начал складывать картины, рисунки и статуэтки на рабочий стол у стены. Одно время герцогу принадлежала великолепная статуэтка

бирманского бога плодородия, и Брэм каждый раз с раздражением смотрел на эту идиотскую фигурку, когда его вызывали в кабинет Левонзи на расправу. Вот до чего он дошел, окружив себя подобными вещами. Кому именно он хотел досадить?

— Господи, да ты становишься пуританином!

Брэм резко повернулся и увидел в дверях Салливана Уоринга.

— Кальвинистом, — поправил он, продолжая снимать вещи с полок.

— Еще хуже, — сказал, входя в комнату, Уоринг. — Я заехал узнать, где ты будешь сегодня вечером. Вот уж не ожидал застать тебя дома... украшающим комнату.

— Наоборот. Снимающим украшения.

— Я вижу. Почему?

— Потому что мне так хочется. Ты же знаешь, я всегда делаю то, что хочу.

Появились два лакея, которые волокли ящики с книгами. Хиббл не тратил время понапрасну.

— Поставьте их у окна и принесите остальные, — решил Брэм. — Мы сложим в пустые ящики всю эту дурацкую эротику.

Как только слуги вышли, Салливан подошел к нему:

— Не из простого любопытства, но скажи мне: почему ты убираешь все это?

— Мне нравится скульптура из Непала, а все остальное — к чертям.

Его друг взял маленькую фигурку девушки с осликом и поставил ее на стол.

— Для человека, который прислал мне полбиблиотеки эротических рисунков, это несколько... необычно. Если только ты не собираешься отправить все это к герцогу. Я угадал?

Брэм помолчал. Идея была неплохая. Это ужасно возмутит Левонзи, но и даст ему понять, что эти предметы убрали из библиотеки в Лаури-Хаусе.

— Нет. Они отправятся на чердак, а потом я распродам их.

— Почему?

— Они мне надоели.

— С каких это пор?

— Ты не умеешь быть любопытным, Салливан. Я просто решил поменять обстановку. В этом нет ничего особенного.

Салливан поставил на стол еще одну статуэтку.

— Почему бы нам не сесть и не выпить бренди? — предложил он.

Брэм подошел к двери одновременно с одним из лакеев.

— Я занят, — коротко сказал он, не зная, как избавиться от ощущения беспокойства, пронизывающего даже его кожу. Оно было неприятно и не давало ему покоя. — Я не собираюсь выкладывать тебе все, что у меня на сердце, ибо мы оба знаем, что у меня его нет.

— Разве? Но мне кажется, его сумела отыскать леди Розамунда Дэвис?

Брэм на мгновение замер. Он думал, что ведет себя в этом деле разумно, но Салливан знал его лучше, чем другие. Опершись руками на стол, он наклонил голову.

— Она завладела мной, — прошептал он, не зная, услышал ли его Салливан. Его друг тяжело опустился в кресло.

— Не ожидал этого, — сказал Уоринг.

— Я тоже. — С тяжелым вздохом Брэм вытряхнул на пол содержимое ящика и начал бросать в него произведения непристойного искусства. — Если ты сделал женщине предложение, а она тебе отказала, то, я полагаю, правильной реакцией будет пойти по шлюхам, и пьянство сведет тебя в могилу. А я, кажется, занимаюсь уборкой. — Ответом ему было молчание, нарушаемое лишь стуком вещей, которые падали в ящик.

— Ты сделал ей предложение? — хриплым голосом спросил Салливан.

— Да. Но поскольку я не слишком преуспел с Косгроувом, то предложил или помочь выплатить семейный долг, или умыкнуть ее в безопасное место.

— Черт, я должен выпить.

— Я тоже.

Пока Салливан наливал им обоим виски, Брэм впустил в комнату лакеев с книгами и снова отослал их. Ему не хотелось сейчас вести никаких душевных разговоров, когда его душу охватило смятение, а мозг отказывался принимать разумное решение.

Салливан подал ему бокал и хотел усадить в кресло. Но Брэму не сиделось, он стал шагать по комнате, пытаясь собраться с мыслями, понять, что делать дальше. Единственное, что могло бы помочь, — это свидание с Розамундой, а он не мог каждую ночь врывать в ее спальню.

— Что ты собираешься предпринять?

— Изменить ее мнение обо мне.

— А если не удастся?

Удастся. В этом он был совершенно уверен.

— Тогда я отвезу ее куда-нибудь подальше на север и помогу найти работу, о чем она меня и просила.

— Ради Бога, Брэм! В любом случае ты переходишь дорогу Косгроуву. Ты подумал об этом?

— Конечно. Я даже предупредил его, чтобы он оставил ее в покое, что уже само по себе было объявлением войны. Он будет дураком, если попытается победить меня, встретившись лицом к лицу. Поэтому, полагаю, попробует сделать что-то исподтишка. — Брэм оглянулся. — Может, ты захочешь уехать и увезти жену домой, пока ничего не случилось? И предупреди Фина. Зачем вам втягиваться в мои проблемы?

— Значит, мы должны бросить тебя одного? Брэм пожал плечами:

— Я бы так и поступил.

— Черт меня побери, если сделал бы. — Салливан вздохнул. — Когда я получил записку Фина, я смекнул: это как-то связано с тобой и Черным Котом. Я уже подумывал, не сидишь ли ты в Олд-Бейли, и мне тогда придется ограбить чей-нибудь дом, чтобы убедить власти в твоей невиновности.

— Тебе следовало бы попытаться сделать что-то более оригинальное, — ответил Брэм, изображая улыбку. — Что-нибудь вроде Гая Фокса и взрывчатки.

— Они смогли бы похоронить то, что от нас всех осталось, хотя бы в маленьких гробах.

— Точно. — Помолчав, Брэм взглянул на друга: — Тебе никогда не нравился Косгроув, и я... был почти уверен, что вернусь обратно к нему, потому что вы с Финном заняты другими делами. Что бы он ни попытался сделать, это моя собственная вина, я влез уже по уши в эту историю. Я не хочу твоей помощи, Салливан, у тебя свои заботы.

— Правильно замечено. Так что же ты предпримешь? Я до сих пор не понял.

Нахмурившись, Брэм отодвинулся от стола.

— Послушай меня, дружище. Может, я сам не знаю, что делаю, но вы не участвуете в этом. Ни ты, ни Финеас. Так что до свидания. Возвращайся к своей жене, и подумайте с ней над именем ребенка. Я же вполне удовлетворен тем, как назвали меня.

— Я никогда не обременю дитя таким ужасным именем. — Явно недовольный, Салливан встал и подошел к двери. — Я некоторое время проведу в Лондоне, посмотрю город и, может, подготовлю одну или две лошади на продажу. Говорю это, чтобы ты просто знал.

— Ладно, перед твоим отъездом мы должны все вместе пообедать.

— Обязательно.

С этими словами Салливан вышел из дома. Брэм взял бокал с виски и допил.

Оставалось двенадцать дней до того, как Косгроув объявит о своей помолвке. Вероятно, следовало заняться чем-нибудь еще, кроме уборки. Но совершенно непонятно почему это тоже казалось ему важным. Возможно, если бы он расчистил хаос, каким была его жизнь, то смог бы сделать это и со своей головой. В то же время у него было ощущение, что этим он только освободит место для мыслей о Розамунде.

Проклятие! Схватив сюртук, он выбежал из комнаты в свой кабинет, достал небольшой мешочек из стола и направился вниз.

— Хиббл, проследи, чтобы к завтрашнему дню библиотека была готова, — распорядился он.

— Конечно, милорд. Вы вернетесь сегодня поздно?

— Думаю, что да. Ты найдешь меня в «Уайтсе» или «Морском клубе». Я готов нарушить еще одно правило.

— Очень хорошо, милорд.

Или в клуб, или он снова полезет к Розамунде через окно. Он ощупал лежавший в кармане кошелек. У него было пятьдесят фунтов, которые он показывал Лестеру, и еще триста, или около этого, которые он сохранил на хозяйство, пока герцог не решит выплатить деньги на его содержание. Десять тысяч фунтов слишком большая сумма, чтобы выиграть ее за один вечер, но он может положить начало. У него было несколько знакомых маркеров, которым он в свое время помог. Кто знает, что ему может понадобиться. В бою все средства хороши.

— Миледи, — объявил Элбон, войдя в гостиную, — к вам пришли.

Розамунда воткнула иголку в свое вышивание. Он, должно быть, обращался к ней, поскольку ее мать забрала свое шитье с собой наверх в гостиную. Значит, хотели видеть именно ее.

— Кто это? — спросила она.

Дворецкий протянул ей поднос с парой красивых тисненых визитных карточек, лежавших на полированной поверхности. Сдерживая дрожь, Роуз прочитала их и удивилась. Элайза Бромли и Изабель Уоринг. О Господи!

— Пожалуйста, проведи их сюда, — сказала она, торопливо откладывая в сторону вышивание. Ей хотелось поговорить с ними о Брэме, но казалось, что в последние дни способность связно и логично мыслить была полностью ею утрачена. А она по собственному опыту знала, что счастливые случаи редко повторяются, и не собиралась упустить его.

Она встала. В комнату вошли две дамы. Накануне на пикнике, устроенном Брэмом, она была слишком поглощена стараниями сдержать Джеймса и не позволять ему вести себя как разыгравшийся щенок, поэтому не смогла толком поговорить ни с одной из них. Если она чему-то и научилась у Брэма, так это пользоваться обстоятельствами. Роуз улыбнулась. С Элайзой, миниатюрной леди с карими глазами и волосами цвета осенней листвы, она встречалась и раньше. Изабель Уоринг была немного выше ростом, с темными блестящими пронизательными глазами и светлыми волнистыми волосами. Она уже говорила, что была на пятом месяце беременности, и это было заметно, несмотря на изящную фигуру, по ее округлившейся талии.

— Доброе утро, миссис Бромли, миссис Уоринг.

— Вас удивляет наш визит, — с приятной улыбкой сказала миссис Уоринг.

— Да, но я рада видеть вас.

— Прекрасно. Мы с Элайзой собираемся прогуляться по Бонд-стрит, я чувствую потребность поразмяться. Не хотите ли поехать с нами?

— Вам известны мои... обстоятельства, не так ли? Если они не знали, она должна решить, что именно собиралась рассказать им о Косгроуве. А если уже знали, все равно она не могла

еще считать их союзницами, но ей хотя бы не придется притворяться. На этот раз улыбнулась Элайза:

— Да, мы в курсе. Во всяком случае, немного наслышаны. И если позволите, я должна сказать: мы, все трое, хорошо знакомы с очень хитрыми мужчинами. Может быть, нам стоит обменяться впечатлениями.

Роуз почувствовала, что невольно улыбается.

— С удовольствием.

Для поездки на Бонд-стрит они взяли карету лорда Куэнса и, приехав туда, стали прогуливаться. Роуз узнала, что Элайза и Тибби, как она любила, чтобы ее называли, несмотря на то что были знакомы всего лишь около года, благодаря крепкой дружбе своих мужей тоже стали близкими подругами.

— Они ведь вместе служили в Испании, вместе с Брэмом, — заметила Роуз, когда они шли по улице.

— Да. Салливан и Брэм вступили в армию в одно и то же время и познакомились с Фином, когда оказались на службе в Первом полку королевских драгун, — ответила Элайза. — Фин прослужил десять лет, но остальные двое вернулись домой три года назад, когда Салливан получил ранение.

Роуз перевела дыхание. Она ожидала, что они смогут посоветовать ей, как избавиться от Костроува, но если они хотели поговорить о Брэме, она, конечно, не собиралась возражать. Бог знает, как она могла воспользоваться чьими-то впечатлениями. А что ей оставалось? Если она не могла поверить ни его слову, ни его решению, то чем скорее она придумает собственный план, тем лучше.

— Брэм не производит впечатления человека, готового вступить в армию, — заметила она.

Тибби сделала гримаску.

— Помню, я проводила сезон в Лондоне, — сказала она, — когда лорда Брэмуэлла вызвал на дуэль лорд Массенфилд. Брэм соблазнил жену Массенфилда, близкого друга герцога Левонзи. Его светлость приказал тогда Брэмуэлли покинуть страну, в противном случае обещал лишить его наследства.

— Я вспоминаю, мой отец говорил об этом, — закивала Элайза. — Заключались пари, уедет ли Брэм из страны и вступит в армию, или ему придется скрыться из-за того, что стрелял в Массенфилда. Он, очевидно, предпочел армию.

Когда они остановились полюбоваться шляпками в витрине магазина миссис Хармонд, Роуз подошла ближе, чтобы не говорить громко.

— А вы знаете, почему Брэм и его светлость не общаются друг с другом?

Обе дамы переглянулись.

— Вам лучше спросить об этом Брэма, — сказала Тибби. — Все, что я знаю, произошло, когда Брэм еще не поступил в университет, где он познакомился с Салливаном. Эти мужчины такие скрытные, иногда легче научить лошадей летать, чем заставить их рассказать друг о друге.

Потом минут сорок они болтали, гуляли и делали покупки. Элайза и Тибби нравились Роуз, и мысль, что она сможет приобрести новых друзей, когда собственная семья избегает ее, согревала ей сердце. Эти остроумные, образованные женщины были знакомы с Брэмом, и он нравился им. Значит, есть надежда на то, что она еще не совсем сошла с ума, что на Брэма можно полагаться в ее непростой ситуации.

— Мне приходилось сталкиваться с разными людьми, Роуз, — говорила Элайза. — Брэм Джонс порой оказывался по ту сторону грани, которую большинство из нас стараются не пересекать. Но поскольку он хочет узаконить ваши отношения, я бы сказала, что это искренне. Значит, вы покорили его сердце, пробудили в нем лучшие черты. Перевесят ли они в его натуре,

можете определить только вы. Но что бы вы ни решили, у вас будут друзья.

— О Боже! — вырвалось у Роуз, и она обеими руками зажала себе рот. Лицо у нее горело и, должно быть, сильно покраснело. Они говорили только о Брэме. Знали ли они о ее затруднительном положении, в котором она находилась по вине Косгроува? — Не знаю, что и сказать. Я так взволнована.

— Передохните, Роуз! — воскликнула Тибби, похлопав ее по спине. — Элайза, нам надо где-нибудь присесть.

— Здесь рядом есть кондитерская, — мгновенно сообразила Элайза, беря Роуз под руку.

Дамы сели за столик у окна, и Элайза заказала всем чай с бисквитными пирожными. Роуз успокоилась и немного пришла в себя.

— А что еще вам известно о Брэме? — прошептала она, когда служащий кондитерской расставил на столике все, что они просили.

— Мы опасаемся еще больше расстроить вас, — ответила Тибби таким же тихим голосом.

— Но... вы знаете, что он сделал мне предложение, не так ли? — Ей хотелось довериться этим женщинам. Если ей придется бежать из Лондона, хорошо иметь подругу или двух. Неизвестно, как повернутся обстоятельства.

Сначала она подумала, что они ей ничего не скажут. У них обеих был смущенный вид, как будто их застали за сплетнями. Наконец Тибби накрыла ладонью руку Роуз.

— Да, Салливан рассказал мне, что вам предложил руку и сердце Брэм и что вы ему отказали. Сегодня идея приехать к вам принадлежит нам обеим. Никто не знает, что мы здесь. И никто не узнает, если вы не захотите.

Роуз верила ей. Верила им обеим и надеялась, что все окажется проще, чем она накручивала в своем сознании.

— Брэм сделал мне предложение, потому что я в большой беде, — сказала она, взяв чашку чая, которую поставила перед ней Элайза. — Я думала, вы потому и приехали ко мне.

Тибби нахмурилась:

— Это что-то даже хуже, чем внимание Брэма Джонса?

— Намного хуже. — Роуз вздохнула. — Мой младший брат, Джеймс, виконт Лестер, попал под влияние Брэма и маркиза Косгроува.

— Косгроува? — переспросила Элайза, бледнея.

— Значит, вам известна его репутация. Джеймс увлекся карточной игрой, большей частью с Косгроувом, и кончил тем, что остался должен маркизу десять тысяч фунтов. Моя семья не в состоянии уплатить этот долг.

— Роуз, вы не обязаны рассказывать нам об этом.

— Я знаю, Тибби. Однако я кое-что узнала о Брэме... Если не считать Косгроува, Брэм умеет выбирать себе достойных друзей. — Она улыбнулась. — Косгроув заявил, что в обмен на мою руку он простит этот долг. С тех пор он... преследует меня, мучая и угрожая сделать мою жизнь после свадьбы невыносимой.

— Да он просто дьявол!

Роуз охотно согласилась с такой характеристикой маркиза, данной ему Тибби.

— Брэму не понравилось то, что он узнал. Он ведь был другом Косгроува. И тогда он предложил мне выйти за него замуж, чтобы помешать коварным планам маркиза. Такова в двух словах моя непростая история.

— Понятно, — задумчиво произнесла Элайза, вертя в руках чашку. — Так вы собираетесь выйти за маркиза? После всего, что произошло?

— Нет. Брэм сказал, что поможет мне покинуть Лондон до того, как будет объявлено о помолвке, и подыщет где-нибудь работу. Если ему не удастся, я попробую сама. — Она

передохнула. — Это погубит мою семью, — продолжала она дрожащим голосом, думая, что произойдет с ними и их репутацией в ее отсутствие, — но я не выйду за него. Я готовила себя к худшему, но я не могу переступить через себя.

— И вам не следует этого делать, — уверенно заявила Тибби.

— Глупо, но если бы Косгроув был добр ко мне, хотя бы даже не приставал, я могла бы уступить ему.

— Он один из тех мерзавцев, кто ради развлечения доведет человека до самоубийства, — с негодованием и презрением сказала Элайза. — Но вы сказали, что и к Брэму не испытываете никаких романтических чувств... Так где же истина зарыта?

Если бы только она сама это знала. В ее груди живет огромное романтическое чувство к Брэму. Но ведь ей осталось провести в его обществе считанное количество дней. А что же дальше?

Брэм и понятия не имел, как это произошло, но когда Розамунда встретила его у входа в «Друри-Лейн», с ней был не только Джеймс, но и лорд и леди Абернети, лорд и леди Фиштон.

Чертовщина!..

— Извини, — шепнула она, когда он склонился к ее руке. — По-моему, ты начинаешь беспокоить их.

Очень хорошо. Они и должны беспокоиться. Он кивнул:

— Возможно, Косгроув предупредил их, что я намереваюсь все испортить. Чем я и занимаюсь. К счастью, сегодня в моем распоряжении очень большая ложа.

Он убедил своего брата Огаста уступить ему свою ложу, поскольку он пригласил Розамунду. Предложив ей руку, он повел ее в главное фойе.

— Боже, какая толчея! — воскликнула леди Фиштон. — Как вы думаете, Принни появится сегодня?

— Понятия не имею, — ответил Брэм, несмотря на то что весьма в этом сомневался, поскольку в этот момент Принни находился в Брайтоне. Если это отвлекало внимание щебечущей молодой леди, он позволял ей верить во все, чего ей хотелось.

— Джеймс, тебе следует взять сестру под руку, — протиснулась между Розамундой и Брэмом леди Абернети. — Мы должны думать о ее репутации.

— Да, — прошептал Брэм, наклоняясь к Розамунде. — Это все равно что тушить свечу, после того как дом уже сгорел. Дважды.

— Тсс! — Она обернулась. — Лорд Брэм — просто друг, и вокруг нас люди. И мы здесь по его приглашению.

Его Розамунда была несгибаемой. Зная, что никогда раньше ее преданность семье не вызывала сомнений, даже если они не заслуживали ее, она производила впечатление добропорядочной дочери и сестры. Он по собственному опыту знал, что противостоять родителям было непростым и нелегким делом. Находясь рядом с ней, он остро воспринимал все, что окружало их — как свет люстры золотил ее волосы, как перешептывались вокруг люди, проявлявшие любопытство, не была ли она одной из его любовниц, — чувствовал на себе взгляды других женщин, которых он никогда не приглашал в театр. И ему нравилось, что она называла его другом.

— Как продвигается ваш план спасения? — тихо спросила она, бросая на него взгляд своих зеленых глаз и снова отводя их.

Накануне ночью он превратил триста фунтов в две тысячи и думал, что дело обстоит совсем неплохо. В то же время он сомневался, что она одобрит идею попытаться получить деньги тем же способом, которым ее брат потерял их. Его удивляло, что это имеет для него значение.

— Достаточно сказать, что прекрасная дева не выйдет замуж за гнусное чудовище. Даю вам слово.

Она улыбнулась:

— Так говорит черный рыцарь. Он взглянул на свою одежду:

— Серый рыцарь, если не возражаете. — Конечно, его маскарад начинался с попыток ограбления, но Косгроув как негодяй намного превосходил его. И титул черного рыцаря в данный момент не очень привлекал его.

Когда они подошли ко входу в ложу Огаста, Брэм раздвинул тяжелые занавеси и предложил семейству Дэвисов занять места.

Первоначально он собирался сидеть рядом с Розамундой у барьера, поместив позади Джеймса. Теперь же не сомневался, что его место окажется где-нибудь в углу, подальше от нее. Семья позаботится об этом. Самым странным было то, что еще несколько недель назад он бы ни на минуту не вынес присутствия любого из них. Абернети был другом Левонзи, что делало его соседство совершенно неприемлемым. Джеймс оставался восторженным щенком, а Фиштоны — говорливыми глупцами.

И все же они находились сейчас здесь, и леди Фиштон, опираясь на барьер ложи, махала рукой каким-то знакомым, сидевшим внизу, а ее мать рассаживала свое семейство. Брэм стоял у стены возле занавеса и, сложив на груди руки, наблюдал за происходящим.

— Мама, вы не можете посадить Брэма сзади, это неприлично! — рассердилась Розамунда. — Господи, да он и не приглашал вас!

— Но я рад, что вы все пришли, — поспешил вмешаться Брэм, пытаясь предотвратить ссору.

— Посади сзади Джеймса, — продолжала Розамунда. — Он все равно заснет через пять минут после того, как начнется пьеса.

Леди Абернети явно не нравилось, когда с ней говорили таким тоном, и она поджала губы. Расправив плечи, Брэм пробрался вперед.

— Я сяду, где вы пожелаете, — спокойно заявил он, — но должен сознаться, что это моя любимая пьеса.

— Да, давайте я сяду здесь, — сказал Джеймс и, протолкнувшись мимо Брэма, плюхнулся в мягкое кресло.

Прекрасно, черт побери! Теперь ему надо не спускать глаз с Лестера, чтобы тот не сбежал в «Иезавель» играть в фараон. Брэм чуть не передумал и не занял кресло в углу, но Розамунда позвала его, и все было забыто.

— «Сон в летнюю ночь» действительно твоя любимая пьеса? — тихо спросила она, указывая на место рядом с собой. — А не «Доктор Фауст» или «Макбет»?

Брэм, усмехнувшись, сел.

— Если это «Фауст», то я спрашиваю себя, заключил ли я сделку с дьяволом, или я сам дьявол. Слишком много самоанализа. А в «Макбете»... слишком много женских интриг. Что меня немного смущает.

С необычно серьезным видом Розамунда покачала головой:

— Я встречала дьявола, Брэм, и это не ты.

— Ты видишь меня только с хорошей стороны. Это необъективно.

Выражение ее лица смягчилось, и она улыбнулась:

— Почему же?

Ему так сильно, до боли, захотелось поцеловать ее, но он только плечами пожал.

— Понятия не имею, — честно признался он.

— О, начинается! — заволновалась леди Фиштон. — Садитесь, скорее садитесь.

Никто не пытался согнать его с места, и Брэм приготовился смотреть пьесу. Несмотря на все его внимание, сосредоточенное на актерам, находившихся на сцене, он слушал, как вздыхала, смеялась, взволнованно дышала или хлопала актерам девушка, сидевшая рядом с ним. Для человека, интересующегося только собой, каким он считал себя, это было поразительным открытием.

Зная, что ей пришлось пережить, да и сейчас приходится нелегко, он был чрезвычайно доволен, что пригласил ее в театр немного развлечься. Черт побери, он почти перестал думать о чем-либо, не касавшемся Розамунды. С первой же минуты, когда они встретились, все изменилось. За это он был благодарен Кингстону Гору. Если бы тот не начал этой дурацкой

игры, Брэм никогда не имел бы повода познакомиться с ней.

Бесспорно, она была обещана другому, и он сделал ей предложение и был отвергнут, но это ничего не значит. Сцена поменяется. У него возникло очень странное ощущение, что вся его жизнь и рассудок зависят от этого.

Розамунда продолжала время от времени поглядывать на Брэма. Этого ей не следовало делать — потому что ее родители сидели позади нее и потому что ей не хотелось, чтобы он ей так нравился.

Она слышала, как в уголке мирно посапывает Джеймс. Хорошо хотя бы то, что он находился рядом, а не проигрывал снова деньги Косгроуву или кому-то другому, кто видел в нем легкую добычу. Уже за одно это она была благодарна Брэму. Казалось, родители не собирались мешать Джеймсу делать все, что ему хотелось, но он слушался Брэма. К сожалению, он был под пятой у Косгроува, и это было единственной причиной, по которой она могла изменить свое решение и выйти замуж за это гнусное чудовище, как называл его Брэм.

Она могла предполагать, что Брэм сбежит, поджав хвост, когда вся ее семья поведет ее к алтарю. Но казалось, сейчас он находил присутствие ее родных здесь забавным. Его догадка, что Косгроув, должно быть, сообщил что-то ее родителям, по всей вероятности, была верной, но никто не сказал ей об этом ни слова. И она не находила другой причины, заставившей ее отца просидеть в ложе всю пьесу.

Слушая героев, произносивших на сцене монологи о чувствах, любви и судьбе, Роуз желала, чтобы вопреки страданиям, непониманию и разочарованиям она могла бы в конце концов обрести счастье. Быть свободной, чувствовать и делать что ей хочется, не беспокоясь, как это отразится на ее семье, — это ли не радость? Просто иметь возможность сказать «да» или «нет» и быть услышанной.

Конечно, Джеймс делал все, что ему хотелось, и результаты были катастрофичны, хотя и не для него. А только для нее. Но жизнь еще ничему не научила брата, а ее уже научила. И она хотела... она хотела лорда Брэмуэлла Лаури Джонса, хотя ее так называемый здравый смысл подсказывал, что это не слишком удачная идея.

Он сделал предложение, потому что не желал, чтобы эту партию выиграл Косгроув, или потому, что считал это долгом джентльмена. У него были любовницы, он пьянствовал и играл в карты, но раз рисковал своей жизнью, но ему нравилось испытывать судьбу, ни к чему не относясь серьезно.

Когда начался антракт, ее трясла дрожь, возникало жгучее желание поцеловать его. В партере зрители покидали свои места, не спеша направлялись в фойе, и она встала так резко, что чуть не опрокинула стул.

— Мне нужен глоток свежего воздуха, — сказала она, когда Брэм вопросительно поднял бровь.

— Я провожу вас. — Он предложил ей руку.

Если она сейчас прикоснется к нему, пламя сожжет ее.

— Нет! — отрезала она и, подойдя к Джеймсу, начала трясти его, пока тот не проснулся: — Выйди со мной на минуту.

— Что? Уже кончилось?

— Антракт. — Она заставила его встать. — Выйдем!

— Да я иду! Ты мне оторвешь руку. Отпусти!

Когда за ними закрылась занавеска и они вышли в заполненный публикой коридор, она чуть не натолкнулась на худощавую женщину, спешившую ей навстречу.

— Извините, — сказала Роуз, — Проходите, пожалуйста.

— Одну минуту, леди Роуз.

Розамунда оглянулась на звонкий женский голос:

— Мы знакомы?

— Думаю, у нас есть общий друг. Лорд Брэмуэлл Джонс, если не возражаете?

Тревожный звоночек звякнул в голове Роуз. Брэм, видимо, имел женщин-друзей только одного вида. Даже она подходила под этот вид.

— Брэм в ложе, если хотите его увидеть, — пробормотала она и дернула брата за руку. — Извините.

— Очень шаловливый мальчик, бегает за женщиной, обещанной другому мужчине. — Незнакомка хихикнула. — Но что поделаешь, ему нравятся замужние женщины.

Занавеска отодвинулась, за ней стоял Брэм, в его черных глазах был лед.

— Миранда! На одно слово, если не возражаете. — Он знаком позвал ее.

— О, я не могу, Брэм! Я здесь с друзьями. — Она снова взглянула на Роуз, которая стояла, разрываемая между желанием убежать и разгоревшимся любопытством. — Лорд Экли уехал в деревню и оставил меня совсем одну в Лондоне. Мне кажется, тебя это очень заинтересует.

— Розамунда, уходи, — тихо сказал Брэм и шагнул к этой даме. — Если вы желаете устроить сцену, моя дорогая, то сделайте так, чтобы все могли получить от нее удовольствие. Куда, вы сказали, уехал Экли? В деревню? Значит, вы не хотели, чтобы мы с ним встретились. Это не потому ли, что, если вы нас поссорите, я сделаю вас вдовой и ваши деньги и имение перейдут к вашему зятю?

Леди Экли сделала такой глубокий вдох, что ее полуобнаженная грудь чуть не выскочила из глубокого декольте.

— Я не собираюсь быть причиной ссоры, любимый мой. Я только хочу, чтобы вы знали, что мне все известно.

Она приподняла руку, как бы предлагая ему поцеловать ее. Мгновения хватило, чтобы Роуз заметила, что эта женщина носила на большом пальце кольцо с огромным рубином, и поняла, что оно ей знакомо. Она чуть не ахнула и взглянула на Брэма. Его лицо побледнело, и он, не отрывая глаз, смотрел на руку Миранды.

— Послушайте, не об этом ли кольце вы говорили, Брэм? — заметил Джеймс, явно не чувствуя напряженной атмосферы, возникшей в коридоре. — Это кольцо Кинга?

Вокруг них начали собираться гулявшие в фойе зрители. Чем не продолжение спектакля?

— Как ваш истинный друг, Брэм, — продолжала Миранда, опустив руку, — я подумала, что могла бы просветить леди Роуз относительно ваших других знакомых. — Она снова хихикнула. — Хотя их не так уж мало, не правда ли?

О Господи! Лорд Косгроув не терял время перед тем, как повесить ставки, как бы выразился Джеймс. И теперь он преследует Брэма — это ясно, потому что Миранда Экли явно интересовалась не Роуз, а только хотела вовлечь в скандал Брэма.

Брэм затаил дыхание, переводя взгляд со сверкающего кольца налицо Роуз. Она не могла понять выражения, мелькнувшего на его лице, когда он подошел к ней.

— Пожалуйста, передай мои извинения своей семье, — тихо произнес он холодным, бесстрастным тоном. — Я зайду к тебе завтра. — И прошел мимо нее.

Она не сразу смогла поверить, что он просто ушел, оставив ее стоять перед этой женщиной. Он ушел, как и сказал Косгроув, что он так и поступит.

— Не беспокойся! — сердито бросила она.

У него напряглись плечи, но он уходил, люди расступались, давая ему дорогу, и вскоре он растворился среди них. Леди Экли, надув губы от явного разочарования, бросила на Розамунду последний презрительный взгляд, фыркнула и тоже удалилась.

— Черт побери, в чем дело? — спросил Джеймс, когда все вернулись к своим прежним

занятиям. — Это не очень-то похоже на ссору любовников, правда?

— Брэм и эта женщина... любовники? — с трудом заставила она себя спросить, потеряв возможность сделать это на улице и вернуться к началу второго акта.

Брат закивал:

— Думаю, это известно всем, кроме лорда Экли. Брэм говорит, что у нее все округлости на своих местах, но он не любит, когда она все болтает и болтает. А что она имела в виду, обещав рассказать тебе «что-то»? Ты ведь не пытаешься женить на себе Брэма? Ты же помолвлена.

— Нет, — возразила Роуз, подавляя неожиданно возникшее желание расплакаться. — У меня в запасе еще две недели. Вернемся в ложу, пока они не отправили Фиштона искать нас.

Ей хотелось поскорее оказаться в относительной тишине ложи и смотреть пьесу, что дало бы ей возможность подумать. Она только что начала верить, что может довериться и положиться на Брэма, как он взял и ушел. Если нельзя больше рассчитывать на его помощь, то она должна это знать. Немедленно, пока у нее еще есть время спастись.

Ибо если Косгроув сумел подослать к Брэму одну любовницу или ее мужа, то может подослать и дюжину. По части организации гадостей ее нареченный вряд ли имеет достойных конкурентов.

Утром, пока ее семья сидела за завтраком, Роуз проскользнула в гостиную. Стараясь не шуметь, она быстро открыла ящик письменного стола матери и вынула из него записную книжку графини, где были обозначены нужные адреса. С такой же быстротой она задвинула ящик и взбежала по лестнице в свою спальню.

Там она села за письменный столик и выписала адреса всех знакомых ее матери, которые обычно не приезжали на сезон в Лондон. Конечно, она не могла обратиться к друзьям своих родителей относительно работы для себя, но могла сказать им, что ее подруга ищет место, и спросить их, не могли ли они рекомендовать семью, которая искала бы гувернантку или компаньонку.

В это утро ее очень беспокоил желудок, и ее уже стошнило. Но это давало ей повод забыть о завтраке, и она писала, прихлебывая мятный чай. Роуз удивляло, что ее не хватил апоплексический удар, так натянуты были ее нервы, готовые лопнуть в любую минуту. Надежда, отчаяние, страх, гнев — они придавали ей силы, но все же она предпочла бы, чтобы в этом не было необходимости, чтобы все разрешилось мирным путем.

Слова Брэма, его обещания, его прикосновения давали ей ощущение своей значимости и защищенности. Однако она полагала, что он не заслужил бы своей репутации распутника, если бы не умел очаровывать всех понравившихся женщин. Она смахнула катившуюся по щеке слезу.

Роуз хотела верить, что Брэм переродился, стал человеком, которому она верила, а не тем, кем был раньше: распутником и шалопаем. Но она не могла позволить себе ждать, когда он в очередной раз придет к ней, снова поможет и окажется ее героем или тем ужасным негодяем, которым она его считала до того, как познакомилась с ним.

Да, слава Богу, у нее еще есть время, даже если больше нет союзника. Смахнув еще одну слезу, Роуз продолжала писать.

Брэм давно пришел к выводу, что быть бесполезным — настоящее искусство. Он в совершенстве овладел им. И только теперь начал понимать, что этот талант не приносил ему никакой пользы.

— Проклятие! — выругался он, сложив газету и швырнув ее на столик для завтрака, которым редко пользовались.

— Плохие новости, милорд? — осведомился Хиббл, наливая Брэму кофе.

— Никаких новостей. С какой стати я должен что-то узнавать, если никто ни с кем не разговаривает? Эти чертовы сплетники не занимаются своим прямым делом.

- Не могу знать, милорд.
- Да уж, от тебя никакого толка.
- Никакого, милорд.

Брэм оглянулся на дворецкого, но вид у того был совершенно серьезный.

— Сколько времени ты у меня уже служишь, Хиббл?

— Милорд?

— Ты слышал. Сколько лет?

— Девять, милорд.

— Да, девять лет. — Брэм немного повернул стул, чтобы посмотреть в лицо дворецкому. —

И как по-твоему, что я делаю полезного?

Дворецкий побледнел.

— Мне надо чистить серебро, милорд.

— Да ладно, не будь трусом. За годы службы ты наверняка что-то заметил. И как ты считаешь, в какой деятельности или мастерстве я преуспел?

— Я бы предпочел не говорить об этом, милорд. Брэм со вздохом опустил руку в карман и извлек десятифунтовую банкноту.

— Говори, я тебя не уволю.

— Вы хорошо ездите верхом, — помолчав, ответил Хиббл.

Да, это правда.

— Что еще?

— Думаю, ваше умение играть в карты стало легендой.

— Ты прав. Еще?

— Леди, милорд. Вы очень популярны среди дам.

Гм... Он ожидал услышать что-то новое. О каком-то искусстве, которое он постиг, или о достижениях в области науки, математики, например.

— Что-нибудь еще, Хиббл?

— Вы очень красиво пишете. Я слышал, как восхищались вашим почерком. О, и я думаю, вы меткий стрелок и прилично управляете упряжкой лошадей. И вы всегда одеты безу...

— Довольно, Хиббл. — Он протянул ему деньги. Дворецкий спрятал их в карман.

— Благодарю вас, милорд. Надеюсь, я вам немного помог.

— Нисколько.

— Я...

— Назови мне настоящего джентльмена, — снова заговорил Брэм, — умного, утонченного, обладающего истинно джентльменской натурой и осанкой. Всеми уважаемого.

— Ваш брат, милорд, — не задумываясь ответил дворецкий. — Лорд Хейт.

— Несмотря на то что ты глубоко оскорбил меня, не назвав мое имя, я с тобой согласен.

Вели седлать Титана.

Облегченно вздохнув, Хиббл буквально вылетел из комнаты. Брэм сел и занялся едой, остававшейся на тарелке. Ему нужен был совет. Если бы несколько недель назад одна из его любовниц начала угрожать ему — скрытно или открыто, — как это сделала прошлым вечером Миранда, он бы знал, как поступить. Он бы вел себя жестоко и грубо, совершенно не думая, какие последствия это будет иметь.

Для нее и для него.

Прошлым вечером он сбежал, задержавшись лишь на минуту, чтобы убедиться, что объект нападения исчез и Миранда тоже ушла. Косгроув явно нашел способ добраться до него — угрожая скандалом или физической расправой не ему, а тем, кто был ему дорог. Любой из них мог стать следующим. Фин или Салливан, их жены, особенно Элайза Бромли, уже получившая

свою долю неприятностей. Брат Фина, Уильям, прикованный к инвалидному креслу, или его молоденькая сестра, Бет, достаточно наивная, чтобы увлечься им. Косгроув мог уничтожить ее.

Да, Косгроув был изобретателем по части организации подлых выходов. А вот Брэм чаще становился объектом скандалов. Настала пора покончить со всем этим, привести в порядок свою жизнь. Стать лучше. И не только ради Розамунды, но и ради самого себя. Потребовалось лишь знакомство с хорошей, попавшей в беду девушкой, чтобы он, наконец, понял это. Он только боялся, не слишком ли поздно. Всего лишь одиннадцать дней и восемь тысяч фунтов отделяли ее от гибели, и он обнаружил, что готов сделать все, чтобы защитить ее. Даже обратиться за помощью к брату, который зарекся давать ему советы.

Как только оседлали Титана, он направился в Марстен-Хаус. Брэм не удосужился посмотреть в расписание дня, но, к счастью, заседание палаты лордов было назначено на вторую половину дня и его брат был дома.

Дворецкий провел его в библиотеку, где в большом кресле сидел Огаст с примостившимся у его ног Оскаром, который читал вслух «Робинзона Крузо». Это выглядело так по-домашнему, что Брэм остановился на пороге, очарованный этой картиной. Сидел ли он когда-нибудь у колен отца? Он не мог вспомнить ни одного такого случая, хотя хорошо помнил другое — как его перегибали через это колено и секли розгами.

— Дядя Брэм!

— Привет, Оскар, — улыбнулся Брэм. Мальчик вскочил на ноги и, подбежав, прижался к нему. Брэм взъерошил темные волосы мальчика. — Мне приятно видеть, что кто-то наконец читает твоему отцу.

— О, у меня совсем неплохо получается. Хотите, я почитаю вам?

Судя по тому, как Оскар предложил ему это, было очевидно, что мальчик мало что знал о своем дяде. И это, определенно, было к лучшему.

— Мне очень нужно поговорить с твоим папой, если ты не возражаешь.

— Нисколько. Миссис Эдмондс печет пироги. Она всегда хочет, чтобы я попробовал их первым! — Радостно улыбаясь, Оскар выбежал за дверь.

Брэм закрыл ее за ним.

— У тебя найдется минутка? Огаст посмотрел на него:

— Кому на этот раз от тебя досталось?

— Не спеши. Ты знаешь, что я никогда ничего не рассказываю заранее, пока не распространятся сплетни. А то не получится сюрприза.

— Так в чем дело?

Более теплый прием был бы приятнее, но много повидавший в жизни Огаст никому не торопился раскрывать объятия, включая собственного брата. Брэму не в чем было его упрекнуть. Ведь ему доводилось и огорчать его.

Что касалось его самого, то он даже не знал, чего ему просить и делать ли это вообще. И зачем он вообще сюда приперся?

— Я просто подумал, что мы могли бы поговорить, — произнес он, подойдя к окну и глядя на улицу.

— О чем?

Брэм нахмурился, натянутые нервы начинали сдавать.

— Я и сам не знаю.

— Тогда подай мне виски, пожалуйста.

— Не рановато ли?

Он услышал, как Огаст встал.

— Да, но ты приехал сюда поговорить... и не знаешь о чем. Как же тут обойтись без виски?

Это было разумное предложение. Брэм взял графин и налил каждому по бокалу. Повернувшись, он увидел, что Огаст уставился на его одежду.

— Что? — с вызовом спросил Брэм. — Синие брюки, И это не преступление.

— С тех пор как ты снял военную форму, я видел тебя только в черном.

— Может быть, я пытаюсь стать другим человеком. Брат вздохнул.

— А как же маркиз Косгроув?

— Какого черта ты спрашиваешь меня о нем? Ты ведь его терпеть не можешь. — Он умолк. — Наверное, ты видел, как я ссорился с ним. Но не стесняйся. Если хочешь меня о чем-то спросить, спрашивай.

— Ваш разговор с ним не казался дружеским. Это не тот человек, с которым безопасно спорить.

Брэм фыркнул:

— Кому же это неизвестно?

— Так ты порвал с ним?

— Окончательно и бесповоротно. Если не считать мер предосторожности, которые я предпринял, чтобы держать его подальше от себя и моих близких. Как ты видел, мы расстались не слишком мирно.

— Это как-то связано с леди Розамундой? Мне известно о соглашении, заключенном ее семьей с Косгроувом.

Конечно, он не мог не знать; Левонзи был в курсе, а герцог и его другой сын были закадычными друзьями. Брэм подавил свое раздражение, сейчас не время злословить.

— Девушку поставили в безвыходное положение. Я пытаюсь помочь ей. И это причина нашей ссоры. — Он пожал плечами. — Но если твой следующий вопрос будет о том, не надоест ли мне эта игра и через какое-то время, не примирюсь ли я с Косгроувом, то мой ответ: «Нет».

— И почему же?

— Ради Бога, Огаст! — рассердился Брэм. — Если ты собираешься и дальше терзать меня сомнениями нравственного порядка, то я укроюсь в каком-нибудь месте, где меня никто не найдет.

— Я пытаюсь докопаться, почему ты приехал сюда, если тебе нечего сказать.

Замечание было справедливым. И у него не было времени в избытке, чтобы подумать и решить, что его гордость позволит ему сказать, а о чем умолчать. На мгновение Брэм закрыл глаза.

— Я нахожу, — медленно заговорил он с таким ощущением, будто пробирается сквозь заросли шиповника, — что ошибался в некоторых делах.

Брат по-медвежьи неуклюже хотел встать, но передумал и снова сел.

— Продолжай.

Брэм оглянулся на Огаста:

— А этого разве недостаточно?

— Сказав «А», порядочные люди обычно говорят «Б».

— Черт побери. Ладно. Я совершал некоторые поступки, главным образом с целью посмеяться над герцогом. Ранить его гордость, как я полагал. Но делать все время одно и то же скучно, поэтому я начал валять дурака иным способом и даже перешел к тяжким проступкам. — Он перевел дух, пытаясь привести мысли в порядок и высказать их вслух. — Полагаю, суть в том, что я настолько сбился с пути, что временами не знаю, что я, черт меня побери, делаю или как мне снова выйти на верную дорогу. Если я захочу вернуться обратно... в общество порядочных людей.

— Сядь, Брэм. Он обернулся:

— Ты ведь в состоянии дать мне добрый совет? — Брэм подошел и опустился в кресло напротив брата.

— Что же тебе сказать? — заговорил Огаст, медленно помешивая виски в своем бокале. — Довольно долго я воспринимал тебя как Гэла.

Брэм удивленно посмотрел на него:

— Гэл... Ты считал, что мать с герцогом дали мне не то имя? А кто такой этот Гэл?

— Гэл — это будущий Генрих. Генрих Пятый. — Когда Брэм попытался снова перебить его, Огаст указал на него пальцем: — Так его называли, пока король не сел на трон. До этого его ближайшим советником и доверенным лицом был Фальстаф.

— Косгроув.

Огаст кивнул:

— Ты разгадал мою историческую параллель.

Действительно, это была неплохая аналогия, по крайней мере на первый взгляд. Согласно Шекспиру, Фальстаф был старше будущего монарха, имел пагубное влияние на молодого принца, навязывая ему сомнительные образцы поведения. Гэл понял это и восстал против своего ментора. И стал более мудрым, более человечным королем, чем мог бы сделаться, продолжая общаться с Фальстафом.

— Есть одно различие: это ты будешь следующим королем или обладателем еще какого-нибудь титула, подходящего для сказки, — возразил Брэм. — Я — запасной. Даже теперь второй запасной, когда у тебя есть Оскар, твой наследник.

— Я говорю о развитии характера, а не о наследовании.

— Истинный характер Косгроува никогда не был тайной. Я знал, куда шел. — Мрачно сведя брови, Брэм промочил горло глотком виски, остававшегося в бокале. — И я не заблуждался насчет маркиза и даже искал его общества.

Огаст усмехнулся:

— Может быть, со стороны виднее. Я просто рассказал, каким видел тебя.

— Но от этого мало толку.

— Почему же? — Брат подался вперед, упершись локтями в колени. — Ты умен, хорош собой, знаешь, чего хочешь. В общем, я всем сердцем надеюсь, что ты уберешь со своей дороги Фальстафа и станешь Генрихом.

Отставив бокал, Брэм снова встал.

— Ты сентиментальный глупец, Огаст.

— Я оптимистичный глупец. Ведь это ты пришел навестить меня, брат. А не наоборот.

На полпути к двери Брэм остановился. Что бы он ни думал о словах брата, он знал единственное, что ему действительно было нужно. И это было не из духовной, а из материальной сферы.

— Ты не согласишься мне восемь тысяч фунтов?

— Не могу.

Брэм, прищурившись, посмотрел на него:

— Не можешь или не хочешь?

— Не могу. Мне строго приказано. Если ты когда-нибудь обратишься ко мне за деньгами, я должен отослать тебя к отцу.

Выругавшись, Брэм снова отошел от двери.

— Я могу быть молодым Гэлом, но я, по крайней мере, не комнатная собачка герцога.

Огаст медленно поднялся из кресла.

— Я все сказал. Если тебе нужны восемь тысяч фунтов, попроси отца.

Брэм показал брату фигуру из двух пальцев и вышел из комнаты. Гэл, Фальстаф, надежда и

проклятый кошелек герцога — все это было просто кучей дерьма. Да, он хотел измениться, но не мог избавиться от Косгроува, пока не поможет Розамунде. Он не хочет... не может... бросить ее в беде.

Ему захотелось немедленно увидеть ее. Вполне возможно, что он сходит с ума, однако в присутствии Розамунды он еще мог мыслить разумно. Один только звук ее голоса наполнял его самыми благородными чувствами, от которых раньше его лишь мучило. Он шел не задумываясь, от одного греха к другому, пока эта девушка не остановила его.

Что бы она ни делала и ни говорила — все доставляло ему удовольствие. Он жаждал ее и страстно стремился к ней. Так страстно, что не взглянул ни на одну женщину, с тех пор как они встретились. Даже вызывающее поведение Миранды прошлым вечером вызвало у него только раздражение, потому что косвенно задевало Розамунду. Да, его бывшая любовница явно была в интимных отношениях с Косгроувом, но он охотно уступал ее маркизу. Ему нужно было от Миранды только одно — его кольцо. Все остальное в его жизни теперь было связано с Розамундой Дэвис.

Он знал, что она сердилась на него; он слышал ее последние слова, которые она прошептала ему в театре. Так как же теперь он сможет снова увидеть ее? Он мог опять поехать в клуб, но все равно у него оставался еще целый вечер. Чем же он его заполнит?

Садясь на Титана, Брэм задумался. Совершенно очевидно, что он не мог просить Лестера поехать с ним куда-нибудь и надеяться, что она последует за ним. Очень удачно, что он знаком с двумя респектабельными замужними дамами, чьи мужья не расплатились с ним за оказанную услугу — за свое семейное счастье.

— Тебе нужно свадебное платье, — нарушила леди Абернети молчание, царившее в гостиной.

Розамунда подняла голову, оторвавшись от писем, которые она якобы писала подругам, но на самом деле ее послания были предназначены для отправки в места, отдаленные от Лондона. Одно предложение, принятое от «ее подруги», было бы достаточно, но иметь выбор — просто роскошь.

— У меня есть несколько платьев, и этого хватит, — заметила она. — Никому из нас не надо лишнего беспокойства или расходов ради украшения этого фарса.

— Твоя свадьба должна быть шикарной, — вставила ее сестра, как всегда соглашаясь с матерью.

Ха! Она не собиралась оставаться в Лондоне, чтобы присутствовать на собственной свадьбе.

— Если мы все еще притворяемся, что это брак по любви, то, кажется, у меня не будет достаточно времени, чтобы заказать свадебное платье. Ведь это брак по расчету, не так ли? Какая разница, каким будет подвенечный наряд?

— Я бы хотел видеть ее в пышном белом платье. Роуз повернулась к двери и ахнула: в дверях стоял Косгроув, из-за его спины высовывался Джеймс. Она поспешно спрятала письма под дневником.

— Что вы здесь делаете? — невольно спросила она, вставая следом за матерью и сестрой.

— Я приезжаю к моему другу Джеймсу и оказываюсь совершенно очарованным его сестрой, — ответил маркиз.

— Беатриса, не будете ли вы так любезны оставить нас?

— О, п-пожалуйста! — заикаясь произнесла Беа и выбежала из комнаты.

— Я, пожалуй, тоже пойду — сказала ее мать.

— Выдумывайте что хотите, — продолжала Роуз, снова обращаясь к Косгроуву, — но я не намерена составлять вам компанию, пока это не станет моим долгом. — Последние слова она добавила для большего эффекта — на случай если у него возникнет подозрение, что она хочет сбежать из Лондона, и тогда он, вероятно, привяжет ее цепью к стулу.

Собрав свои вещи и стараясь скрыть дрожащие руки, Роуз снова встала.

— От меня ожидают, что я проведу оставшуюся жизнь под вашей пятой. Но извините, если я предпочитаю не начинать такую жизнь раньше времени. — Она подошла к двери и остановилась, стараясь, насколько было в ее силах, спокойно смотреть на человека, загородившего ей Дорогу, и буквально провоцируя его ударить ее на глазах всей семьи.

— Какая сила духа! — усмехнулся он и отступил в сторону. — Какое воодушевление!

Сцепив зубы, Роуз направилась к своей спальне. Она смутно слышала, как Джеймс предложил Косгроуву скоротать время игрой в бильярд, и тот согласился. Немного выждав, она закрыла дверь. Джеймс не предложил игру в карты. Уже одно это приятно удивляло.

Неужели брат наконец прислушался к убедительным предупреждениям Брэма? О, она на это надеялась. Если ее семье удастся освободиться от долга Косгроуву, то такое больше не должно случиться. Конечно, один разумный поступок едва ли можно расценивать как начало новой жизни, но все же...

Однако все это снова заставляло ее думать о Брэме, как будто она и так не помнила о нем каждую минуту. Ей не хватало его общества, его шутливых слов и метких замечаний, куда он исчез прошлым вечером. Порой забавный в своем цинизме, Брэм умел развлечь и даже

успокоить ее. Она старалась бороться с постоянным желанием увидеть его, с тем жаром, который охватывал ее при мыслях о нем.

Возможно, это и к лучшему, что он отвернулся от нее именно в эту минуту, ибо она поняла одно: брак, который он предложил, никогда не удовлетворит его. Оказавшись перед выбором между потенциальным нелюбимым мужем, который бы жестоко обращался с ней, и другим, который ей нравился, но который, несомненно, бросит ее и разобьет ей сердце, она должна найти другой выход и бежать. Далеко, далеко.

Кто-то тихо постучал в ее дверь, и она вздрогнула.

— Кто это? — крикнула она, сожалея, что не засунула стул под дверную ручку, как в прошлый раз.

— Элбон, миледи. Посыльный только что принес вам записку и ждет ответа.

Роуз приоткрыла дверь, чтобы взять серебряный поднос.

— Подождите минутку, — сказала она, беря записку и разворачивая ее. Она пробежала глазами послание. — Пожалуйста, скажите посыльному, что ответ «да».

Дворецкий поклонился:

— Хорошо, миледи.

Закрыв дверь, она прислонилась к ней. Даже с присутствием в доме Косгроува сюда может пробиться лучик света. Элайза Бромли приглашала ее на обед в узком семейном кругу. Это еще не было полным избавлением, но, по крайней мере, скрасит хоть один вечер.

Роуз в сопровождении горничной вышла из отцовской кареты и поднялась по ступеням ко входу в Бромли-Хаус. Судя по почти одинаковому выражению на лицах ее родителей, когда она уезжала из Дэвис-Хауса, оба понимали, что она ускользает из-под их контроля. Ей следует быть более осторожной, иначе она не успеет осуществить свой побег: окажется запертой в своей спальне, а стул будет подсунут под дверную ручку с наружной стороны.

Дворецкий лорда Куэнса провел ее в верхнюю гостиную.

— Леди Розамунда Дэвис, — объявил он и отступил в сторону, пропуская ее вперед.

— Роуз! — Элайза, улыбаясь, направилась к ней, а все мужчины, находившиеся в комнате, за исключением лорда Куэнса, встали, когда она вошла в уютную гостиную. — Я так рада, что вы смогли приехать.

— Спасибо за приглашение. — Улыбаясь в ответ, она прошла вперед и протянула руку виконту Куэнсу, патриарху этой семьи. Она была в долгу перед Брэмом за то, что он познакомил ее с этими людьми, каким бы коротким ни оказалось это знакомство. Они так сильно отличались от ее родных. Они создали свою особую семью, даже без кровного родства, заботились друг о друге, и один бескорыстно поддерживал другого. Она только жалела, что не встретила с ними в более благоприятных обстоятельствах.

Здороваясь с Тибби Уоринг, стоявшей рядом с мужем Салливаном, обнимавшим ее за талию, Роуз перевела взгляд на одинокую фигуру, стоящую в глубине комнаты и наблюдающую за ней. Брэм... Роуз внезапно смутилась и отступила назад.

— Это была его идея? — спросила она дрожащим голосом.

— Он все объяснит, — ответила Элайза.

О! Может быть, она ожидала слишком многого, надеясь, что это благородный жест Брэма, которым он выражал свое сожаление о том, что оставил ее одну в театре, и обещал больше никогда так не поступать.

— Ты разочарована, что не я заманил тебя сюда? — резко спросил Брэм, выступая вперед. — Но разве это имеет значение? Ты сердишься?

— Ты оставил меня там с этой ужасной женщиной! — возмутилась она.

— Ах, вот в чем дело!..

— Может быть, вы хотели бы воспользоваться бильярдной для такого разговора? — вмешался лорд Куэнс, подчеркивая слово «разговор».

— Хорошо, что хоть кто-то соблюдает приличия. Спасибо, — смущенно ответила она.

— Значит, мы будем в бильярдной, — уже громче сказал Брэм, крепко ухватив ее за руку.

— Брэмуэлл!

Он задержался, оглянувшись на виконта в инвалидном кресле.

— Будьте спокойны. Я не нарушу приличий.

— Надеюсь.

— Он поймал тебя на слове, — заметила Роуз, несколько удивленная, что Брэм провел ее через коридор в бильярдную и закрыл дверь перед носом ее горничной.

— Когда я даю слово, то держу его. — Брэм поднял голову, и взгляд его черных глаз впился в ее глаза. — Миранда хотела устроить скандал, — коротко объяснил он. — Я знал, что она не уйдет, пока не уйду я.

— А если бы она вцепилась мне в волосы или сделала что-либо подобное?

— Я был рядом. Оставался в театре, пока она не убралась оттуда. И не допустил бы, чтобы с тобой что-то случилось.

О, ей хотелось обнять его, целовать его, пока они оба не задохнутся! Но она подошла к столу и толкнула бильярдный шар, покотившийся по столу.

— Ты был похож на этот шар, Брэм.

Она замерла, когда он близко подошел к ней и остановился за ее спиной.

— И что это должно значить?

— Это значит, что я предпочла бы участвовать в твоей ссоре с наглой любовницей и знать, что ты заступишься за меня, чем видеть, как ты сбежал. Покатился, как этот шар.

— Я не сбежал...

— Я доверилась тебе. Если я совершила ошибку, то должна это знать.

— Я дал тебе обещание. Десять тысяч фунтов или моя помощь в бегстве из Лондона. Как я только что сказал, я нечасто даю слово, но если уж дал, то держу его.

— Не могу сказать, что это внушает мне доверие, Брэм. Он легким прикосновением дотронулся до ее руки. И почти тут же опустил ее.

— Но ты должна мне верить, — сказал он.

— Я хочу быть убеждена в этом. — Она повернулась и тут же пожалела об этом неосторожном движении. Он оказался слишком близко, и ее взгляд остановился на его строго сжатых чувственных губах. — Вы были друзьями с этим чудовищем Костроувом. А та глупая женщина — она из тех красоток, которых ты предпочитаешь. Как же я могу верить? И рассчитывать на твою помощь?

Брэм смотрел ей в глаза.

— До встречи с тобой меня вполне удовлетворял мой образ жизни: беспорядочный, с необузданными страстями, рискованными выходками. Я никогда не допускал и мысли, что встречу кого-нибудь, кто настолько заинтересовал бы меня, что я пересмотрел бы свою жизнь. Во всем, до мелочей.

У нее потеплело на сердце. Ей не могло не льстить, что такой неотразимый мужчина, как Брэм Джонс, говорит ей, что находит ее интересной. Но это не делало его достойным доверия.

— А на следующий день ты найдешь еще кого-то, кто заинтересует тебя. И что в этой ситуации делать мне?

— Нет, — перебил он. — У нас с тобой больше общего, чем ты, вероятно, думаешь. Неприятная встреча в театре с Мирандой доказала это. Ты вела себя с большим достоинством и честью, чем это сделал бы я. Я чувствую, что... — Он снова умолк, почти бессознательно

сплетая свои пальцы с ее пальцами. — Я чувствую, как будто ты — мой шанс. Вместе мы многое сумеем исправить. Если я потом стану тебе не нужен, то смирюсь и с этим.

— Брэм...

Если бы он продолжал говорить, она была бы готова отбросить всю свою гордость и просто кинуться в его объятия, не думая о последствиях.

— Я только пытаюсь сказать, пока очень косноязычно, что принял решение измениться. Ради тебя и ради меня. И конечно, я прошу тебя доверять мне, Розамунда. Пожалуйста.

Она безошибочно определила, что «пожалуйста» относилось к словам, которыми он не часто пользовался. Но у нее оставалось уже меньше двух недель, чтобы обдумать свой побег. Если она снова ничего не сделает, предоставив действовать ему, то фактически доверит ему все свое будущее. Свою жизнь. Она опустила глаза, затем снова посмотрела ему в лицо. При этом тысяча беспорядочных мыслей вихрем пронеслась у нее в голове.

— А ты снова в черном, — заметила она. Улыбка мелькнула на его губах.

— Траур по моей прошлой жизни. Я несчастлив.

— Я хочу быть уверена, что с прошлым покончено.

— Даю тебе слово чести. Ведь я люблю тебя, Розамунда. Его слова прозвучали как удар в грудь, оглушая ее и лишая дыхания. Ее сердце, казалось, остановилось. Брэм Джонс, самый неукротимый человек и самый желанный мужчина в Лондоне, признается ей в любви. Высокого роста, осанистый, красивый — он любил ее, такую неказистую и незаметную.

— Это все, что я могу сказать тебе сейчас, — продолжал он, — но если ты дашь мне шанс, то увидишь, что это не пустые слова.

Все еще не придя в себя, Роуз наконец кивнула.

— Я верю тебе, — прошептала она.

С облегчением вздохнув, Брэм закрыл глаза. Роуз приподнялась на цыпочки и поцеловала его. Он сразу же схватил ее и заключил в свои объятия, желая, чтобы этот миг длился час, день, вечность. Всю жизнь.

Охваченная дрожью, Роуз была готова отдаться пробуждавшемуся в ней чувству радости и желания. Неужели счастье улыбнулось ей?

Но ничего еще не решено. Им обоим противостоит коварный и безжалостный враг. Они совместно выступят против Косгроува. Если Брэм потерпит неудачу, то вполне возможно, что ни один из них не проживет достаточно долго на этом свете. И рухнут все их планы и надежды.

— Брэм, ты меня слышишь?

Он вздрогнул и повернулся к Фину.

— Вот видишь, Элайза, — продолжил бывший полковник, — наш друг еще жив.

— Мы уж подумали, что ты умер. И забальзамирован алкоголем. — Усмехаясь, Салливан предложил ему бокал.

— Я задумался, — недовольно сказал застигнутый врасплох Брэм. — И странно, что вы оба не разглядели мою задумчивую позу.

— Мне больше нравилось, когда ты смотрел в свою тарелку. — Фин повернулся: — Бет, не принесешь ли мне...

— О нет, я никуда не уйду! — перебила его сестра, обладательница огромных карих глаз и каштановых волос. — Я член этой семьи и уже достаточно взрослая. Тибби всего на три года старше меня. Вы будете говорить о том, что заставило Салли и Тибби приехать сюда из деревни, а мне это интересно.

Брэм заставил себя улыбнуться:

— Ты ошибаешься, моя милая, мы не собираемся ничего обсуждать. Никаких секретов.

— Но леди Роуз удивилась, увидев вас всех здесь, и она очень сердилась на вас. А сейчас под столом Брэм и Роуз держатся за руки.

Брэм поспешил освободить свои пальцы. Черт бы побрал эту детскую наблюдательность! Она свойственна и девушкам более старшего возраста.

— У нее замерзли пальцы, а она забыла перчатки, — придумал он.

— Ее перчатки на столе позади нее. — Бет показала на них пальцем. — Я поймала вас на лжи, и вы должны быть моим партнером в шарадах.

— Ужасный ребенок!

— Я не ребенок. Маркиз Косгроув даже просил моего поцелуя.

Казалось, в комнате стало нечем дышать. Фин вскочил со своего места.

— Что?!

В какую-то минуту Брэму подумалось, что мощь его ярости поднимет Куэнса из его инвалидного кресла.

— Элизабет Анна Бромли, — грозно произнес патриарх семьи, — ты мне расскажешь абсолютно все, что произошло. Сейчас же!

Щеки восемнадцатилетней девушки вспыхнули.

— Ничего не произошло, — заикаясь произнесла она. — Бога ради... Он же друг Брэма, и я подумала, что было бы нехорошо поднимать шум.

Черт побери! Именно это и беспокоило Брэма. Косгроув уже занялся близкими ему людьми. Брэм раскрыл рот, собираясь назвать Бет точную цену своей дружбы с Косгроувом, но Розамунда накрыла ладонью его сжатую в кулак руку, на этот раз лежавшую на столе, где все могли ее видеть.

— Косгроув весьма красив, не правда ли? — тихо спросила она, глядя на Бет яркими зелеными глазами.

— Да, — согласилась Бет, отступая от своих буквально пылающих гневом братьев.

— Дело в том, Бет, — продолжала Розамунда, — что я недавно поняла разницу между нехорошим и чудовищным. И боюсь, что Косгроув, зная о теплых отношениях Брэма с вами и вашими братьями, ищет способ вызвать скандал.

— Но вы же с Косгроувом друзья, — возразила Бет, обращаясь к Брэму.

Проклятие! Быть хорошим совсем не так легко!

— Мы были друзьями, — задумчиво сказал он. — Но больше мы не друзья. Кинг переступил черту, которую даже я не мог переступить. — Брэм нахмурился. — Он негодяй, Бет, а вы красивая, но неискушенная молодая леди. Будьте с ним осторожнее, моя милая. Держитесь от него подальше. Ладно?

Бет вздохнула и дрожащим голосом пообещала:

— Конечно.

После этого дамы вышли из-за стола, и Брэм с сожалением посмотрел вслед уходившей Розамунде. Он становился безнадежно слабоумным. Новое для него состояние влюбленности ошеломляло его и в то же время делало уязвимым.

Тот образ жизни, который он вел в течение почти десяти лет, его поведение и поступки, которые он был намерен совершить или уже совершил, могли вызывать чье-то одобрение или порицание, но ему это уже было безразлично. Теперь в его судьбе появилась она, Розамунда. И все его поступки будут направлены на то, чтобы сделать ее счастливой.

Розамунда не оттолкнула его, когда он снова предложил ей свою поддержку. Но и не бросилась к его ногам, моля о помощи. Она была более рассудительной, чем он, и более осмотрительной. Любовь. Он не предполагал, что когда-нибудь произнесет это святое слово. А если и произнесет, то разве что при чтении стихов — с шутливым сарказмом, чтобы рассмешить

кого-то. И вдруг все поменялось.

Произнося это слово, он не думал о том, чего ему хотелось или что ему было необходимо. Единственное, что беспокоило его, — это благополучие, счастье и безопасность Розамунды Дэвис. Он подшучивал над Финном и Салливаном, их привязанностью к домашнему очагу, их верностью женам. А теперь он сам мечтал об этом. Но ведь Роуз еще не сказала, что тоже любит его.

Страшная боль пронзила его грудь. Не ее вина, что она не испытывает к нему ответного чувства. Он всего лишь склонный к порокам человек — пьяница, развратник, игрок, изгой общества. Но она и не убежала от него. Она согласилась дать ему шанс спасти ее, а вместе с ней и самого себя.

— Спасибо вам, Брэм, — многозначительно сказал Куэнс, когда дамы уже не могли его слышать. — Я не думаю, что Бет послушала бы кого-нибудь, кроме вас.

Брэм отхлебнул из бокала.

— Это моя вина. — Он почувствовал, как после признания Бет гнев охватывает все его существо, до самых кончиков пальцев. — Вам всем надо держаться подальше от меня. Это был только предупредительный удар Кинга.

— Весьма чувствительный, — с мрачным видом заметил Фин.

— Мы убьем ублюдка. — Салливан наполнил бокал и выпил его до дна.

— Наконец слышу предложение, которое могу принять. — Брэм встал. Игры были играми, но не тогда, когда могли пострадать дорогие ему люди. Конечно, он сделает это; незачем обречать друзей на виселицу или ссылку. По крайней мере Розамунда будет спасена. Нельзя же заставить ее выйти замуж за мертвеца.

— Сядьте, — приказал виконт. — Я не допущу, чтобы за моим столом сговаривались об убийстве.

— В таком случае мы выйдем, — ответил Фин. — Мы это так не оставим, и вы знаете это.

— Нет! — Брэм покачал головой и сел. — Вы все не должны быть в этом замешаны. Он играет со мной. После того как вчера он натравил на меня Миранду, мне следовало бы...

— Что он сделал?

Черт бы побрал Фина с его пристрастием к фактам!

— Мне нравилось проводить время с Мирандой, несмотря на ее глупость. К сожалению, эта леди не поумнела за время моего отсутствия. Косгроув воспользовался ее услугой, дал ей мое старинное фамильное кольцо, чтобы она похвасталась им передо мной.

— Она замужем за другим человеком, Брэм.

— А я не святой, Уильям. — Он вздохнул. И в этом не было вины Куэнса. — Если это имеет какое-то значение, уже несколько недель, как я с ней расстался, что, вероятно, помогло Косгроуву забраться ей под юбки. Но вернемся ко мне.

— И к леди Роуз.

Брэм сердито посмотрел на Салливана:

— Она единственная невинная душа во всей этой истории. Помимо Бет.

— Невинная душа, которой ты сделал предложение.

— Что? — Насколько он помнил, это был один из немногих моментов, когда Фин выглядел истинно изумленным. — По-моему, у меня голова лопнет.

Салливан подался вперед:

— Разве Элайза тебе не рассказала? После того как я сообщил об этом Тибби и привел ее в чувство нюхательной солью, их с Элайзой все это очень взволновало.

— Ты не прекратишь отклоняться от темы? — проворчал Брэм. — Я сделал предложение, она мне отказала. И ничего удивительного, если подумать, что она... — Он замолк, перебирая

длинный ряд прилагательных типа «совершенная», и «чудесная», и «великолепная», но ни одно не годилось. — Она хорошая, а я нет.

— Брэм...

— У меня осталось еще несколько дней, чтобы или отдать Косгроуву десять тысяч фунтов, или увезти куда-нибудь Розамунду и пристроить ее в порядочный дом в гувернантки. Я пытаюсь избежать последнего, потому что она на самом деле чувствует себя ответственной перед своей семьей. — И еще потому, что для него была невыносима мысль, что он больше не увидит ее.

— А где ты собираешься достать десять тысяч фунтов? — спросил Салливан. — Большая часть моих денег сейчас вложена в племенное скотоводство, но тысячу я могу тебе дать.

— Мы можем найти за столь короткое время почти такую же сумму, — вступил в разговор Фин, взглянув на старшего брата. Куэнс кивнул.

Так они вступились за него, когда ему отказал его родной брат.

— Нет, я не возьму деньги, которые вам самим нужны, и не смейте пытаться убедить меня, что эти средства вам без надобности. — Брэм грустно улыбнулся. — Думаю, мы все можем согласиться, что я превосходно владею несколькими приемами, одна из которых — игра в карты. Я могу это устроить.

— Нет, если ты хочешь получить Роуз.

— Вот в этом-то и загвоздка, не так ли, Салливан? Несколько лет назад нельзя было и представить, что мне захочется прискакать на белом коне и покорить прекрасную деву. А все, что я могу сейчас сделать, — это попытаться спасти ее самым прозаическим способом. И надеюсь не причинить никому слишком много вреда. Мне просто необходимо помочь ей.

— Господи, Брэм! — Фин, видимо, пришел в себя. — Как легко было бы посмеяться над тем, что ты наконец обрел душу, хитрый ты негодяй! Придумай же что-нибудь. А мы все-таки постараемся помочь.

— Если позволите, — вмешался Куэнс, — я не могу говорить, что я сражался с французами или совершал героические подвиги, но...

— Уильям!..

— Спокойно, Фин. Я говорю о деле. Брэм, ты ведь воин. Тебе не нужен белый конь. Просто поступи правильно.

Как будто это было так легко.

— Я не совсем понимаю...

— Нужен герой, прошедший огонь и воду, — вставил Куэнс.

— Слабак никогда не покорит прекрасную леди, — сказал Салливан.

А Финеас усмехнулся:

— Вооружайся!

— Какие же вы все прекрасные идиоты!

— Да, но мы еще и преданные друзья. — Фин стал серьезным. — Иди и делай, что должен, но, ради Бога, не забывай, что мы здесь. Попроси у нас все, что хочешь, и это будет твое.

— А теперь вы доведете меня до слез. — Снова поднявшись, Брэм осушил свой бокал. Заглушая в себе чувство, так странно похожее на надежду, он поспешно простился с ними. — Позаботьтесь, чтобы она благополучно добралась до дома.

— Что ты собираешься предпринять? — запоздало спросил Салливан.

— Я собираюсь вернуть то, что принадлежит мне, и затем я посмотрю, не смогу ли совершить какой-нибудь героический поступок.

Несмотря на то что проделки Черного Кота оказались одним из самых действенных способов еще больше разозлить герцога, Брэм был вынужден признать, что потерял всякий интерес к краже в чужих домах вещей, которые он не хотел иметь или они были не нужны ему. Было ли это внезапное нежелание причинять неприятности другим связано с его встречей с Розамундой, или повлияли другие обстоятельства, объяснить толком он бы не смог.

Но факт оставался фактом: Кота больше не было. Пройдет неделя, месяц, и его похождения забудутся, и «свято место» в жаждущих сплетен умах займет какое-нибудь другое преступление.

«Кота почти не было», — мысленно изменил фразу Брэм. Прячась в тени, он завязал тесемки черной полумаски, скрывавшей его лицо. Какими бы вдохновляющими ни были слова, которыми его наградили друзья, он должен был не полагаться на везение, а многое предусмотреть. Иначе ему не покорить прекрасную леди. Но ведь даже Одиссей считался героем, а он был прежде всего хитроумен. Ловкач, он не брезговал обманывать своих врагов. Возможно, Брэму удастся стать таким героем. После сегодняшнего вечера.

Наконец погасли огни в верхних комнатах лорда и леди Экли. Зная Косгроува, Брэм понимал, что Миранда, вероятно, «заработала» рубиновое кольцо, а не просто получила в подарок. Но факт оставался фактом: Косгроув не мог дарить то, что ему не принадлежало. Как и не принадлежало теперь Миранде, независимо от сексуальной позы, которую она принимала.

И если он сумеет хоть немного восстановить доброе имя своей семьи, то, может быть, сумеет улучшить и свою репутацию?

Он привязал Титана на дальней улице, в заброшенном саду лорда Грити, и надеялся, что благоразумный конь не расстроит себе желудок, поедая зеленые яблоки. Черный конь был так же незаметен, как и его всадник, и ни одного из них нельзя было разглядеть поблизости от ограбленного дома.

Натягивая на пальцы черные кожаные перчатки, Брэм подождал минут двадцать, затем вышел из своего укрытия и приблизился к дому. Его сердце учащенно, забилось, когда он нажал на раму окна в нижнем этаже и почувствовал, что она поддалась.

Кроме удовлетворения, которое он получал, раздражая герцога, он испытывал удовольствие от риска, входя и выходя из тех мест, где ему не следовало быть. Даже если он и мог бы запросто отправиться туда с визитом.

Это было его самое последнее развлечение: пора было в таких делах ставить точку. Брэм проскользнул в окно и закрыл его за собой. Не следовало допускать, чтобы случайно зашедший слуга заметил, что в комнате что-то не так.

Прежде всего он пришел взять то, что по праву принадлежало ему. Это создавало ощущение, что его миссия справедлива. Он станет порядочным человеком, черт возьми, и навсегда покончите пороками. И не будет оглядываться назад. Ведь его ждала та, чье сердце он хотел покорить так, как она покорила его.

К счастью, сейчас он знал не только расположение комнат, но и место, где Миранда хранила его маленькие подарки, скрывая их от мужа. И еще он знал, что лорд Экли находится в Суррее, что вовсе не означало, что леди Экли будет одна, но это меняло распорядок дня прислуги.

Размышляя об этом, он понимал, что вел себя как настоящий глупец, менял женщин якобы ради развлечения, но скорее всего ради того, чтобы не проводить ночь в компании с самим собой. Как будто, развлекаясь с замужней женщиной, он избежит одиночества. И как интересно,

что последнее время он обнаружил, что его собственное общество не так ужасно! Теперь наедине с самим собой он становился чистосердечным.

Поднявшись по главной лестнице, он повернул в коридор и пошел, неслышно ступая сапогами, по длинной ковровой дорожке. Он что-то не помнил, чтобы Одиссей когда-либо отбирал обратно у бывшей любовницы безделушку, но ведь Брэм и не дарил ее. Он потерял ее по глупости и хотел, чтобы этим закончилась не самая лучшая часть его жизни. А для этого ему нужно вернуть кольцо.

Спальни Миранды и лорда Экли разделяла Длинная гардеробная. Осторожно подойдя к двери, он толкнул ее и оказался в спальне хозяина. В ней было темно и, слава Богу, пусто. Казалось, все будет просто, как кражи со взломом, простота которых раньше раздражала его, но на этот раз он был рад этому.

Дверь в гардеробную была полуоткрыта. Он прислонился к ней и заглянул внутрь. Дверь в комнату Миранды тоже была открыта.

Брэм постоял, прислушиваясь. Спустя минуту он различил звуки тяжелого дыхания, свидетельствующие, что леди Экли хорошо обслуживают. Если ее гостем был Косгроув, это усложняло задачу, но в то же время доставляло большее удовлетворение.

Стараясь не дышать, он снял с полки пару шляпных коробок и отставил их в сторону. За ними находилась третья. Несмотря на то что он не мог разглядеть ее в темноте, он знал, что она зеленого цвета, помятая и облупленная. Как считала Миранда, это указывало на то, что внутри находится что-то столь же непривлекательное. Что же касается вора, то эта коробка первой вызвала бы его интерес — женщина, такая тщеславная, как леди Экли, не стала бы хранить потрепанную коробку, если в ней не было ничего стоящего.

Доносившиеся из спальни звуки становились все более громкими и пронзительными. Несколько недель назад это мог бы быть он. И еще один напрасно потерянный вечер, проведенный с кем-то, кого он обычно презирал, — как презирал и себя. Господи, каким же идиотом он был!..

И останется, если не сможет завоевать Розамунду. Брэм вернулся к действительности. Самооценкой он еще успеет заняться. А сейчас он находился в процессе ограбления, черт побери! Он торопливо снял с коробки крышку. Повернув коробку к лучу лунного света, он заглянул внутрь.

В ней были безделушки, которые она предпочитала прятать от лорда Экли. Жемчужное ожерелье, не сколько браслетов, шпильки из слоновой кости, французские духи — взрослая версия детской шкатулки с драгоценностями. И внутри эмалевой чаши три кольца. Включая и его рубиновое кольцо с печаткой.

Рука Брэма неожиданно дрогнула. Он вынул кольцо из чаши. В течение тринадцати лет он видел его на руке Косгроува и думал, что заслужил вечное наказание. И вот теперь оно снова у него. И он зажал кольцо в кулаке.

— Вы не можете расхаживать по моему дому чуть ли не голым, — слышался голос Миранды. — Халат Экли лежит в ногах кровати.

Проклятие! Быстрым движением Брэм схватил всю шляпную коробку и выскользнул из гардеробной. Положив кольцо в карман, он прошел через спальню хозяина и вышел в коридор. Узнает ли Миранда, что случилось с ее остальными украшениями, или нет, но ему было очень приятно сознавать, что церковь Святого Михаила или продаст их, или раздаст бедным.

Если бы она не устроила это маленькое представление в театре, он мог бы не совершать кражу, но всякое сочувствие к ней исчезло, когда она оскорбила Розамунду. Ей придется снова собирать такую же коллекцию, но теперь без его участия.

С мрачной улыбкой он вернулся в комнату на первом этаже, открыл окно и быстро

выпрыгнул наружу. Ну вот, почти все... Последнее посещение церкви Святого Михаила, и Черный Кот наконец уйдет в отставку. Есть надежда, что на его месте появится другой герой.

Маркиз Косгроув вышел из комнаты, где неплохо провел время. Если бы он не допускал возможности, что Брэмуэлл попытается забрать свое кольцо, он никогда бы не заметил, что две шляпные коробки стоят не на своем месте, а третья просто исчезла. Но он не предвидел, что лорд Брэмуэлл Джонс наденет черную полумаску теперь, когда ходят слухи, что Черный Кот появляется повсюду. Пусть даже этому не было достоверных подтверждений.

Натянув смятую рубашку, которую держал в одной руке, Косгроув босиком пробрался к выходу и вышел из дома во двор, где позади конюшни была привязана его лошадь. Не замечая холода, он сел на лошадь и поехал в том же направлении, куда направлялся Брэм. Минуты через три он заметил крупного Титана и сидевшего на нем Брэма, направлявшегося на юго-запад. Косгроув старался держаться на расстоянии от коня и его всадника; в этот час, когда улицы были пустынные, появление еще одного всадника не вызывало подозрений, если только этот всадник не ехал следом за первым. Перейдя на тихий шаг, первый всадник выехал с Мейфэр на Найтсбридж. Куда бы он ни направлялся, этот беспокойный парень знал дорогу.

Наконец Брэмуэлл остановился у маленькой церквушки и сошел с коня. Сняв с седла пропавшую третью шляпную Коробку, он поднялся по каменным ступеням, открыл одну из двойных дверей и проскользнул внутрь. Косгроув действовал столь же быстро: оставив лошадь у дальней стены здания, он подобрался к одному из окон с цветными стеклами. Требовалось немало храбрости, чтобы добровольно войти в церковь с грузом совершенных преступлений. Маркиз смотрел, как в темноте фигура Брэмуэлла подошла к передней скамье. Он поставил коробку. Затем подошел к дверце за алтарем и постучал три раза, подождал, снова постучал дважды и вышел из здания. Косгроув не спеша вернулся к своей лошади.

Этот стук был сигналом, которым он, очевидно, пользовался не в первый раз. Брэмуэлл Лаури Джонс, второй сын герцога Левонзи, — Черный Кот. Теперь это было ясно. Умный мерзавец!

Утром Кинг вернется в эту маленькую Божью обитель и заставит священника подписать признание в том, что происходило. Щедрое пожертвование, а еще лучше угрозы убедят Божьего служителя.

Он верил в свою удачу, но ничем, кроме как волей провидения, нельзя было объяснить это везение. Ибо он уже некоторое время ожидал, что все кончится смертью Брэмуэлла. Жаль, что он не может заставить судебную систему Англии сделать это за него. А чтобы все выглядело еще интереснее, он завтра сообщит своей нареченной, что их свадебные планы немножко изменятся.

— Вы уверены, что хотите пройти пешком? — спросила Розамунда, помогая Изабель Уоринг вылезти из коляски, которую они одолжили у лорда Куэнса.

— О да! — горячо заверила ее Тибби. — В карете слишком трясет, мне неудобно, но я не могу сидеть на месте целый день. Мне даже хочется покататься верхом, а два года назад я боялась лошадей.

Это звучало интересно, ибо она вышла замуж за самого известного коннозаводчика в стране. Роуз велела кучеру ехать вперед и подождать их в дальнем конце парка.

— Я так благодарна, что вы присоединились ко мне, — сказала ей Тибби. — Бет настояла, чтобы Элайза сегодня утром пошла с ней по магазинам. А для Бет это означает пробежать расстояние от Марафона до Бонд-стрит.

Роуз расхохоталась. И на ее желудок неприятно подействовала тряская коляска, но когда они начали свою прогулку по красивым дорожкам Сент-Джеймс-парка, ей стало лучше. Пока она не подумала о Брэме, что снова взволновало ее.

Он любит ее. Даже если произойдет что-то страшное и она не сможет вырваться из лап Косгроува, Брэм Джонс любит ее. Это главное.

— Чему это вы улыбаетесь? — спросила Тибби, потянув Роуз за руку.

— О, не знаю. Вообще-то мне редко приходилось улыбаться в эти последние дни. Но какое прекрасное утро!

— Да, очень приятное. А Брэм — очаровательный мужчина.

Роуз покраснела.

— А несколько дней назад не вы ли пытались Убедить меня быть с ним поосторожнее?

— Было бы недобросовестно с моей стороны не сделать этого. Но должна вам сказать правду. Я никогда не видела его таким, каким он становится в вашем присутствии.

У нее екнуло сердце.

— И это хорошо?

— Да, я так считаю. Не хотела бы я оказаться на месте мужчины или женщины, которые вызвали бы его гнев.

— А теперь?

Роуз похолодела, услышав этот тихий протяжный голос позади них. Она не знала, что испугало ее больше — появление Косгроува или его способность находить ее, где бы она ни была.

— Тибби, пожалуйста, уходите, — шепнула она.

— О, я бы этого не советовал. Я опасаясь, что миссис Уоринг, в ее деликатном положении, одна может споткнуться и упасть.

Мгновенно отпустив руку Изабель, Роуз повернулась к маркизу, становясь между ним и подругой.

— Что вам надо? — резко спросила она.

Взгляд ангельских голубых глаз лениво смерил ее с головы до ног.

— Не думаю, что вам понравится, если я на публике скажу, что мне от вас надо.

— Если вы явились сюда только ради угроз и оскорблений, то советую вам записать их и потом отослать мне, чтобы сейчас мы могли продолжить нашу прогулку.

— Надо же, какая вы храбрая сегодня. Меня это радует, потому что у меня есть прекрасные новости. Во всяком случае, для меня.

Изабель схватила Роуз за руку.

— Мы здесь не одни, милорд. Вам необходимо следить за своими словами и поведением.

— Я просто очень взволнован.

Косгроув шагнул к Роуз, и она собрала все силы, чтобы не отступить перед ним. Случайный наблюдатель, человек светский, мог бы, вероятно, подумать, что все учащавшиеся ее встречи с маркизом были свидетельством его ухаживаний за ней, чего и добивался ее отец. Только оказавшись рядом, можно было почувствовать в воздухе напряженность и страх.

— Если вы не желаете уйти, то скажите, какое у вас ко мне дело, и покончим с этим.

— Осторожнее, моя дорогая, а то я подумаю, что не нравлюсь вам. Объявление о нашей помолвке послано в «Таймс», сама помолвка назначена на субботу, и мы просто не можем допустить, чтобы кто-то подумал...

— На субботу? — тихо простонала Роуз. Казалось, воздух покинул ее легкие, стало нечем дышать. — Это через четыре дня. Вы же сказали...

— Да, сказал, что мы объявим о помолвке в конце месяца, но вы не были очень сговорчивы, не правда ли? Я мог бы сделать так, чтобы объявление появилось завтра.

— Так почему не сделали?

— Потому что, моя дорогая, все удовольствие в предвкушении. Я хотел предоставить вам с

Брэмуэллом несколько дней, чтобы вы увидели, как будут развиваться события дальше.

О Боже! Сможет ли она за четыре дня устроить свой побег из Лондона? Она должна сбежать, не захватив с собой никакой одежды, кроме той, что была на ней, и не зная, куда ей направиться. И не было рядом Брэма, с кем она могла бы поговорить, кто мог бы помочь, хотя бы просто побыть с ним рядом.

— Вот так-то, — тихо сказал Косгроув.

Изабель тронула ее плечо, и Роуз очнулась. «Думай же, черт побери!»

— Вы сказали «события»... Что вы еще придумали?

— А вы становитесь все умнее, не правда ли? Очень хорошо. Я послал одного из моих людей в канцелярию Кентербери. Он как раз вчера вернулся с особым разрешением на наш брак. — Косгроув растянул губы в улыбке, показывая свои безупречные зубы. — Мы могли бы пожениться завтра. И даже сегодня к вечеру.

Вдали, словно издеваясь над ней, церковный колокол пробил одиннадцать часов. Роуз сильно, едва ли не до синяков, сжала руку Изабель. Но она не могла отпустить ее. В противном случае — свалится на землю.

— Я не выйду за вас замуж, — наконец произнесла она.

— Даже ради того, чтобы спасти репутацию вашей семьи? Я ведь могу выставить их из дома, как вы понимаете.

Он выглядел при этом совсем спокойным, что еще больше встревожило девушку.

— Вы не даете никаких гарантий оставить им дом, если мы действительно поженемся. Разве это справедливо?

Маркиз с усмешкой посмотрел на нее.

— Какая умница, — помолчав, проворчал он. — Есть еще одна мелочь, над которой надо подумать, Роуз.

Она не хотела спрашивать, что это могло бы быть. Она только сжала зубы и смотрела на него, надеясь, что он не заметит охватившую ее дрожь. Она была почти уверена, что, будь она мужчиной, она бы выхватила пистолет и застрелила его.

Маркиз словно знал все, о чем она думала. И улыбнулся еще шире.

— Мне следовало бы скрыть это от вас, — наконец сказал он, — но я не люблю, когда мои друзья не знают фактов, которые им необходимо учитывать, чтобы принять правильное решение.

— Оставьте их при себе, — небрежно бросила она. — Мне не интересно, что вы еще придумаете. Я не выйду за вас.

— У меня есть доказательство, что лорд Брэмуэлл Джонс — вор, Черный Кот.

Роуз собиралась ответить, что он озлоблен и безумен, но в эту минуту Изабель ахнула. Не от удивления, а от ужаса. О Господи! Этого не может быть! Она начинала понимать степень нависшей угрозы, которая казалась чудовищной.

— Если вы не согласитесь объявить о нашем браке через четыре дня и стать моей женой — через пять я добьюсь его ареста и приложу все усилия, чтобы его повесили. — Он поднял руку и взял ее за подбородок. — Вы меня понимаете?

Она отшатнулась:

— Это какая-то нелепость.

— Не выводите меня из себя, моя дорогая, — тихо сказал он, — или я женюсь на вас немедленно, а с Брэмуэллом Джонсом будет покончено. — Он небрежно поклонился: — До скорой встречи, леди.

Роуз смотрела ему вслед, он неторопливо уходил. Всего несколькими словами он сократил вдвое дни ее свободы, вынуждая ее пересмотреть план своего побега, и заявил, что человек,

которого она начинала считать порядочным и даже благородным, оказался пресловутым вором-домушником. Ей начинало казаться, что она вообще не сможет спастись.

Изабель потянула ее за руку.

— Пойдемте, — сказала она и потащила Роуз к дальнему углу парка. — Мне надо рассказать Салливану, что произошло.

Роуз внезапно остановилась.

— Косгроув сказал правду, да?

— Роуз, я...

— Вы знали, а я не знала.

— Вам надо расспросить об этом Брэма. Но пойдемте же! У вас мало времени.

Да, у нее оставалось совсем мало времени. Как и у Брэма. И это значило, что пришло время для... некоторых проклятых ответов, которые мог дать человек, знающий явно больше, чем он говорил.

— Так какова ваша цена? — спросил Брэм, сдерживая нетерпение.

Мистер Пейджи-Райт опустил лупу.

— Она подлинная, — с благоговением произнес он, снова поворачивая вазу. — Эллинская эра.

— Как я и сказал. По-вашему, сколько она стоит?

— Как вы можете расстаться с таким великолепным произведением искусства? — Табачный торговец, поворачиваясь к Брэму, на мгновение остановил взгляд на египетском церемониальном жезле, украшавшем стену кабинета.

— Чем больше вы восхищаетесь ею, тем более высокую цену я запрошу.

— О Господи, конечно! — сдержанно усмехнулся Пейджи-Райт. — Могу предложить вам за нее пятьдесят фунтов.

— Пусть будет сотня... и ваза ваша. Вместе с жезлом. Торговец протянул руку:

— Дело сделано, милорд. Я вам очень благодарен, что вы пригласили меня.

Брэм пожал ему руку.

— Я слышал, что вы интересуетесь такими вещами, а мне немного надоела накопившаяся на них пыль.

Имея репутацию человека, который делает все, что ему хочется, он мог распродать небольшую часть своей коллекции, не вызывая слухов, что нуждается в деньгах. Он злоупотреблял своим везением, но его положение не было настолько шатким, чтобы кто-нибудь заметил, если бы оно еще немного поколебалось.

— Я приготовлю вам деньги к трем часам, если вам это удобно.

— Вполне. — Брэм устроил настоящий спектакль, доставая карманные часы. — А теперь, извините, меня ждут дела.

— Конечно. Еще раз благодарю, милорд. — Торговец вышел следом за ним в холл и остановился. — Еще минутку. Я слышал о вашей коллекции, но немного... опасался обращаться к вам. И рад признаться, что у меня было неверное представление о вас.

— Нет, оно было верным, — ответил Брэм, давая знак Хибблу. Дворецкий распахнул дверь. — Но сегодня вторник. Я становлюсь на тропу святых и праведников.

— О!.. — неуверенно усмехнулся Пейджи-Райт и поклонился.

Торговец ушел, и Брэм вернулся в свой кабинет. Он не спал почти три ночи, но, учитывая его последнюю сделку, у него уже скопилось почти шесть тысяч фунтов наличными. Имея больше денег, он мог делать более высокие ставки, это был риск, но в его распоряжении оставалось всего девять дней. А зная Косгроува, можно было ожидать, что в последнюю минуту встанет вопрос о процентах, и это означало, что Брэм должен быть готов выплатить и их.

Хиббл постучал в полуоткрытую дверь:

— Милорд, к вам пришли. Дама.

— Кто она? — привычно спросил Брэм, не отрываясь от своих счетов. Он полагал, что мог бы продать Титана обратно Салливану, но это оставило бы его друга без гроша.

— Она не назвалась, милорд.

— Все равно меня нет дома. Гони ее прочь!

— Да, милорд. — Дворецкий, поклонившись, исчез. Огаст не хотел одолжить ему десять тысяч, но, может быть, он согласится дать хотя бы пять тысяч. Конечно, было еще одно место, где бы он мог попросить денег, но он не имел намерения делать это. Никогда. Уже и так достаточно неприятно, что он вынужден полагаться на ежемесячное пособие от герцога, когда

Левонзи был расположен выплачивать его. Если бы не нужда, он бы больше никогда не посмотрел на старого ублюдка. Но жизнь диктует свои правила.

В дверь снова постучали.

— Милорд! Она настаивает.

— Я тоже. С визитами дам покончено, Хиббл. — И как ни удивительно, он верил в это. За эти последние несколько недель он стал однолюбом, независимо от того, получит он эту женщину или нет. — Избавься от нее.

— Я пытался, сэр. Она угрожает побить меня.

Брэм поднял голову:

— Все еще никакого имени?

— Никакого, милорд. Черт бы ее побрал!

— Ну а как хоть она выглядит?

— Довольно неказистая, особенно на ваш вкус, милорд, — с привычно бесстрастным видом ответил Хиббл. — Рыжеватые волосы и даже веснушки.

Брэм вскочил на ноги с такой быстротой, что стул, опрокинувшись, отлетел назад. Не говоря ни слова, он промчался мимо удивленного дворецкого и вылетел в холл. В нем никого не было, как и в гостиной, мимо которой он проходил.

— Где она? — грозно спросил он, обернувшись.

— На ступенях у входа, милорд. Я не мог впустить ее без вашего разрешения...

Брэм распахнул дверь.

За ней стояла Розамунда. Она прикусила нижнюю губу, и вид у нее был крайне растерянный.

— Входи, — сказал он и оглядел кишевшую людьми улицу. Она очень рисковала, придя к нему. Наверняка что-то случилось. Скорее всего очередная неприятность.

— Ты всегда заставляешь визитеров ждать за дверью? — резко спросила она, торопливо проходя в дом мимо него. Она сняла шляпку и почти швырнула ее изумленному Хибблу. — Не слишком гостеприимно, ты не находишь?

— В высшей степени, — согласился Брэм, пытаясь догадаться, что случилось. Розамунда казалась страшно усталой и сердитой. — Последнее время я отказываюсь принимать женщин. Я не ожидал, что ты придешь, поэтому не предупредил дворецкого о единственном исключении.

Стягивая перчатки, она пошла по коридору.

— Где мы можем поговорить? — спросила она тем же напряженным тоном. Брэм указал на ближайшую дверь:

— В моем кабинете. Хочешь чаю или чего-нибудь? Кофе? Кларета?

— Я ненадолго. — Она вошла в кабинет.

Со смешанным чувством беспокойства и изумления Брэм подозвал Хиббла.

— Кто бы ни пришел ко мне, будь это сам король, запрещаю меня беспокоить.

Дворецкий наклонил голову:

— Слушаюсь, милорд.

Войдя в кабинет, он сразу же закрыл за собой дверь и запер ее. Было ясно, что сегодня Розамунда не заботилась о своей репутации, да и он тоже хотел лучше понять причину ее поступка, чем его последствия.

— Что случилось, Роуз?

— Откуда у тебя это кольцо?

Проклятие! Когда логика оказывалась бесполезной, он всегда заменял ее бравадой.

— Это мое кольцо.

Розамунда взмахнула рукой. Брэм перехватил ее прежде, чем она смогла ударить его. Не

выпуская ее руку, он притянул ее к себе и посмотрел в ее ярко-зеленые глаза.

— Не бей меня.

— Черный Кот — это ты! Как ты смеешь приходить ко мне, клянясь, что изменился и что отныне будешь всегда делать добро, а сам в это время обкрадываешь людей?!

— Я никогда в жизни не говорил «всегда», — ответил он, отпуская ее, пока ее гнев не перешел в панику. Ее уже достаточно пугали. — А почему возвращение моего кольца делает меня Черным Котом?

Она снова приблизилась к нему:

— Не обманывай меня, Брэмуэлл Лаури Джонс! Я доверила тебе свою жизнь.

Он задумался на минуту, видя, как глубоко под внешним беспокойством скрывается ярость. И обида, и боль. Воль, которую причинил он.

— Ладно, — медленно произнес он. — Да. Я — Черный Кот.

— Почему? — воскликнула она, и слезы подступили к ее глазам. — Тебе незачем отнимать что-то у других.

Брэм свел брови. Отказ от прежней жизни и объяснение причин были совершенно разными понятиями, начал осознавать он.

— Сядь.

— Я не хочу сидеть! Ты мне расскажешь, что...

— Расскажу, — перебил он ее. — Это займет минуту. Я очень долго был глупцом.

Еще раз с подозрением посмотрев на него, она села, выбрав место поближе к двери, вероятно, для того, чтобы легче было сбежать. Брэму это не понравилось, но он мог ее понять. Он развернул стоявший рядом с ней стул так, чтобы видеть ее лицо, и уселся сам.

— Я должен немного вернуться в прошлое, иначе это будет трудно понять. Так что потерпи, ладно?

Розамунда кивнула:

— Хорошо.

— Спасибо. Я не привык исповедоваться. — И ему страшно хотелось выпить, хотя это мало бы помогло в данную минуту. — Когда мне было шестнадцать, — заговорил он, — я чем-то рассердил герцога. Точно не помню, чем именно, кажется, я подрался в школе. Во всяком случае, мое поведение поставило его в неловкое положение, и он вызвал меня в Лондон, где популярно объяснил, какое место я занимаю в семье. Меня зачали только потому, что требовался второй сын — на случай если с первым что-то произойдет.

— Я сожалею, Брэм, но в этом нет ничего необычного. Ситуация достаточно типичная.

— Я это знаю! — резко сказал он, затем постарался сдержать свое возмущение, навеянное неприятным воспоминанием. — И знал практически со дня своего рождения. Но Огаст только что женился, а я никогда не подходил под клише «образцовый ученик». «Истинное наказание» — так называл меня, насколько я помню, мой учитель. А вместе с ним и герцог. Когда Огаст произвел на свет наследника, я стал совершенно бесполезен для семьи. Хотя и до этого события я чувствовал себя точно так же. Отец сравнивал меня с парой сапог, которые он не любил, но хранил под кроватью на случай, если хорошая пара износится так, что ее нельзя будет починить.

— Это было жестоко, — сказала она уже более спокойным тоном.

— Я тоже так думал. В ответ я решил стать парой сапог — неудобных, слишком больших по размеру и полных колючек, — которые бы ранили его ноги, мешали ходить, как бы он ни старался не замечать этого. Спустя пару дней я разыскал Кингстона Гора и все рассказал ему. Он согласился стать моим ментором.

— Ты связался с ним, когда тебе было шестнадцать?

— И очень охотно. Я проложил себе путь через все смертные грехи и большинство не

одобряемых обществом пороков. — Он пожал плечами. — Это привлекло внимание герцога, что я и считал своей целью. Левонзи угрожал лишить меня поддержки или заставить вступить в армию. Последнее ему удалось. У меня был тогда единственный друг. Он тоже вступил вместе со мной в армию, и в минуту опасности это помогло мне сохранить на плечах свою голову... то, что я познакомился с Финном Бромли, по-видимому, немного исправило меня.

— А Салливан Уоринг?

— С ним я встретился несколько лет назад. Хочешь знать, что было дальше?

Роуз кивнула. Брэм пристально посмотрел на нее:

— Сначала дай мне слово, что то, что я расскажу, останется между нами. Оценивай, как хочешь мои глупости, но не касайся моих друзей.

Она взглянула на него:

— Ладно, даю тебе слово. Дружба — это святое.

— Ну слушай. Когда Салливан вернулся с континента, он обнаружил, что пропали картины его матери. Я рассказал ему, когда и где обнаружил некоторые из них, он выкрал их. Тебя тогда не было в Лондоне, но, по-моему, газеты дали ему прозвище Мародер из Мейфэра.

— Боже милостивый!

— Значит, ты слышала это имя?

— Да... В тот год мама отказалась отпустить нас в Лондон из-за участвовавших краж.

— Но он больше этого не делал. Однако в прошлом году Фин оставил армию, чтобы помочь своему брату. По ряду причин, о которых я не стану сейчас говорить, он проехал Суссекс под видом разбойника с большой дороги.

— У тебя... интересные друзья.

— Да. Их поступки подали мне блестящую идею — проникать в дома некоторых друзей герцога и избавлять их от нескольких безделушек. А потом я рассказал герцогу о том, что делаю. Он страшно разозлился. Вот поэтому-то у меня сейчас нет денег, чтобы заплатить Косгроуву за тебя.

— И в результате он лишил тебя поддержки.

— Да он лишил бы меня и головы, если бы нашел способ сделать это, не поднимая шума. Но если это имеет для тебя значение, я прекратил кражи. Вчера ночью я сделал это в последний раз: вернул свое кольцо. Черный Кот больше не появится.

— Почему ты решил остановиться?

— Потому что я встретил девушку, которая имела законные основания презирать собственную семью. Но она захотела оставаться верной родным намного дольше, чем следовало бы, — просто потому, что считала это правильным. Это заставило меня понять, что я был идиотом, превратился в пустого болтуна, в чем меня и обвиняли.

У нее вспыхнули щеки.

— Сейчас я хотела бы чего-нибудь выпить. Что ты предпочитаешь? Виски?

— Это самое противное.

— Вот и хорошо.

Он молча подошел к своему столу и вынул из нижнего ящика бутылку и два бокала. Наполнив их, Брэм протянул ей один и снова сел.

— Советую сделать один большой щедрый глоток. Не держи его долго во рту.

Она последовала его совету и закашлялась. Брэм вынул бокал из ее пальцев, поставил его на стол и затем опустошил свой. Ведь было бы неприлично позволить леди пить в одиночку.

— Хорошо... — чуть отдышавшись, сказала она. — У тебя это выглядело намного проще.

— Практика. — Он подождал, пока ее кашель не утих. — Ты меня ненавидишь?

Это был идиотский вопрос, но в ответ она отрицательно покачала головой. И радость

заполнила его всего.

— Если бы я была мужчиной и моложе, когда это все случилось, то не уверена, что действовала бы иначе.

— Нет, — возразил он. — Ты лучше меня. — Он дотронулся до ее плеча и тут же опустил руку. — Как ты догадалась, что я — Черный Кот?

— Тебя выдал Косгроув. Должно быть, он видел тебя прошлой ночью, — ответила она, снова побледнев. — Это дало ему повод высказать новые угрозы в мой адрес.

Брэм насторожился, все его чувства обострились.

— Хорошо, что ты пришла ко мне, — сказал он как можно спокойнее. — Чем он теперь угрожал?

— Сегодня утром он нашел меня, когда я с Тибби гуляла в Сент-Джеймс-парке. Он сказал, что у него есть доказательство, что ты — Черный Кот... и что если я попытаюсь сбежать, он добьется твоего ареста. И что он отослал объявление о помолвке в «Таймс». Оно должно появиться в газете в субботу.

Кровь отлила от лица Брэма. Четыре дня... Что он успеет за это время?

— А свадьба будет назначена на следующий день после этого. Он сказал, что уже получил из Кентербери разрешение.

Конечно, получил. Косгроув не забывает о мелочах. Брэм встал.

— Нам надо вывезти тебя из Лондона. Сейчас же. — Он распахнул дверь и позвал: — Хиббл!

В конце коридора показался дворецкий.

— Да, милорд?

— Приготовьте мою карету.

— Слушаюсь, милорд.

Роуз наблюдала за его приготовлениями, разрываемая между чувством страха и каким-то другим чувством, которого не могла выразить словами. Брэм снова закрыл дверь и подошел к письменному столу.

— Ты выше Элайзы, но, может быть, у Тибби или Бет можно одолжить что-нибудь из одежды, пока ты не окажешься в безопасности. — Он вынул из ящика пачку банкнот и протянул ей.

— Что это?

— Здесь чуть меньше шести тысяч. Скоро я получу еще несколько сотен, но их еще надо собрать. Эти деньги помогут тебе где-нибудь неплохо устроиться. А если ты будешь достаточно бережлива, то можешь вложить часть из них в какое-нибудь прибыльное дело, и тебе не придется искать работу.

— А как же ты?

— Косгроув, вероятно, установил наблюдение за домом. Он узнает, что ты пришла ко мне. Я отвлеку внимание, а ты в это время сядешь в карету и поедешь в Бромли-Хаус, чтобы взять с собой все необходимое и горничную и уехать.

— Брэм, он сделает так, что тебя арестуют.

Он взглянул на нее и продолжал рыться в письменном столе.

— Если этот арест — часть искупления за мои грехи, то пусть так и будет. Не тебе же расплачиваться за них.

Он достал пистолет.

— Ты знаешь, как с ним обращаться?

— Господи! Нет, конечно.

— Тогда я не буду заряжать его. Попроси Фина или Салливана показать тебе, как это

делается, но не задерживайся там дольше часа. Не могу дать гарантий, что сумею задержать Кинга на более долгое время.

Ее сердце дрогнуло, боль пронзила ее грудь, и она чуть не задохнулась.

— Я не уеду, — сказала она и положила банкноты на стол.

— Это необходимо. У него есть особое разрешение, и он может затащить тебя в любую церковь и вынудить священника поженить вас. Но он больше тебя не тронет.

— А ты сам собираешься сидеть на месте и ждать, когда тебя арестуют? Думаешь его отвлечь? Он будет издеваться над тобой, а я в это время сбегу?

— Он не мог бы разоблачить меня, если бы я не допустил ошибки.

— Я остаюсь.

Брэм обошел стол и схватил ее за руку.

— Ты уедешь. Не будь, ради Бога, такой упрямой, Розамунда. Тебе лучше избавиться от нас обоих.

— Ты же не такой, как он, Брэм.

— Не будь в этом уверена, дорогая.

Ухватив свободной рукой его за волосы, она притянула его голову к своему лицу.

— Я это знаю, — прошептала она и поцеловала его. — И я уеду, только если ты отправишься со мной.

У него перехватывало дыхание, но он ответил на ее поцелуй.

— Я не могу сбежать от этого, Розамунда. — Он снова поцеловал ее теплыми и чувственными губами. — Если я сбегу, то больше никогда не смогу устоять перед соблазном легкого пути.

— Тогда мы придумаем что-нибудь еще. Потому что я чувствую, что ты все больше нравишься мне. — Мысль, что он отсылает ее в безопасное место, а сам остается, — как бы он ни верил в то, что заслуживает всего, что произойдет с ним, — причиняла ей почти физическую боль. — Есть ли у нас десять дней или четыре дня, Брэм, давай договоримся. Если ты остаешься, то остаюсь и я.

— Упрямица, — прошептал Брэм, но, казалось, его не очень огорчил ее бунт. Особенно после того, как он зацеловал ее почти до потери сознания. Наконец он поднял голову и посмотрел на нее, все еще сидевшую на стуле: — Тебе пора уходить.

— Догадываюсь. Мое семейство думает, что я ушла поболтать с кузиной. — Она усмехнулась. — Как будто Мэгги или моя тетя и дядя захотят иметь что-то общее с почти что невестой маркиза Косгроува.

— Я вот что скажу тебе, — заявил он, проводя пальцем по вырезу ее платья. — Если ты еще раз упомянешь Косгроува... каждый раз, когда упомянешь его... я буду это делать. — Он медленно поднял ее юбки, спустил панталончики и дотронулся до самого интимного места.

Роуз чуть не задохнулась.

— Прекрати это!..

— А я еще не начинал. После этого, — он осторожно раздвинул складочки, — я сделаю вот это. — Брэм опустил голову, лаская ее своим языком.

— Господи Боже! — вырвалось у нее, и она, изогнувшись, откинулась назад, вцепившись в мягкие подлокотники кресла.

Он усмехнулся, и этот звук отозвался дрожью во всем ее теле. Издав слабый придушенный стон, она потеряла власть над собой, отдаваясь воле его губ и пальцев.

Как ему удавалось так легко возбуждать ее? Как одно прикосновение мужской руки вызывало неведомое прежде ощущение?

Наконец Брэм поднял голову и посмотрел на нее страстным взглядом. Он открыл рот, но

прежде чем он успел сказать что-нибудь — Роуз сползла перед ним на пол. Обхватив его за плечи, она опрокинула его на спину и легла на него.

— Грубиянка, — тихо усмехнулся он.

— Я знаю, чего хочу. — Она поцеловала его, наслаждаясь его сильным телом, лежавшим под ней, и возбуждением, которое она чувствовала между его бедер.

— Знаешь?

— А тебе никто не говорил, что ты слишком много болтаешь?

Смех вырвался из его груди, в черных глазах вспыхнули искорки приятного изумления.

— Только мои друзья, — ответил он.

— Тогда и я должна быть твоим другом.

— А это так и есть, Розамунда. Хотя я никогда не занимался этим с кем-нибудь из моих друзей. — Он просунул руку между ними, расстегнул свои панталоны и сбил ее юбки повыше к талии.

Она медленно опустилась на него, ощутив, как возбужденный член без особых усилий вошел в нее. Ни одна женщина, с которой он делил постель, не была ему другом. Она тяжело дышала, то поднимаясь, то опускаясь, а у него вырывались стоны. Ей нравилось слышать эти звуки.

Брэм обхватил ее бедра, то подталкивая ее вверх, то опуская. Она смотрела ему в глаза и видела в них вождение и удовольствие от его все убыстрявшихся движений, сопровождавшихся первобытным рычанием, — мужчина достигал пика наслаждения.

Роуз без сил упала на его грудь, ее сердце билось так сильно, что она боялась, что оно вырвется из ее груди. Брэм обхватил ее и прижал к себе. Они долго лежали так, дышали одним дыханием, их сердца бились в едином ритме, который только что был общим для их тел.

— Теперь мне пора уходить, — наконец прошептала она.

— Потерпи немного, — сурово ответил он, когда она отстранилась от его груди, — скоро мы с тобой проведем вместе целый день... Нет, целую неделю... вместе и голые.

— Неделю? — повторила она, снова садясь в кресло, Расправляя свои юбки и зачарованно глядя на голую нижнюю половину его тела. Он был великолепен. — Мы оба умрем, когда она кончится.

Брэм улыбнулся:

— Именно так я бы и хотел умереть. Достойный конец.

Мысль о неделе рядом с ним пробудила в ней желание подумать о себе. Ибо час, день, неделю, всю жизнь в его обществе она очень хотела бы провести. Если они оба останутся живы, конечно. Как минимум.

— Что ты собираешься делать? — спросила она, когда он отпер дверь и раскрыл ее.

— У нас в запасе четыре дня. И три, чтобы мы успели отозвать объявление из газеты. У меня есть кое-какие идеи, но рассказ о них занял бы больше времени, чем их исполнение. — Он улыбнулся. — Ты должна доверять мне, Розамунда.

— Я доверяю тебе, Брэм, — сказала она, и это был честный ответ.

Он поцеловал ее в кончик носа, когда появился дворецкий.

— Спасибо. Теперь поезжай домой и при любых обстоятельствах держись от него подальше. — Брэм помрачнел. — Может, Косгроув думает, что я знаю только то, чему он научил меня, но он скоро поймет, что ошибается. Пусть это случится скорее.

— И он подошел к тебе прямо посреди Сент-Джеймс-парка? — В верхней гостиной Бромли-Хауса Салливан то подходил к окну, то отходил от него. — Ты больше никуда не пойдешь без меня в этом проклятом городе.

— Ему была нужна Роуз, — сказала Изабель, сидевшая на низкой кушетке у камина. — А я случайно оказалась рядом. И сядь, пожалуйста, Салливан, у меня уже голова болит.

Он сразу же перестал расхаживать по комнате и уселся рядом с ней. Немного успокоившись, он обнял ее за плечи и привлек к себе.

— Меня беспокоит то, — задумчиво сказал он, целуя ее золотистые волосы, — что он даже не врал, говоря, что обстоятельства изменились. Они и в самом деле ухудшились.

— Ты думаешь, Косгроув вынуждает Брэма как-то ответить ему?

— Весьма вероятно. Не знаю, будет ли для него победой, если наш друг убьет его и Брэма за это повесят.

— Но он явно не намерен быть убитым.

Салливан взглянул на жену, уютно устроившуюся рядом с ним. Изабель принесла ему радость, которую он и не думал найти в своей жизни. С такой умницей всегда было интересно. Чтобы разгадать, как работает ее быстрый ум, ему бы потребовалась целая жизнь, и он охотно искал разгадку.

— О чем ты думаешь? — спросила его жена.

— Я думаю, что ты права, и для того, чтобы не быть убитым, Косгроуву требуется действовать первым. — Он наклонился и, положив руку на ее округлившийся живот, нежно поцеловал ее. — Нам надо быть готовыми помочь ему, потому что он сам не попросит нашей помощи. И еще я думаю, что до ужаса люблю тебя.

Она ответила ему поцелуем.

— А я тебя.

Брэм сел на Титана и посмотрел на большой серо-белый дом на углу улицы. Сегодняшний день был суетлив, как день охоты на лис. Вверх и вниз. Туда и сюда. Пока он не почувствовал такую усталость, что едва держался на ногах. За завтраком ему захотелось распродать все, что у него было, чтобы удержать Розамунду в Лондоне. К полудню ему уже хотелось, чтобы она уехала немедленно, ибо Брэм был убежден, что его намерение сесть в тюрьму или быть убитым обеспечит ее полную безопасность.

Она призналась, что он нравится ей. Нравится... Как кому-то приглянулась его лошадь или собака. И даже такой малости ему было достаточно, чтобы все снова перевернулось. Если она хотела остаться в Лондоне, то он стремился обеспечить ее безопасность.

Все кончилось тем, что он оказался верхом на лошади в пятидесяти футах от дверей Джонс-Хауса. Конечно, он бывал тут и раньше; черт побери, да он здесь вырос. Последние несколько лет он приезжал сюда, только когда его звали, — получить ежемесячное пособие или выговор, приправленный угрозами и презрением.

За две оставшиеся ночи он, вероятно, мог бы выиграть достаточно денег, необходимых, чтобы откупиться от Кингстона Гора. К сожалению, существовала опасность, хотя и не очень большая, что у него не будет этой ночи или что он может ничего не выиграть. Или еще хуже — проиграть что-то из того, что уже скопил. Ведь большие цифры означали и большие ставки, большой риск.

И было еще что-то, чего в этом случае он не мог себе позволить, — потерпеть неудачу.

Расправив плечи, он толкнул коленом Титана и направил его на короткую полукруглую

подъездную дорогу. Он будет сдержанным, не даст волю своему языку и получит то, что ему так нужно. Выбора у него не оставалось.

Солидный, широкоплечий дворецкий распахнул перед ним дверь.

— Лорд Брэмуэлл, добрый день. — Он наклонил голову.

— Здравствуй, Спейк. Его светлость сейчас у себя?

— Насколько я знаю, он переодевается к обеду. Если вы желаете подождать здесь, я доложу.

Итак, он должен дожидаться в холле. Герцог, без сомнения, подумает, что если его оставить в гостиной, то он может украсть серебряные подсвечники. Левонзи, очевидно, не понимал, что целью игры было вывести отца из себя, при этом, по возможности, не касаясь его лично.

— Я не изменил своего решения, — сказал появившийся на лестнице герцог. — Ты лишен содержания.

— Да, я знаю, — ответил Брэм, решительно загоня кипевший в нем, словно в котле, гнев под крышку. — Я не поэтому здесь.

— А тогда зачем же? Мы с Огастом сегодня вечером обедаем с членами кабинета министров.

— Мне надо поговорить с вами наедине. — Может быть, Спейк и хранил секреты герцога, но Брэм не собирался доверить дворецкому тайны Розамунды.

На лице герцога дрогнул мускул.

— Тогда пройдем в музыкальную комнату, — сказал он и повернулся на каблуках.

Брэм поднялся следом за ним по лестнице. Ему было интересно, почему Левонзи выбрал это место; в этом доме это была самая любимая комната герцогини. Виктория Джонс — единственный луч солнца в Джонс-Хаусе. Он не сомневался, что его жизнь сложилась бы по-другому, если бы она пережила его десятый день рождения, он в этом был уверен.

Они никогда раньше не разговаривали здесь. Было ли это намеренно? Не думал ли герцог, что Брэм в этой комнате по крайней мере не станет ему дерзить? Брэм не спускал глаз с отца. Сын действительно решил хорошо вести себя, независимо от того, как пойдет разговор. Но если герцог хотел призвать себе на помощь память о жене, то, вероятно, поступки Брэма производили на старого человека большее впечатление, чем он предполагал. В данный момент это было совсем некстати.

Герцог прошел к дальнему окну уютной комнаты, а Брэм повернулся и подчеркнутым жестом закрыл за собой дверь.

— Спасибо, что приняли меня.

Левонзи достал из кармана часы.

— У тебя есть три минуты.

— Тогда я сразу перейду к делу. Вы знаете о соглашении между Косгроувом и Абернети. Почему Абернети не попросил у вас десять тысяч фунтов, которые ему нужны?

— Потому что ему все равно придется вернуть их. А тут — выгодная сделка.

— Но вы одолжили бы ему деньги, если бы он попросил?

— Почему я должен был это сделать? На содержание дочери и дальше требовались бы деньги, а в случае, если бы она позднее вышла замуж, он должен был бы дать за ней приданое. Довольно значительное, без сомнения, учитывая ее возраст и заурядную внешность.

Первым порывом Брэма было потребовать извинения, потому что Розамунда была самая незаурядная девушка из всех, кого он встречал, но что-то в словах герцога привлекло его внимание. И это заставило Брэма похолодеть.

— Абернети просил вас о займе, — с трудом выдавил он сквозь зубы. — Вы отговорили его. Герцог пожал плечами:

— Как я уже сказал, в финансовом отношении разумнее было продать дочь и покрыть долг.

— Вы верите, значит, что Косгроув будет ей хорошим мужем. Не так ли?

— Что я думаю о Косгроуве, не стану говорить в этой комнате.

— Так зачем же вы обрекаете добросердечную невинную леди на жизнь с ним?

— Совершенно очевидно, что она ему нужна, если он готов заплатить за нее. И какую еще иную пользу она может принести?

Это становилось даже более отвратительным, чем ожидал Брэм. Он подошел к арфе и слегка провел по струнам пальцами. Приятно было услышать ее мелодичное звучание.

— Что я должен сделать, чтобы получить от вас заем в десять тысяч фунтов?

Левонзи усмехнулся:

— Стать другим человеком. Брэм посмотрел на него:

— Каким вы бы желали меня видеть?

— Ха! Теперь уже поздно. Больше десяти лет ты не проявлял ко мне ничего, кроме презрения и неуважения. А она — одна из твоих любовниц? Поэтому ты хочешь выкупить ее? Господи, да она этого не стоит! Я уверен, что твой добрый друг маркиз поделится ею с тобой за значительно меньшую сумму.

— Тогда восемь тысяч фунтов.

— Нет.

— Шесть тысяч. И я верну их с процентами.

— Ты, вероятно, украл у моих друзей больше, чем на эту сумму. Употребил ее для уплаты.

— Я не оставлял себе то, что иногда брал. Отдавал все церкви.

— Тогда почему... — Герцог опустил на широкий подоконник. — Почему ты потратил столько сил, чтобы злить меня? Поздравляю с успехом. Не ожидай, что я дам тебе денег после того, что ты натворил.

— Это не для меня... Дверь распахнулась.

— Неожиданная встреча, — тяжело дыша, сказал Огаст, входя в комнату и снова закрывая дверь. — Брэм у вас в гостях, отец?

Брэм разозлился. Ему только не хватало появления этого «золотого мальчика», чтобы при сравнении с ним выглядеть еще более недостойным.

— Тебя это не касается, Огаст. Я уже обращался к тебе, а ты отослал меня сюда. Уходи.

— Он мой наследник, — заявил Левонзи, прежде чем ответил Огаст, — и он желанный гость в моем доме. А ты нет. Три минуты истекли. Прощай, Брэмуэлл.

— Так он просил у вас денег? — спросил маркиз Хейт, прислоняясь к двери, его массивная фигура была надежным засовом.

— Да, просил, — усмехнулся герцог. — Можешь себе представить такую наглость? Как будто я лишил его содержания, чтобы затем подарить деньги.

— Последний, черт побери, раз я говорю, что это не для меня, пропади все пропадом! — прорычал Брэм: крышка на кипевшем котле гнева готова была сорваться.

— Нет? А тебе не кажется, что твой дорогой друг Может потребовать десять тысяч фунтов у любой обожаемой светской дамы? Не сомневаюсь, ты вместе с ним будешь смеяться нам в лицо.

Брэм опешил. Неужели герцог так видит все происходящее? Как способ для Косгроува и для него самого посмеяться над глупостью светского общества?

— Я забочусь только о том, как избавить леди Розамунду от обязательств перед Косгроувом. И вы ничего не потеряете, я все вам верну. И я не смеюсь над такими вещами.

— Ты считаешь, что я настолько наивен?

— А я думаю, что Брэм говорит правду, отец, — неожиданно вмешался Огаст.

На мгновение в комнате наступила мертвая тишина. И Брэм, и его отец смотрели на Хейта. Брэм сжал челюсти, чтобы не открыть рот от изумления. Видимо, и Левонзи испытывал нечто подобное.

— Такты на его стороне? — наконец спросил герцог.

— Я говорю, что считаю его мотивы честными.

— Это слова. Всего лишь слова. Приведи мне хотя бы маленькое доказательство, что это не грязный заговор, не еще одна попытка сделать из меня дурака и заставить расстаться с десятью тысячами фунтов, которых я уже никогда не увижу.

Хорошо еще, что Левонзи не захлопнул перед ним дверь, чего он более чем заслуживал. Переведя дыхание и коротко попросив Бога пожалеть если не себя, то Розамунду, Брэм снял с пальца кольцо с рубином и положил его на фортепиано.

— Я порвал с Косгроувом, — сказал он. Вероятно, его тихий голос произведет большее впечатление, чем если бы он кричал. — Навсегда. Я украл это кольцо, если вы хотите знать, как я вернул его. И я возвращаю его вам. Я знаю, вы жалеете, что отдали его мне.

— Да, жалею. — Левонзи подошел, схватил кольцо и снова отошел к окну. Он осмотрел кольцо, как будто проверял, не повредили ли его.

— Это была последняя совершенная мной кража.

— К чему такая жертва?

Брэм заколебался. Сказать это вслух, зная, что Розамунда не ответила на его чувство, казалось глупостью. Ну, была не была.

— Я задумался над своей жизнью, отец. По-новому оценил ее и понял, что она заведет меня в тупик.

— Что же тебя подвигло на это? — источая сарказм, спросил Левонзи.

— Любовь.

— И чья это жена?

— Пока еще ничья. Через четыре дня она будет официально помолвлена с Кингстоном Гором.

— Рад за тебя, Брэм, — тихо сказал его брат. — Давно пора.

— Ты можешь поверить в эту чепуху, которую он тут несет? — возмутился Левонзи. — Но меня не втянуть в какую-то аферу, чтобы снова я оказался в дураках.

Все правильно, подумал Брэм. Он слишком долго был бессердечным негодяем, чтобы разом сорвать эту личину, присосущую к его коже.

— В таком случае извините меня, я спешу к игорным столам. Мне надо выиграть еще четыре тысячи фунтов, нет, восемь, чтобы подстраховаться, до пятницы. Это был последний срок. Кроме того, ни Косгроув, ни Абернети уже не успеют отозвать свое объявление о помолвке из «Таймс».

— Восемь тысяч? — повторил Огаст. — Я одолжу их тебе.

Брэм замер на полдороге, его сердце наполнилось внезапной надеждой, которую он чувствовал только в присутствии Розамунды.

— Ты же сказал, чтобы за деньгами я обратился к Левонзи.

— Что ты и сделал. Я нахожу твои причины убедительными. Приходи ко мне утром.

Брэм разрывался между желанием обнять брата и убежать поскорее, пока Хейт не передумал, но решил остаться.

— Спасибо тебе, Огаст. От души.

— Пожалуйста. Рад, что смогу помочь.

И спасибо всем святым, кто приложил к этому руку. Теперь он мог спасти ее. Свою Розамунду. И у него появился шанс спастись самому. Хотя ситуация продолжала оставаться

сложной.

— Вы должны знать, что Косгроув считает, что Черный Кот — это я.

— Мы в этом разберемся, когда придет время. Левонзи возмущенно прорычал:

— Я лишу тебя наследства, Огаст, если ты дашь ему хоть один шиллинг!

Огаст поднял голову:

— Тогда вы останетесь без наследника, отец.

— Я назначу наследником Оскара. Титул не достанется тебе.

— Это ваше право, конечно. Но я сомневаюсь, что мой сын откажет своему дяде в восьми тысячах фунтов.

— Тогда я откажу в наследстве всем вам, неблагодарные, недостойные мерзавцы!

Маркиз Хейт пожал плечами:

— Пусть так и будет. Радуйтесь, что вы, отец, станете последним герцогом Левонзи. Если не смягчите свое сердце и не предоставите Брэму последний шанс.

Герцог переводил злой взгляд с одного брата на другого. Брэм сомневался, что Огаст действительно рискует потерять все свое наследство и способность содержать семью из-за поддержки заблудшего младшего брата, но вопрос был в том, верил ли в это Левонзи. Или, по крайней мере, верил ли он в искренность этого поступка.

— Ну, — наконец проворчал герцог и безнадежно махнул рукой, — делай что хочешь, Огаст. Я не участвую в оказании помощи этому негодяю.

Огаст кивнул:

— Тогда пойдёмте обедать. Я жду тебя завтра в десять часов, Брэм.

Брэм понимал намек, что ему следовало удалиться. Брат отступил в сторону, и он открыл дверь.

— Ты спас меня.

— Теперь мы не успеем сделать тебе приличное свадебное платье, — раздраженно вздохнула леди Абернети. — Пусть будет по-твоему и ты наденешь что-нибудь, в чем мы все тебя уже видели.

— Да, мама. — Роуз застегнула ожерелье. Больше всего ей хотелось, чтобы мать перестала топтаться в дверях ее спальни. Мысль о том, что ей — пусть даже в мелочи — разрешили поступить по-своему, была непривычной. Однако если бы она имела право голоса — так бы и поступила. Живи она в совершенном мире, она никогда не вышла бы замуж за Косгроува и ей не приходилось бы спасаться бегством.

Только она не была уверена, что где-то существует мир, хотя бы отдаленно напоминающий совершенство. А в настоящем у нее была лишь одна причина выйти замуж за маркиза: надо было защитить Брэма. Она думала об этом, когда заявила, что не уедет без него, независимо от того, что он там говорил о кражах и Черном Коте. Он был обижен на судьбу, находился в опасности и все-таки даровал ей надежду, предложил реальную помощь.

— Пойдем, Роуз, — позвала ее Беатриса, спускавшаяся по лестнице. — Ты же знаешь, когда Фиона говорит, что мы должны приехать в семь, она имеет в виду половину седьмого.

— Да, Беа.

Фиона, леди Твейн, любила делать вид, что ее званые обеды намного важнее, чем были на самом деле. И Роуз впервые не перевела стрелки у чьих-либо часов, поэтому ее мать была готова уже целый час. Беа все еще выбирала шляпку, а Джеймс дремал в бильярдной. И она ни капельки не чувствовала себя виноватой.

В холле мать с Беа болтали, ожидая, когда отец стащит Джеймса вниз по лестнице. К счастью, эти двое не давали никакой возможности вмешаться в их разговор, ибо Роуз,

погруженная в свои мысли, не обращала на них особого внимания.

Только очень тонкая преграда из надежды и веры отделяла ее от впадения в абсолютную панику. Она верила, что Брэм сделает все возможное, чтобы исправить положение. Но пока еще боялась, что он не сможет закончить дело через три дня и при этом не погубить себя. Теперь его благополучие беспокоило ее. Как бы она ни хотела поступить правильно и защитить свою семью, она твердо решила бежать. А теперь все изменилось, и она снова ступила на опасный путь — только для того, чтобы дать ему шанс оправдаться, спасти его. Жизнь вновь оказалась запутанной, бестолковой.

В какой-то момент, когда она уже будет готова почувствовать себя счастливой, может случиться что-то ужасное. Она остановилась на полпути к карете и краем глаза заметила у дома чью-то тень. Человек шевельнулся, указав ей на двор у конюшни. Брэм.

— Я сейчас вернусь, — сказала она, возвращаясь к дому. — Возьму другую шаль.

— Поспеши, Роуз, ради Бога. Я не хочу опоздать.

— Да, Беа.

Она вбежала в дом. Что-то случилось? Не пришел ли он сказать ей, что у них совсем нет времени и бежать придется прямо сейчас? Решил ли он уехать вместе с ней? Она все еще на это надеялась. Жизнь с Брэмом — даже тайная и в грехе — была бы предпочтительнее той, что готовили ей ее родители. У двери в кухню Брэм схватил ее за плечо и повернул лицом к себе. Она не успела и ахнуть, как он прижался к ее губам в страстном поцелуе.

Роуз прильнула к нему, ухватившись одной рукой за лацкан сюртука, а другую погрузив в его волосы. Когда это произошло, все вокруг потеряло свое значение — близость Брэма Джонса возносила ее к небесам.

— Здравствуй, — прошептал он, покрывая поцелуями ее лицо.

— Здравствуй. — О, как ей не хотелось спрашивать его, не случилось ли чего-нибудь плохого! — Что привело тебя сюда? — только и решилась спросить она.

Он еще раз поцеловал ее.

— Ты. Я хочу тебя, Розамунда. Приятная дрожь пробежала по ее телу.

— Меня ждет карета.

— Да, я видел. — Он заправил за ухо выбившуюся прядь ее волос. — А я уже был готов еще раз забраться к тебе через окно. Куда ты собралась?

— Одна из подруг Беатрисы пригласила ее на обед. Сестра настаивала, чтобы я поехала с ней. Полагаю, что Беа сказала ей, что я выхожу за Косгроува, и Фиона беспокоится, потому что я поймала маркиза, а она — всего лишь виконта.

— Ты не выходишь за маркиза.

Это прозвучало так... уверенно, категорично. Если бы это сказал кто-то другой, она бы испугалась, но уже несколько раз она не соглашалась с ним, и он уступал. Она думала, что никто раньше не ставил ее желания и потребности выше своих собственных. Она ответила ему долгим взглядом, смотрела на его четкие, красивые черты лица и видела ум в его черных глазах и появившиеся в них веселые искорки. Роуз свела брови.

— Что случилось?

— У меня есть деньги.

От этих слов у нее замерло сердце.

— Не может быть, — прошептала она дрожащим голосом.

Брэм кивнул улыбаясь. Непривычное выражение появилось на его лице. Казалось, оно светилось от счастья. У нее дрогнуло сердце.

— Не все они у меня на руках, иначе я бы с ними пришел к тебе через парадную дверь. Но Огаст обещал мне завтра утром одолжить еще восемь тысяч. И вместе с теми, которые уже у

меня, этой суммы достаточно, чтобы откупиться от Косгроува и даже заплатить проценты, какие бы он ни потребовал.

— Слава Богу! — чуть не закричала Роуз, всплеснув руками. Тяжелейший груз свалился с ее плеч. Она прижалась к Брэму и целовала его жаркими, обжигающими поцелуями.

Он сделал это. Он спас ее. Вдруг поняв, как ее неожиданная страстность должна быть истолкована столь закоренелым распутником, как Брэм, она отстранилась.

— Я целую тебя не потому, что ты достал деньги, — краснея и смущаясь, пробормотала она. — Я хочу сказать, что я, нет, не то... что, конечно, но...

— Для тебя это облегчение, — перебил он, по-прежнему улыбаясь. — Ты счастлива. И в этом нет никакой вины. И честно признаюсь, мне очень приятно целовать тебя, Розамунда.

Неожиданно что-то шевельнулось у нее внутри. «Это ничего не значит», — сказала она себе. И ей не надо знать почему. Но очевидно, она все же догадывалась.

— Почему тебе нравится целовать меня? Черная бровь приподнялась.

— Что ты сказала? Роуз заколебалась.

— Я так признательна тебе и, конечно, сделаю все, чтобы отблагодарить тебя, но...

— Роуз, — перебил он с погасшей улыбкой, — что тебя мучает?

— Я высокая, Брэм. С плоской грудью. У меня веснушки. Я далеко не красавица. А ты знал множество женщин более привлекательных, чем я. И если ты чувствуешь, что почему-то обязан проявлять свою симпатию ко мне, то это совершенно не нужно. Или это объясняется тем, что ты видишь сходство наших отношений с родителями или какое-то родство душ, но это еще не значит, что ты должен...

— Что я должен? — рассердился он.

— Говорить, что любишь меня. Я ничего не ожидаю...

— О, хватит об этом! — Он взял ее за плечи, посмотрел ей в глаза и как будто одной силой воли заставлял не отводить взгляда. — Как ты, наверное, поняла, я не девственник, Розамунда. Я повидал мир и показал себя, оказывался в разных ситуациях. Я спал со столькими женщинами, что трудно вспомнить. И ты думаешь, что мое сердце тронут обязательства или жалость?

Она покачала головой:

— Нет. Но...

— Ты самая умная, красивая и чистосердечная женщина из всех, кого я когда-либо встречал. Мне нравится беседовать с тобой, а я терпеть не мог болтать с женщинами. Ты словно свеча в окружающей меня темноте. И если мне когда-нибудь повезет и я завоюю твое сердце, как ты завоевала мое, я... — Он помолчал. — Пожалуйста, никогда больше в моем присутствии не принижай себя.

Боже!

— Спасибо тебе, Брэм, — прошептала она с полными слез глазами.

— Тебе спасибо. И если мое признание ты принимаешь, я буду считать, что жил на свете не зря. А сейчас возвращайся к своим родным. Я пойму это правильно.

Больше всего ей хотелось, чтобы он снова сделал ей предложение, ибо после произнесенной им речи она поняла, что ничего не имеет против того, чтобы провести с ним всю оставшуюся жизнь, негодяй он, или не негодяй. Она должна была честно признаться, что ей понравились рассказы, где он выступал в роли негодяя. Вполне благородного негодяя.

Только заняв свое место в карете рядом с раздраженным и нетерпеливым семейством, она вспомнила, что он нашел деньги, чтобы помочь ей, но ничего не сказал о том, как он собирается помочь самому себе.

Брэм выехал на рассвете и ехал, старательно избегая парков и дорог, по которым он раньше часто ездил. Поскольку Изабель Уоринг была рядом с Розамундой и слышала угрозы Костроува, то Салливан и Фин тоже об этом должны знать. Они будут сговариваться, как лучше всего спасти его, но, честно говоря, он этого не хотел.

Идеальным решением проблемы было бы, если бы Костроув провалился в болото или деньги удовлетворили бы его. Тогда бы Брэм сделал предложение Розамунде и она бы приняла его, а герцог предоставил бы им как постоянную резиденцию Лаури-Хаус. Будут расцветать цветы и подрастать дети, и никто не будет попрекать его позорным прошлым, и он навсегда останется порядочным человеком.

Беда была в том, что он по-прежнему чувствовал себя таким же негодяем, каким был всегда. Его друзья нарушали закон по причинам, как он считал, дававшим им такое право. Он же поступал так, чтобы сделать интереснее жизнь, становившуюся все более скучной. Один только факт, что он влюбился во время попытки совершить единственное доброе дело, едва ли мог оправдать все, что он совершил. И Розамунда была совершенно права, когда не доверяла ему.

Точно в десять часов он подъехал к Марстен-Хаусу. И немного удивился, когда не увидел герцога, пытающегося преградить ему вход в дом. Огаст действительно достал восемь тысяч фунтов наличными, не выходя из-за письменного стола.

— Как это тебе удалось? — спросил Брэм. — Я думал, что с твоим распоряжением мне придется объехать половину банков Лондона.

— У меня свои способы. Не такие таинственные или необычные, как у тебя, но есть.

— Не собираюсь спорить.

Они добавили эти деньги к уже собранным им и лежавшим в его сумке. Это было настоящее состояние, и он чувствовал сильное искушение схватить Розамунду и сбежать с таким богатством в руках.

— Теперь об этом деле с Черным Котом, — сказал Огаст, упираясь бедром в угол стола, который из вежливости даже не скрипнул. — Брэм, ты не можешь думать...

— Я негодяй, Огаст, как тебе это известно по собственному опыту. Слава Богу, все знают, что я не поддерживаю отношений с семьей, поэтому никакая сплетня или скандал не повредят тебе. Я постараюсь, чтобы этого не случилось. — Брэм встал, надел на шею тесемки сумки и перекинул ее через плечо, чтобы не потерять. Затем он протянул руку: — Спасибо. Я отблагодарю тебя, даже если это будет последнее, что я сделаю в своей жизни.

Огаст пожал его руку.

— Я это знаю. И как бы там ни было, у вас с отцом могут быть разногласия, но с какой стати нам с тобой не сохранить отношений, установившихся за эти последние несколько недель?

— Мне бы этого хотелось.

— Будь осторожен.

— Постараюсь.

К одиннадцати часам Брэм подъехал к Дэвис-Хаусу. Его сердце забило сильнее. Ведь он собирался сделать подарок в огромную сумму денег очень гордому и, вероятно, очень подозрительному человеку. А главное — увидеть Розамунду. Его Розамунду, которая не выходила у него из головы ни на минуту.

Нельзя было отрицать тот факт, что он сошел сума. А что бы произошло, если бы он попросил ее руки второй и последний раз? В том случае, разумеется, если бы его до той поры

еще не убили. Возможно, арест был меньшим из двух зол. В этом случае он мог бы надеяться, что она примет его предложение.

Он постучал в крепкую дубовую дверь медным молотком. Тишина. В одно страшное мгновение он испугался, что семья увезла невесту к Косгроуву с утра пораньше. Он уже приготовился ударить в дверь ногой, как она открылась.

— Милорд, — сказал дворецкий, умудряясь выглядеть одновременно и высокомерным, и недовольным. Ох уж эта обслуга!

— Лорд Абернети у себя?

— Если вы подождете в холле, я доложу.

Опять приходится ждать в холле. Брэм коротко кивнул, вошел и прислонился к стене, скрестив на груди руки. То, что его бесцеремонно оставили здесь, наводило на мысль, что семья заодно с этим негодяем Косгроувом.

— Чем обязан? — спросил, выходя из кабинета в сопровождении дворецкого, Абернети.

— Всего одно слово, милорд.

— Сегодня утром я очень занят. Может быть, вы оставите свою визитную карточку и придете завтра?

Брэм расправил плечи и шагнул к нему.

— Я думаю, вы захотите выслушать меня. Нахмурившись, граф отступил в сторону, пропуская Брэма в свой кабинет.

— Только побыстрее, ладно? Я еду в парламент.

— Конечно. Прикройте дверь, если можно.

Как только Абернети сделал это, Брэм снял сумку с плеча. Затем выложил ее содержимое на стол графа.

— Здесь четырнадцать тысяч фунтов, — сказал он. — Косгроув наверняка запросит двенадцать, но вы сможете заплатить все, что он потребует.

Граф посмотрел на деньги.

— Я не понимаю.

— А что тут понимать? Откупитесь от Косгроува и избавите вашу семью от его влияния.

— И вместо него буду в долгу у вас? Я не могу понять, как это может улучшить положение. Замужество Роуз снимет с нас долг. А это, — он указал на деньги, — передаст меня во власть другого дьявола.

Что это случилось со старой пословицей: «Дареному коню в зубы не смотрят»? И уж конечно, не закидывают грязью.

— Это не заем. Это подарок.

— Подарок? Вы серьезно?

— Да.

— С какой целью?

— О Господи! — Не ожидая приглашения, которое он все равно не рассчитывал получить, Брэм подошел к винному шкафчику и налил себе бокал портвейна. — Считайте, что это попытка успокоить мою совесть. Я помогал вашему сыну сойти с пути истинного, поэтому я в какой-то степени несу ответственность за его долги.

— Да, но что вы хотите получить от меня взамен?

«Вашу дочь. Меня бы устроила такая же сделка, какая была заключена с Косгроувом».

— Ничего.

— Никто не делает подарки такой стоимости, не рассчитывая получить что-то взамен. Особенно если этот кто-то похож на вас.

Брэм прищурился, соображая. Ему не нравилось положение, в котором он выложил все

свои карты на стол, не узнав сначала, чего они стоят. Но если Абернети решил, что проще откупиться Розамундой, чем связывать себя договором с ним, то все было напрасно. Видимо, им все-таки придется ночью сбежать в Гретна-Грин.

— Хорошо, у меня есть только одна просьба в обмен на эти деньги.

— Я это знал. Ваш отец всегда говорил, что вам нельзя доверять ни в чем, кроме заботы о себе самом.

— Милорд, если вы поймете, что я пытаюсь сделать, то, может быть, это заставит вас воздержаться от оскорблений. — Он перевел дыхание. Спорить со своим предполагаемым тестем было бы неразумно. — Все, чего я прошу, — это разрешения ухаживать за вашей дочерью.

— За Роуз?

— Да, за Розамундой.

Лучше воткнуть себе в голову бильярдный кий, чем добровольно общаться с ее отцом.

— Так вы хотите увести ее от Косгроува? Я все еще не вижу разницы между вашим предложением и тем, что делает он.

— Я не требую, чтобы Розамунда вышла за меня замуж. Я хочу иметь возможность встречаться с ней. Пусть она, в конце концов, сама решит, за кого ей выйти замуж. В любом случае — деньги ваши. Долг будет выплачен. Вот и вся разница.

— А если я не разрешу вам... ухаживать за Роуз?

— Деньги останутся у вас, пока вы не отдадите их Косгроуву и не уберете с торгов вашу дочь. — Он отхлебнул добрую половину бокала. — И если вы согласитесь, вам больше не придется обедать с Косгроувом, стоять рядом с ним на суаре или проводить с ним праздники. Вам больше не придется испытывать унижение оттого, что он хвастается перед вашей дочерью своими любовницами. И никто не будет знать, что вы продали ее в уплату карточного долга.

— Никто этого и не знает.

— Узнают, если вы не согласитесь вытащить свою дочь из этой грязной истории. Я позабочусь об этом. Я делаю доброе дело, но я никогда не говорил, что я добрый человек.

Наконец Абернети обмяк и опустился в кресло, как-то сразу постарев. Вот оно, понял Брэм. Забота и беспокойство за дочь не поколебали его, но вмешался страх дурной славы. Хм... Вероятно, у Розамунды отец был еще хуже, чем у него. Довольно странная мысль.

— Почему вы сами не отдадите ему эти деньги? — спросил граф с последним усилием побежденного человека.

— От меня он их не примет. Мы в таких отношениях, что не разговариваем друг с другом. И я ему ничего не должен. Должны вы.

— Хорошо. Но я не стану вас благодарить, поскольку знаю, что вы делаете это, чтобы извлечь выгоду для себя. Я не могу оставаться в неведении.

— Я всего лишь пытаюсь получить шанс на спасение. — Брэм отставил в сторону бокал. — Проверьте, чтобы Косгроув забрал объявление о помолвке из газеты.

Абернети несколько покоробил этот приказной тон, но еще один взгляд на деньги, лежавшие на столе, и он смирился. Значит, все идет как надо.

— Прощайте, милорд.

Брэм вышел из комнаты, тихо закрыв за собой дверь. Только теперь он произнес короткую благодарственную молитву тому, кто мог бы ее слышать. Он не покорил леди. Он был должен своему брату восемь тысяч фунтов, и он получил врага в лице очень опасного человека. А ему хотелось кричать от радости, отплясывая джигу.

У него зашевелились волосы, когда он внезапно увидел Розамунду, смотревшую на него с верхней площадки лестницы. Он приложил палец к губам и указал на кабинет за его спиной.

Ему только и не хватало, чтобы Абернети подслушал их и подумал, что он плетет какой-то заговор.

Кивнув, она спустилась по лестнице и остановилась на предпоследней ступени. Потому, как она держалась, было ясно, что дворецкого неподалеку нет. Брэм взял ее руку, склонился к ней и поцеловал. Этот простой жест проник в самую глубину его души.

— Спасибо тебе, — прошептала она, касаясь рукой его щеки.

— Я чрезвычайно рад, что освободил тебя от этого негодяя.

— А теперь нам надо спасти тебя.

Брэм отстранился от нее:

— Я сам займусь этим.

— Но ты помог мне. Я должна отплатить тебе тем же.

— Ты невинная сторона в этом деле, — шепнул он, сдерживая себя, чтобы не дать волю чувствам и не обнять ее. Самообладание. Ему не всегда удавалось его сохранять. — А я — иного поля ягода. Грехи отягощают меня. Но если придется расплатиться за содеянное, я сделаю это, не втягивая тебя.

— А не может ли Косгроув блефовать, говоря о доказательствах, как ты думаешь? Не исключено, что он только пытается заставить тебя раскрыть карты.

— Ты уже разбираешься в игровой терминологии. Наверное, он может и блефовать. Полагаю, мы узнаем это после того, как твой отец повидается с ним. — Он оглянулся, чтобы посмотреть, не возвращается ли дворецкий на свой пост. — Мне пора уходить.

Она схватила его за рукав.

— Ты будешь сегодня на суаре у Клементов? — спросила она.

Улыбнувшись, он подошел к двери.

— Разумеется.

— Его не видно? — Салливан натянул поводья своего черного коня Ахилла, брата брэмовского Титана.

Фин покачал головой.

— А что, если он прячется от нас?

— К сожалению, он знает Лондон лучше, чем мы оба, вместе взятые.

Остановившись посреди Хеймаркет-стрит, они решили, что план поисков мест, где мог бы находиться Брэм, не удался.

Выругавшись, Салливан круто развернул Ахилла.

— Я думаю, что самым неожиданным местом, куда он мог поехать, является Джонс-Хаус, — в раздумье сказал Финеас.

— К Левонзи? Никогда, скорее в аду пойдет снег. — Салливан снова огляделся по сторонам. — А впрочем, чем черт не шутит.

— Тогда показывай дорогу. Ведь у меня даже нет адреса.

Брэм сидел на бочонке позади конюшни герцога. Он жевал персик и перелистывал страницы книги по римской истории, которую утром одолжил у Огаста. Это обойдется ему в пять фунтов, но конюхи и грумы поклялись, что никому не скажут, где он скрывается, и прежде всего Левонзи. И Титан, щипавший в тени травку, казался весьма довольным.

Вероятно, не было ничего героического в том, чтобы прятаться от друзей, но он не придумал более надежного способа уберечь их от возможных неприятностей. Поразительно, как одно доброе дело безвозвратно изменило его понятия, всю его жизнь. Теперь ему хотелось, чтобы его друзья были невредимы, здоровы и счастливы. А для этого лучше всего держаться от них подальше.

— Ты должен мне фунт, — послышался за углом конюшни голос Фина.

— Его действительно нет в доме, — возразил низкий голос Салливана, — поэтому я не уверен, что ты выиграл пари.

Широко раскрыв от неожиданности глаза, Брэм захлопнул книгу.

— А вы, пара оболтусов, оказались умнее, чем я ожидал, — проворчал он, взяв другой персик. — Значит, вы нашли меня. А теперь уходите.

— Мы приехали повидать лорда Хейта, — сказал Салливан, подкатывая другой бочонок и усаживаясь на него. — Ты уже отдал деньги Абернети?

— Чертов болтун Огаст. Да. Я именно так и поступил.

— Ну и?..

— И что?

Фин прислонился к стволу дерева, росшего напротив.

— Хорошая сегодня погода. Подходящий для сына герцога день, чтобы быть арестованным за воровство, как ты думаешь, Салливан?

— Нет, ветер с востока слишком силен, — подхватил Салливан. — Более подходящий день для побега, скажем, в Шотландию, пока здесь не установится тишь да гладь.

— Гм... Может, ты и прав. Как ты думаешь, Брэм?

— Я думаю, что сегодня вечером я буду у Клементов танцевать с леди Розамундой Дэвис. А вы можете гулять где вам хочется.

— Значит, ты не сделаешь попытки избежать ареста? — Салливан поднял камень и швырнул его в сторону сада. — Ты же не оставлял себе ничего из того, что брал. Вряд ли это можно считать воровством.

— Дело не в этом.

— Тогда в чем, черт побери, это проклятое дело? — потребовал ответа Фин.

— Проклятое дело, Фин, в том, что я хочу очистить свое имя. Я убил в себе идиота, каким был без всякой на то причины. Меня за это казнят. Я хочу встретить палача с поднятой головой. И единственная причина, заставлявшая меня прятаться от вас обоих, состоит не в том, что я не хочу вас видеть, а совсем в другом. Я надеюсь еще раз увидеть Розамунду, потанцевать с ней, пока еще с Боу-стрит не пришли за мной. Вот так. Теперь я сентиментален и романтичен, и едва ли меня стоит спасать.

— Но если тебя арестуют, ты уже не сумеешь еще раз сделать предложение своей возлюбленной. Что же тебе остается? Последний танец и прощание навсегда?

Брэм вскочил.

— Что же я, по-твоему, должен предпринять, Салливан? — разозлился он. — Отрицать, что я совершал дурные поступки? Обвинить в этом кого-то другого? Я был негодяем. И обязан возместить содеянное.

— Это, разумеется, честно и благородно, — ответил таким же тоном Салливан, — но что мы получаем в итоге? Косгроув остается на свободе, и некому будет оберегать твою леди Роуз.

— Вы оба начнете заботиться о ней. — Брэм подошел к Титану, сунул ему кусок сахара в рот и сел в седло. — Окажите сами себе любезность. Сегодня ночью не выходите из дома.

Салливан и Фин переглянулись, провожая взглядом удалявшегося Брэма.

— Значит, с этой минуты мы охраняем леди Роуз, — проворчал Салливан.

С мрачной улыбкой Фин покачал головой:

— Он не так сказал. Он подчеркнул, что мы должны заботиться о ней. Что, как я понимаю, означает, что мы должны сделать все возможное, чтобы она была счастлива.

— Что ж, похоже, выбора у нас нет.

Роуз, затаив дыхание, ждала, пока отец с Джеймсом не вернулись в дом со всеми долговыми расписками, которые ее брат давал Косгроуву. Облачко дыма в камине гостиной и ее

обязательства перед маркизом Косгроувом рассеялись. Она примостилась на краешке дивана. Невыразимая радость и облегчение были так велики, что она долго не могла окончательно прийти в себя. Роуз сидела, сохраняя холодное выражение лица и радуясь, что все позади. В эту минуту никто не мог знать того, что она заметила в это утро: ее месячные задержались.

Она не хотела думать об этом. Одно событие сразу же после другого — это было уж слишком. Потом она разберется, не ошибка ли это, удастся ли ей действительно изменить свою жизнь, или теперь на нее свалятся новые проблемы.

— Должна сказать, — заметила ее мать, когда они сжигали бумаги, — хотя и приятно было бы видеть тебя маркизой, Роуз, репутация лорда Косгроува заставляет желать много лучшего.

— И в самом деле, — согласился ее отец. — Этот парень просто безумен, и я очень надеюсь, что наши пути больше не пересекутся. — Он многозначительно посмотрел на Джеймса.

— Да, отец, — кивнул молодой виконт с необычным смирением.

Это было плохим признаком. Предчувствие грядущей беды усилилось.

— Джеймс, не сможешь ли мне достать в библиотеке с верхней полки книгу?

— Конечно.

— Роуз, ты опять не пристроена, — заявила леди Абернети. — Репутация синего чулка не улучшит твоих шансов.

— Да, мама. — Совершенно очевидно, что ее никогда не будут считать чем-то иным, кроме как предметом товарообмена. Она хотела предоставить своим родным возможность жить собственной жизнью, как они жили до появления Косгроува. Только пусть оставят ее в покое. Она изменилась. Безвозвратно.

Как только они с Джеймсом остались одни в библиотеке, она схватила его за руку:

— Расскажи мне, что произошло. Как все было? Он вырвал руку.

— Это был только бизнес. Тебе незачем слушать эту скучную чушь.

— Джеймс Элиот Дэвис, ты расскажешь мне...

— Черта с два, Роуз! Кинг был удивлен. Поражен. Как будто мы застали его со спущенными штанами. Я никогда еще не видел его таким растерянным. И он был недоволен. Очень.

— Но ты получил свои расписки? Он взял деньги? Брат глубоко вздохнул.

— Он потребовал объяснений, и отец рассказал ему, как мы получили в подарок деньги на уплату моего долга. Косгроув спросил, не стоял ли за этим Брэм. И еще он изрек загадочную фразу: мол, у Брэма были хорошие карты, но игру он проиграет. Я ничего не понял. По-моему, Брэм ничего не выиграл, давая нам деньги. — Он пристально посмотрел на нее: — Как ты считаешь?

— Да как ты смеешь так говорить?! Ведь это ты, Джеймс, устроил нам неприятности. А то, что я нравлюсь Брэму, не означает ничего, кроме того, что у него доброе сердце.

Джеймс коротко рассмеялся.

— Ты сказала «нравлюсь». Что это означает? Роуз невольно улыбнулась:

— Готовность помогать в трудный момент. Но Брэм еще и рискует. Больше, чем ты думаешь.

— Несколько недель назад ты собиралась разбить ему нос.

— За это время много воды утекло.

Ее улыбка угасла, и она серьезно посмотрела на младшего брата:

— Нам с тобой обоим предоставлен еще один шанс, Джеймс. Скажи мне честно — тебе хочется помчаться к Косгроуву и снова проиграть ему огромные деньги?

Он покачал головой:

— Нет. Сегодня утром я увидел Кинга с другой стороны... и, честно говоря, это оттолкнуло меня. И немного испугало. — Джеймс поморщился. — Если Брэм не... не возражает против моего общества, я бы хотел, чтобы он кое-чему научил меня.

О, великолепно!

— Чему бы ты хотел научиться? Как лучше играть?

Он просто менял одного идола на другого. Если Джеймс и извлек какой-то опыт из этой истории, то не спешил им поделиться.

— Нет. Ну... может быть, чуть-чуть. Но больше всего мне нравится, как много он знает, как он входит в комнату и сразу привлекает всеобщее внимание.

Оставалось надеяться, что новое увлечение брата не связано с тратой денег. И если Джеймсу хотелось подражать кому-то, то пусть лучше это будет Брэм, которого она лучше узнала за последние несколько недель. Если только судьба окажется благосклонной к ее возлюбленному.

У нее сжалось сердце. Если Косгроув сегодня рассердился так, как описал Джеймс, то публичные обвинения были бы наименьшей заботой Брэма. О, как же она недалёковидна! Следовало проявить настойчивость, уговаривая его бежать вместе с ней. Мысль, что она не увидит его, не сможет больше говорить с ним, касаться и целовать его, причиняла такую боль, что она старалась не думать ни о чем вообще. Особенно теперь, когда связь между ними стала почти осязаемой. Или могла бы стать месяцев через восемь, когда у нее появится первенец.

— Роуз...

Она оторвалась от своих мыслей.

— Что еще?

— Отец сказал, что Брэм намерен зайти к тебе. Я не хочу, чтобы меня обвиняли, что я снова поставил тебя в неловкое положение. Так что давай я прогоню его?

Это все равно что отгонять мотылька от свечки. Напрасные усилия!

— Нет. В этом нет необходимости.

— Ладно. Тебе и в самом деле надо поставить наверх книгу, или я могу идти?

— Иди. — Она опять взяла его руку. — Есть одно дело, которое ты мог бы сделать для меня, — понизив голос, сказала она.

— Я не стану никого убивать. Я мирный человек.

— Что? О Господи, нет! У отца остались какие-нибудь деньги после расчетов с маркизом?

— Около тысячи пятисот фунтов. А что?

Роуз заколебалась. Джеймс был не тем человеком, которого она сделала бы своим доверенным лицом. Но в этот моменту нее не было выбора. А деньги все равно принадлежали Брэму.

— Нам с Брэмом, возможно, придется уехать из Лондона.

— Что ты сказала?

— О Боже! — Она глубоко вздохнула. — Джеймс, Брэм — это Черный Кот. Он прекратил кражи, но Косгроув в курсе дела. Если он поступит так, как угрожает, и публично представит свои обвинения, Брэма арестуют.

Брат изумленно уставился на нее:

— Брэм — Черный Кот?

— Да.

— Но он заключил пари на десять фунтов, что это герцог Сторей. Так записано в книге в «Уайтсе». — Джеймс нахмурился: — Подумать только, у герцога одна нога и ему восемьдесят лет. Анекдот какой-то.

— Дело не в пари, Джеймс. Пожалуйста, слушай внимательно. Ты можешь как-нибудь

узнать, куда отец положил эти деньги? Если нам придется покинуть Лондон, нам потребуются наличные средства.

— Если его обвинят, зачем тебе уезжать?

— Потому... потому что мне очень нравится Брэм. Страшно нравится.

— Мне он тоже нравится, но это не значит, что я позволю разорить себя из-за того, что он сделал.

— Он попал в эту историю из-за меня. И я должна нести часть бремени на своих плечах.

Невозможно словами описать его взгляд, брошенный на нее, но все же, он кивнул:

— Отец едва ли доверяет мне настолько, чтобы сказать, где лежат деньги, но здесь у него есть только три тайника. У человека отсутствует воображение. Дай мне пару часов оглядеться, и я скажу тебе.

— Спасибо, Джеймс. — Она наклонилась и поцеловала его в щеку.

— Не спеши благодарить меня, — проворчал он. — Когда отец поймет, что произошло, я буду вынужден бежать следом за тобой.

День проходил спокойно, и хотя Роуз вскакивала каждый раз, когда открывалась входная дверь, никто не сообщал ни о кражах Брэма, ни о его аресте. Она начинала надеяться, что Костроув действительно блефовал и у него нет никаких доказательств против Брэма. Если бы этот непредсказуемый мужчина пришел к ней и сам рассказал, что случилось, она бы перестала ходить туда-сюда по комнате и закончила наконец вышивать этот дурацкий носовой платок.

Что же делать? Если бы она была мужчиной, она бы поехала верхом искать его. А затем разбила бы ему нос — Но не потому, что он перестал ей нравиться, а потому, что уже извелась от беспокойства и плохо соображала.

К восьми часам вечера Брэм так и не появился, и было неизвестно, не увезли ли его куда-то против его воли. Роуз надела новое платье с глубоким вырезом — шикарное произведение искусства цвета меди. Его блеск подчеркивал рыжий оттенок ее волос.

— Ты очень хорошо выглядишь, моя дорогая, — сказал ее отец, когда она спустилась с лестницы.

— Спасибо! — Она сделала легкий книксен.

— Сегодня держись, если сможешь, поближе к нам, — понизив голос, сказал граф. — Мы расплатились с Косгроувом, но он все равно может подойти к тебе. Постарайся быть вежливой: всем известно, что вы в дружеских отношениях. Мы не хотим нарушать это предположение, чтобы не возникало лишних вопросов.

На минуту она подумала, что отца беспокоит ее безопасность и благополучие, пока до нее не дошло, что он пытается сохранить видимость, что в семье Дэвисов нет, не было и не будет никаких неприятностей.

— Я никогда не хотела иметь с ним что-либо общее. Я всеми силами постараюсь избежать встречи с ним.

— Заодно избегай и его друга. У меня нет ни малейшего желания, чтобы наша семья оказалась впутанной в распри между Косгроувом и Брэмом Джонсом. Это просто клубок змей.

Но семья все же находилась в центре их распри. По крайней мере в том, что касалось ее.

— Вам не о чем беспокоиться в отношении Брэма, папа, — вслух сказала она. — Мы с ним только друзья.

— Верь всему, чему хочешь, Роуз, но Брэм Джонс — друг только тому, у кого есть нечто, нужное ему. Храни свою невинность, или он сделает из тебя одну из своих легкомысленных подружек. А я выгоню тебя из дома.

В какое-то мгновение Роуз почувствовала искушение рассказать ему, что она уже утратила с помощью Брэма то, что было возможно утратить... и, вероятно, она носит его ребенка. К счастью, ее мать с Джеймсом появились прежде, чем она успела серьезно подумать, стоит ли совершать такую глупость.

Но более вероятно, что, проиграв эту игру, Косгроув примется терзать кого-то еще. А она снова превратится в незаметную девушку, старающуюся охранять свою недалекую семью, и будет задавать себе вопрос, в какую сумму ее саму теперь оценят. Но у нее не исчезала надежда, что есть мужчина, которому нужна только она.

Теплая дрожь пробежала по ее телу.

— Надеюсь, сегодня не слишком много гостей, — уже жаловалась ее мать. — Ты же знаешь, как я ненавижу толчею.

— Ты лукавишь, дорогая.

Роуз вздохнула. Это было правдой, у нее почти не осталось уважения ни к одному из ее родителей. Да, они старались оградить семейство от скандала, ибо так предписывали традиции и закон. Но какой ценой! Ничего иного она от них и не ожидала. Однако Брэм не посчитался ни с законами, ни с обычаями, чтобы помочь ей.

И он завоевал больше чем ее преданность, дружбу или уважение. Он покорила ее сердце.

Да, именно так. Она полюбила его. Роуз, пошатнувшись, ухватилась за перила лестницы.

— Роуз, тебе плохо? — спросил Джеймс, поддерживая ее за локоть.

— Нет, нет. Просто немного закружилась голова, — тихо ответила она.

Почему она только сейчас поняла это? Ведь и раньше наслаждалась его обществом, а тем

более его вниманием и ласками. Понимала, что в глубине души он достойный, добрый человек с несколько утраченными, но крепкими моральными устоями, ставший ей совершенно необходимым.

— Ты хочешь остаться дома? — спросила мать. — Не Могу сказать, что буду разочарована, если нынче вечером не встречу Косгроува и его приятелей.

— Я хочу поехать, — слишком резко заявила Роуз. — Нам всем не мешало бы устроить небольшой праздник, как вы думаете?

— Определенно, — поддержал ее Джеймс, направляясь вместе с ней к двери.

Когда карета катилась по дороге к Пенн-Хаусу, Роуз не могла усидеть на месте. Она хотела увидеть Брэма, хотела убедиться, что он в безопасности. От забот о своем собственном будущем она сразу же перекинулась к заботам только о нем и его благополучии. А кроме этого, ей просто хотелось, чтобы он посмотрел на нее теплым, ласковым взглядом.

Улица перед Пенн-Хаусом была заставлена экипажами. Им пришлось оставить карету за два квартала от дома и пройти пешком все расстояние до дверей. Войдя, они обнаружили, что там негде было и повернуться.

— Какая толпа! — воскликнула ее мать. — Как они найдут место для танцев? Да я даже не вижу собственную руку.

— Мы открываем вторую приемную, миледи, — сказал лакей, предлагавший напитки. — И второй бальный зал, если потребуется.

— Слава Богу, — ответила леди Абернети, обмахивая лицо веером. — Я надеюсь, вы сделаете это сейчас же.

И в самом деле, спустя несколько минут толпа поредела и они смогли пройти наверх, в главный бальный зал. Стараясь увидеть Брэма, Роуз оглядела комнату. Этот вечер был не из тех, которые ему нравились, но он сказал, что придет. И он должен знать, что она будет страшно беспокоиться о нем.

Оглядываясь по сторонам, она не могла не заметить, что гости тоже смотрят на нее. Особенно мужчины. Уловив момент, она взглянула на себя в одно из зеркал, висевших по стенам. Прическа в порядке, платье вполне пристойно. Так на что же они, черт бы их подрал, уставились?

— Леди Роуз.

Сердце у нее екнуло, но она тут же поняла, что голос не принадлежал ни Брэму, ни Косгроуву. Она обернулась:

— Мистер Хеннинг, не так ли?

Толстяк улыбнулся, склонившись в глубоком поклоне:

— Да, я подумал, не найдется ли для меня местечка в вашей танцевальной карточке. Как вы знаете, будет два вальса.

А у нее даже не было такой карточки. У нее редко бывало достаточно приглашений для этого.

— Первая кадрили свободна, — решила она. Она видела раньше, как он танцует, и вальс был бы слишком опасным предприятием.

— Сочту за честь. — Снова поклонившись, он смущенно улыбнулся и исчез в толпе.

— Очевидно, придется взять карточку для танцев, — заметила она.

— Я принесу тебе, — сказал Джеймс и ушел. Она не поняла, хотел ли он после устроенного им скандала, хотя и запоздало, задобрить ее, или собирался сбежать от родителей, но он ушел прежде, чем она спросила его. К тому времени, когда он вернулся с карточкой и карандашом, у нее были заняты уже три танца. Да что же это такое? Самое большее, она танцевала котильон или два с пожилыми вдовцами или двумя лишенными подбородков сыновьями графа Бэнбери.

Она записывала имена своих кавалеров, когда толпа слева от нее зашевелилась. Словно воды Красного моря расступились, и перед ней предстал Адонис в элегантно-сером костюме. У нее перехватило дыхание, когда взгляд черных глаз обвел комнату и остановился на ней. И с этой минуты не отрывался от нее. Брэм подошел к ней. Остальные гости, словно почувствовав опасность, разошлись по сторонам, как будто он был хищником, оказавшимся на воле.

— Добрый вечер, — сказал он, остановившись перед ней. Он взял ее обе руки и поднес их к своим губам.

— Брэм, — наконец-то проговорила она чуть Дрогнувшим голосом. Ей хотелось заключить его в объятия, чтобы убедиться, что это действительно он, но при этом жив и здоров. Ей хотелось спросить, что он имел в виду, когда сказал, что любит ее, и не скажет ли он этого еще раз, чтобы она снова услышала эти слова.

— Лорд Брэмуэлл, — вмешался ее отец, и она вздрогнула. Она забыла, что родители рядом. Брэм на мгновение прищурил глаза, а затем отпустил ее пальцы и пожал протянутую графом руку.

— Абернети. Надеюсь, вы с пользой провели этот день.

— Да, очень. А у вас появился разгневанный враг.

— Благодарю вас за предупреждение. — Брэм наклонил голову и взял у нее карточку для танцев. Роуз даже этого не заметила.

— Хеннинг?

— Он пригласил меня. Все приглашали. Не понимаю почему.

Брэм некоторое время смотрел на нее.

— Не понимаешь? Ты прекрасна, Розамунда. Просто прошло много времени, прежде чем люди это заметили. — Он что-то нацарапал на карточке и вернул ее и карандаш Роуз.

Роуз взглянула на карточку, и у нее вспыхнули щеки.

— Ты не можешь танцевать оба вальса.

— Посмотри на меня. — Его губы сложились в довольную улыбку. — Я не хочу, чтобы кто-то еще обнимал тебя, — тихо признался он.

Боже, как приятно, божественно прозвучали эти слова, но скорее всего они предназначались для того, чтобы отвлечь ее мысли от той огромной беды, которая угрожала им. В особенности ему.

— Ты видел... его? — понизив голос, спросила она.

— Его? — спросил он. — Ты думаешь о другом мужчине в то время, когда я флиртую с тобой? Ты разбиваешь мне сердце!

— Пожалуйста, будь серьезнее. — Она придвинулась к нему, не обращая внимания на то, что на них смотрели. Главным образом на Брэма. — Джеймс сказал, что у него буквально пена пошла изо рта, когда они отдали ему деньги.

— Знаешь, как бы нам не пропустить первый вальс. — Он оглянулся. — А вот и твоя кадрили.

Черт побери!

— Пожалуйста, Брэм. Если ты увидишь его...

— Я постараюсь, чтобы он не приближался к тебе.

— Это не то, что я...

— Я знаю, что ты хотела сказать. — Брэм, словно не в силах удержаться, коснулся ее щеки. — Меня не убьют и не утащат отсюда, пока я не потанцую с тобой. — Его взгляд стал холодным и серьезным. — Клянусь.

Если бы Костроув что-нибудь знал, то он бы поведал о том, что Дэвисы будут присутствовать на вечере у Клементов. И тогда бы он легко догадался, что человек, уплативший

их долг, тоже там будет.

Брэм мог бы уклониться от встречи с Косгроувом, но тогда он оставил бы Розамунду лицом к лицу с этим ублюдком. Нет, так было лучше. Более опасно для него, но это едва ли имело значение.

Не выпуская из виду Розамунду, он следил за двумя разными дверями, соединявшими комнату с главным танцевальным залом. Салливан и Фин все еще не появлялись, и его немного удивляло, что они послушались его, чем он, в сущности, тоже был доволен. Он ценил их верность сильнее, чем мог бы выразить словами, но он не знал, как убедить, что у них есть более важные дела, чем защита его от его собственной недалёковидной глупости.

— Брэм!

— В чем дело, Джеймс? — спросил он, не спуская глаз с потока входивших и выходивших гостей.

— Я подумал, что вам надо это знать, — сказал виконт Лестер совсем несвойственным ему тихим и обеспокоенным тоном. — Роуз взбрело в голову, что за вами придут сыщики с Боу-стрит и вы оба должны бежать из Лондона.

Брэм нахмурился.

— Я не потащу ее за собой и не погублю ее репутацию, — тихо ответил он. В этот момент он еще не предполагал, что Лестер может знать о его нечестивых поступках. Если Роуз решила рассказать ему, значит, у нее на то были веские причины.

— Меня беспокоит, что она думает, будто вы хотите взять ее с собой. Если вы ввели ее в заблуждение... или того хуже, то я хочу, чтобы вы знали: я сделаю все, что только смогу, чтобы засадить вас в тюрьму.

— Я хочу, чтобы она была со мной, — проворчал Брэм, раздраженный тем, что его отчитывает молокосос. — Но в первую очередь я должен позаботиться о ее безопасности. Мне надо разобраться в этой ситуации прежде, чем что-либо предпринимать.

— А если вас арестуют?

— Я не сбегу — ни с Розамундой, ни без Розамунды. — Он сурово свел брови. — Мне не доставляет удовольствия объяснять это тебе, но хорошо уже то, что ты, наконец, заботаешься о благополучии своей сестры.

— Полагаю, я получил свой урок, — смущенно сказал виконт.

— Хорошо. А я получил свой. И охотно заплачу за него. Кадриль закончилась под общие аплодисменты, и Брэм направился к ней, следующим был их вальс. Он хотел расплатиться после танца.

— Пойдем? — протянул он ей руку.

Розамунда обхватила затянутыми в перчатку пальцами его руку. Судя по выражению ее лица, она собиралась опять убеждать его, что он рискует, появляясь на публике. В другой обстановке он бы охотно слушал ее, но сейчас он думал, что существуют лучшие способы провести эти несколько минут в ее обществе.

Заиграла музыка, он обнял ее за талию, а она положила руку на его плечо. Они закружились в вальсе.

— Ты весьма виртуозно не давала Хеннингу наступать тебе на ноги, — заметил он.

— Спасибо. — Она вздохнула, по ее телу от его прикосновения пробежала легкая дрожь. — Правда, вовремя танца я размышляла.

— О чем?

— О незначительности твоих преступлений по сравнению с тем, как они, вероятно, поступят с тобой, когда поймают.

— А ты собираешься стать моим адвокатом?

— Не шути, Брэм. Неужели ты и в самом деле считаешь, что твои ошибки заслуживают нескольких лет тюрьмы, ссылки или виселицы?

— А ты представляешь, как мне хочется поцеловать тебя прямо здесь? — прошептал он, прижимая ее к себе.

— Сейчас надо думать совсем о другом.

Из всех тем разговора, которые они могли бы обсуждать, вопрос о том, заслуживает ли он спасения, Брэм никогда бы не выбрал.

— Я хочу, чтобы ты кое-что поняла, Розамунда, — сказал он тихо, кружа ее в такт музыки. — Я был под влиянием чудовища, с некоторыми перерывами, в течение более десяти лет. И даже когда у меня появились друзья, которых я очень ценю и которыми восхищаюсь, я вернулся к нему, потому что мне стало скучно. Но и этого мне было недостаточно, и я стал красть у людей только потому, что они называли моего отца своим другом. Как бы сильно мне ни хотелось соединить мою жизнь с твоей, я не могу этого сделать, пока каким-либо образом не исправлю то, что я делал... будучи таким негодяем.

— Ты не такой, как Косгроув, — возразила она дрожащим голосом.

— Совершенно такой же, единственная разница в том, что я любил тебя.

— Ты совсем не похож на него. Не могу поверить, что ты настолько туп, что не замечаешь этого.

— Просто у тебя невероятно доброе сердце и ты идеализируешь меня.

Она открыла рот, вновь закрыла и, наконец, спросила:

— Сколько других учеников Косгроува успешно закончили свое образование под его руководством?

Вопрос озадачил его.

— Никогда не подсчитывал.

— А помнишь, ты рассказывал нам, как один из них покончил с собой. А теперь еще и Джеймс, который бы погиб, если бы не ты. Кто там еще?

Он на минуту задумался.

— Роджер Эвилейн.

— А где он?

— Где-нибудь на кладбище. Он спал с женой одного господина, которого язык бы не повернулся назвать рогоносцем. Или его в этом обвиняли. — Во всем, что он смог рассказать, была видна рука Косгроува.

— Боже! Остаешься только ты, Брэм. Единственный, кто видел Косгроува насквозь и выжил, да еще решил исправить свою жизнь. Вот почему он так зол на тебя.

— Ну, ты меня делаешь настоящим героем, — заметил он, стараясь легко воспринять то, что она сказала, несмотря на то что ее слова глубоко потрясли его. Он никогда не считал своей великой победой только то, что выжил и их пути с наставником разошлись. — Еще неделя, и ты увидишь меня помогающим сиротам.

— Можешь смеяться, если хочешь, но ты хороший человек.

— Теперь решила подлизаться к «тупому»?

— Брэм, не заставляй меня сердиться на тебя.

Он рассмеялся. Мысль, что эта женщина так легко сумела перевернуть его жизнь и его сознание с головы на ноги, волновала его все больше.

— Я хотел бы попросить тебя, моя милая Роуз, дождаться, когда меня выпустят из тюремных застенков. Все, чего я могу желать, — это найти кого-нибудь, кто сделает тебя счастливой.

Ее глаза наполнились слезами.

— Я уже нашла такого человека.

Музыка заканчивалась. Он неохотно выпустил ее из своих объятий и присоединился к аплодисментам. Но при этом не мог отвести от нее глаз.

Она считала его хорошим человеком. Конечно, Розамунда хотела сделать ему комплимент, но сейчас ему страшно, до глупости, хотелось доказать, что она в нем не ошиблась. Ведь не поздно еще начать все заново.

А если бы его удовлетворяла роль негодяя, он бы без колебаний оставил позади свои неприятности, сбежал с Розамундой Дэвис и прожил бы жизнь в похоти и грехе. Проклятие! Непутевая жизнь имела свои преимущества. Не надо постоянно успокаивать свою совесть.

— Лучше я отведу тебя к твоим родителям, — проворчат он.

Он повернулся и застыл на месте. В дверях бального зала стоял маркиз Косгроув, и взгляд его ангельских голубых глаз был устремлен на Брэма. Его окружали, как безошибочно можно было определить по их алым жилетам, полдюжины сыщиков с Боу-стрит. Значит, он был намерен сделать это сегодня вечером. На глазах у всех.

— Брэм, — шепнула Розамунда, впиваясь пальцами в его руку.

— Мне очень жаль, — шепнул он в ответ, освобождая руку. — Прости меня! — Он отошел, оставив ее одну.

— Вот он, — громко произнес Косгроув, привлекая к себе внимание нескольких человек, стоявших у стен зала и не заметивших появления незваных гостей.

Самый крупный из шестерки выступил вперед с наручниками в руках.

— Лорд Брэмуэлл Лаури Джонс, — провозгласил он громовым голосом человека, который не уверен, что ему рады, но хочет, чтобы все знали, что он обладает законным правом здесь находиться, — вы арестованы. Пожалуйста, ведите себя спокойно, чтобы мы вышли отсюда, не создавая шума.

Стараясь сдержаться, хотя ему ужасно хотелось надавать им тумаков, Брэм кивнул. Сыщик шагнул к нему, и он протянул ему руки.

— Иди к своим родителям, Розамунда, — шепнул он, когда защелкнулись наручники. Казалось, она намеревалась стоять посреди зала, что бы о ней ни злословили.

— В чем его обвиняют? — громко спросил кто-то из толпы. Кто-то с голосом, подозрительно похожим на Финеаса Бромли. Черт бы их всех побрал, он ведь велел им оставаться в стороне.

— Лорд Брэмуэлл Лаури Джонс обвиняется в воровстве как Черный Кот. А теперь все отойдите в сторону и не мешайте нам выполнять нашу работу.

— Это невозможно, — раздался с другой стороны голос Салливана. Невероятно, ведь он никогда раньше не посещал светских раутов — Это я Черный Кот. — И незаконный сын лорда Данстона выступил вперед.

Лицо Брэма исказилось. О Боже, у Салли беременная жена.

— Оставь это, Салливан, — приказал он.

— Извините меня, но Черный Кот не вы. А я! — И из толпы вышел Фин.

— Не знаю, о чем вы, парни, говорите. — На освободившийся танцпол вышел Огаст. — Черный Кот — это, конечно, я.

Боже милостивый!..

— Говорите что хотите, — прервал их своим вкрадчивым голосом Косгроув, — но у меня есть доказательство. Заявление, подписанное отцом Джоном из церкви Святого Михаила, о том, что Брэмуэлл Джонс регулярно приносил украденные вещи в церковь для раздачи бедным.

Резкий саркастический смех раздался слева от Брэма.

— Брэм Джонс не мог бы переступить порог церкви, его ударила бы молния. — Герцог

Левонзи вышел вперед. — Я могу так же быть Черным Котом, как и он.

Приглушенный говор согласия и местами раздававшийся смех звучали в комнате. А Брэм не мог отвести глаз от герцога. Этот человек солгал ради него и тем самым определенно внес разногласия в стан хулителей Брэма. Левонзи. Ради него. Подумать только!

— Черный Кот — это я! — произнес Джеймс Дэвис. Он взял Розамунду за руку, но не пытался увести ее из зала.

Абернети тоже вышел в центр зала.

— Черный Кот — это мы вместе. Мы все делали сообща.

Спустя минуту в хоре мужских голосов, признающих себя Черным Котом, послышался еще ряд заявлений, сделанных у стола с закусками лордом Дарширом и его старшим сыном Филиппом, родственником Салливана по отцу.

В своем инвалидном кресле въехал виконт Бромли.

— У вас, кажется, возникла проблема, сэр, — обратился он к старшему из сыщиков, — потому что это я Черный Кот.

— Но, милорд, вы же калека.

— Тем не менее я Черный Кот. И, принимая во внимание все эти признания, я предлагаю вам или арестовать половину палаты лордов, или освободить лорда Брэмуэлла. — Он обратился к Косгроуву: — А вам, милорд, лучше поискать другой способ излить вашу ревность.

Поняв, что ему противостоит численное большинство и превосходство в рангах, сыщик снял с Брэма наручники и отступил.

— Прошу прощения, милорд. Мы не знали, что это дело касается личной вражды.

Брэм растер запястья — скорее для того, чтобы убедиться, что он свободен, а не потому, что наручники причиняли боль.

— Вы не виноваты, сэр, вы исполняли свой долг, — ответил он. — Кроме того, полагаю, что, как и всякий другой, я тоже мог бы оказаться Черным Котом. Но в этой разноголосице есть одно важное обстоятельство. Можете не сомневаться, что отныне названный Кот потеряет желание заниматься воровством. Я бы сказал, сегодня вы выполнили работу, достойную восхищения.

Сыщик поклонился, явно довольный, что он со своими людьми теперь может уйти, не опасаясь каких-либо последствий.

— Благодарю вас, милорд. Прощайте.

Со злостью взглянув на Косгроува, полицейские вышли из бального зала.

Кинг с непроницаемым выражением на побледневшем лице перевел взгляд с Брэма на Розамунду, затем развернулся на каблуках и вышел вслед за сыщиками.

В зале стало шумно от смеха и взаимных поздравлений. Для светских шутников объявление самих себя Черными Котами оказалось забавным развлечением, к которому они охотно присоединились. А Роуз все смотрела на Брэма.

Он был ошеломлен, как будто не совсем понимая, что только что произошло с ним. Она тоже чувствовала неуверенность, но обещала, что сегодня же вознесет благодарственную молитву за всех, кто помог им. За каждого из них, независимо оттого, сделали они это в шутку, чтобы помочь Брэму, или почему-то еще.

— Не хотите ли присесть? — спросил Финеас Бромли, когда группа друзей Брэма вышла в небольшой садик.

— Я хочу виски, — проворчал Брэм. — Черт бы вас побрал, вы ведь тоже рисковали.

— В какой-то момент я подумал, что ты собираешься настаивать, чтобы тебя арестовали, несмотря на то что все улики свидетельствовали об обратном. — Откуда-то появился Салливан Уоринг и протянул ему бокал.

— Может быть, я и пытаюсь встать на новую дорогу, но я все же не идиот, — ответил Брэм, к которому, видимо, вернулось чувство юмора.

— Теперь по крайней мере Косгроув заткнется! — Джеймс явно был в восторге, что его включили в число друзей таких в прошлом отчаянных джентльменов.

Брэм взглянул на него, но ничего не сказал. Это немного охладило восторженное состояние Роуз. Не считал ли он, что Косгроув остается для них угрозой? Раздумывая над тем, что ей было известно о маркизе, она понимала, что публичное унижение для него ничего не значит, а только усилит его решимость выиграть, как он называл, эту «игру». О Боже!

— Как вы попали к Левонзи? — спросил Брэм, понизив голос, хотя в зале уже зазвучала музыка и начался следующий танец. Казалось, в саду оставались только три пары и Джеймс. У Роуз разгорелись щеки. Она была половиной пары, по крайней мере в эту минуту, пока Брэм не придумает еще одной причины считать себя недостойным ее.

— Мы приехали не к нему, — ответил Салливан. — Мы поговорили с Огастом, потом я ездил к Дарширу и Филиппу.

— Я догадался, что вы делали, и подумал, что мне лучше поучаствовать в этом, — снова вмешался Джеймс.

— Мы надеялись, что все так и случится, — подхватил Финеас. — Но не ожидали поддержки от Левонзи или Абернети.

Роуз кивнула:

— Я стояла рядом с Брэмом. И если бы его арестовали, это плохо бы отразилось на нашей семье.

— Вот поэтому тебе здесь не следовало быть. — Брэм взял ее за руку и притянул к себе. — У тебя полностью отсутствует чувство самосохранения. — Он переплел свои пальцы с ее пальцами и как зачарованный смотрел на их соединенные руки.

— По-моему, произошло чудо, — заметил Салливан своим густым басом, в котором слышалась добрая усмешка.

— Ты ничего не понимаешь, — ответил, словно пробуждаясь, Брэм и взглянул на друга: — Спасибо тебе. Вам обоим.

Салливан пожал плечами:

— Ты помог нам. — Он обнял Тибби за талию. — Вопреки тому, что ты, по-видимому, думаешь, Брэмуэлл, есть люди, которые любят тебя.

— Гм... — Брэм коротко кивнул ему и снова перевел взгляд на Розамунду: — Я бы хотел завтра заехать к тебе, если можно. Ты не будешь возражать?

Если честно, она предпочла бы объяснение в любви и вечной верности посреди садов Пенн-Хауса, но, очевидно, у него были другие планы.

— Буду только рада.

— Хорошо. Сначала я должен сделать одно дело, и оно может занять несколько часов. Я приеду к полудню. Обещаю.

Что это было за дело, она и понятия не имела, но заметила, какими взглядами обменялись Брэм и Косгроув, когда маркиз выходил из зала.

— Не делай ничего, что может привести тебя снова на старую дорогу, — прошептала она.

— Есть вещи, которыми я готов рисковать, и есть вещи, которыми я не могу рисковать.

Она вздохнула:

— Это очень мило, но я надеюсь, что ты будешь помнить: ты мне очень дорог. — Роуз положила руку на его плечо и, приподнявшись, поцеловала его в щеку. Ей бы хотелось в губы, но вокруг были люди. Она не решалась отвести его в сторону и поделиться с ним своими подозрениями относительно своего положения. На сегодняшний вечер у него было достаточно переживаний, и она не хотела заставлять его принимать ошибочные решения по, возможно, ошибочным причинам. И все это могло подождать до завтра. — Я буду ждать тебя к полудню.

— А не надо ли составить вам компанию? — спросил Салливан. — Ты же знаешь, как я люблю эти светские сборища.

Брэм покачал головой:

— Ты уже сделал достаточно. Более чем достаточно. А в этом случае я должен разобраться сам. — Он взял Роуз за руку. — Думаю, я смогу сначала позволить себе еще один танец.

Беспокойство не мешало ей признавать, что Брэм танцевал великолепно.

— С удовольствием. — Было очевидно, что она проведет бессонную ночь, расхаживая по комнате и воображая различные неприятности, которые помешают Брэму навестить ее завтра. А вдруг он снова займется самобичеванием, вспоминая прошлые грехи?

Брэм потянулся, расправляя плечи. Далеко не впервые он просыпался на восходе солнца, но он не помнил, чтобы это случалось на крыше чьего-то дома. Тем более на крыше дома, принадлежавшего семейству любимой женщины.

С первыми солнечными лучами внизу зашевелиятся слуги, проснется весь дом и больше не останется незащищенным. Стряхнув с себя пыль, Брэм подобрался к краю крыши, где проходила водосточная труба, по которой и спустился вниз. У окна Розамунды он задержался, борясь с искушением появиться у нее раньше назначенного им самим временем, но ему надо было спешить. Вероятно, Косгроув кипел злобой всю ночь, зализывая раны, нанесенные его гордости, и обдумывал свою месть. Поскольку эта месть должна была касаться и Розамунды, маркиза необходимо было остановить. Навсегда.

Спустившись на землю, Брэм вышел на улицу и взял наемную карету, чтобы вернуться в Лаури-Хаус. Там он приказал оседлать Титана, принести утреннюю газету и поспешил наверх, чтобы переодеться.

— Побыстрее, Мостин, — приказал он своему слуге, сбрасывая одежду, в которой провел эту ночь.

— Но вы хотите выглядеть презентабельно, милорд, не так ли?

— Просто прилично. Совершенства не требуется.

— Разрешите, милорд? — постучал в дверь Хиббл.

— Входи.

С «Таймс» в руке в комнату вошел дворецкий.

— Ваша газета, милорд. И вам письмо — по-моему, от мистера Уоринга.

— Прекрасно. — Он положил послание Салливана в карман. — Вчера никто не заходил?

— Нет. Мы, как вы и говорили, поставили охрану, но все было тихо.

— Хорошо. Если сегодня утром кто-нибудь зайдет, то меня нет дома. Если это окажется

Костроув, скажи ему, что я понимаю его чувства и действую в соответствии с этим.

— Милорд...

Брэм натянул сапоги и ограничился, невзирая на старания слуги, одним узлом на своем галстуке.

— А если он попытается пройти мимо тебя, стреляй.

— Я... Да, милорд.

Брэм взял газету и быстро просмотрел ее. Вот оно, сверху над светской хроникой. Спасибо Богу за болтунов. Он торопливо вытащил лист бумаги, обмакнул перо и сочинил, вероятно, самое важное литературное произведение из всех, которые он когда-либо пытался написать. Затем вырвал эту газетную статью, свернул ее и вместе с запиской положил в карман. Потом сбежал с лестницы.

— Следи за порядком, Хиббл, — сказал он, выходя из дома, и направился к Титану.

Брэм пронесся галопом по улицам Мейфэр, потом свернул на Уинсли-стрит и подъехал к небольшому старому особняку на окраине. Привязав Титана, он подошел к двери и постучал.

Спустя минуту он услышал шарканье ног, чье-то ворчание, и дверь распахнулась. Древний на вид дворецкий в ночной рубашке и халате стоял перед ним, хлопая глазами.

— Чем могу служить?

Брэм достал из кармана визитную карточку.

— Я приехал к мистеру Уайту. Он дома?

— Мистер Уайт еще не встал, милорд, — ответил дворецкий, взглянул на визитку и немного расправил плечи. — Еще только семь часов.

— Я знаю. Но это срочно. Могу я подождать?

— Да. Пожалуйста, входите. В гостиной горит камин. Наконец-то его пригласили в комнату, где есть стул.

Дела определенно менялись к лучшему, и не только в одном направлении. Конечно, в это утро он был слишком взволнован, чтобы сидеть, но по крайней мере мог бы, если б захотел.

Он в уме определял размер комнаты в квадратных футах, когда дверь открылась и появился человек на год или два моложе его самого, шатен с серыми глазами, в очках.

— Лорд Брэмуэлл Джонс?

— Да. А вы Томас Уайт?

— Да. Какое же срочное дело привело вас сюда в такой ранний час?

— Я не хочу вас пугать, но некоторые события привлекли мое внимание, и я думаю, что пришло время заняться ими. Может быть, мы сядем?

Молодой человек указал на кресла, стоявшие по обе стороны камина:

— Прошу вас.

— Как, может быть, вам известно, я близко знаком с вашим кузеном.

— Да, я это знаю. — Выражение лица Уайта стало более холодным.

Брэм поднял голову.

— У меня создалось впечатление, что у вас с ним нет близких отношений. И это правда, как я понимаю.

— Да. А в чем дело, милорд?

— Это трудно выговорить, поэтому скажу кратко. — Для большего эффекта Брэм сделал паузу. — Я думаю, что ваш кузен безумен.

Молодой человек свел брови.

— Кингстон Гор безумен... Вы это серьезно?

— Вполне. Несколько недель назад он начал «игру», как он это называет, которая могла обесчестить молодую женщину благородного происхождения.

— Боже мой, и у вас есть доказательства?

— Есть. Он пытался шантажировать ее семью, требуя продать ее ему за долги семьи. К счастью, мы смогли помешать этому. А затем, прошлой ночью... да видели ли вы утренние газеты?

— Нет. Мы с женой еще спали, когда вы пришли.

— Да, конечно. — Брэм достал из кармана газетную статью и протянул ее Уайту. — Вам следует взглянуть на это.

Томас Уайт внимательно прочитал текст. Недоверие и, если Брэм не ошибался, странное удовлетворение отразились на его худощавом лице.

— Он обвинил вас в воровстве.

— В присутствии половины членов высшего общества, и это после того, как ввел в заблуждение полдюжины полицейских с Боу-стрит. — Брэм выпрямился. — Знаете, он пьет абсент в огромном количестве.

— Я об этом слышал.

— Он пьет по ночам. Никогда раньше захода солнца, но каждую ночь. Он заявляет, что это делает его бессмертным.

— И повторяю: у вас есть доказательства?

У Косгроува было достаточно врагов, чтобы Брэм не вспомнил десятка людей, которые подтвердили бы, что они слышали, как он говорил это. Таким образом, он не нарушил девятую заповедь о лжесвидетельствовании.

— Да. И еще одно.

— Что же это?

— Леди, которую он хотел купить за долги семьи, скоро станет моей невестой. И я опасаюсь, что когда он узнает, что мы собираемся пожениться, он совершит что-то страшное.

— Боже милостивый!..

Брэм с озабоченным видом кивнул и поерзал в кресле.

— Если не ошибаюсь, вас самого беспокоит рассудок вашего кузена.

— Да... Да! В его отношении ко мне и моей семье появился какой-то садизм.

— Он как-то упомянул, что каждый месяц он играет на ваши деньги и отдает вам долг, только если выигрывает.

— Как это ни обидно для меня, но это так.

— Можно воспользоваться тем, что лорд Хоторн, один из попечителей некоего заведения для душевнобольных, вчера присутствовал у Клементов на суаре. Полагаю, у вас есть основания, чтобы поместить туда вашего кузена.

Уайт изумленно посмотрел на него:

— В Бедлам?

— Да, в Бедлам. Точнее — в Бетлем, королевскую больницу для сумасшедших. Ради его собственной безопасности, вашей безопасности, безопасности моей невесты, ее семьи и всех, кого он считает виноватыми передним.

Молодой человек медленно поднялся и подошел к камину.

— Выдумаете... что его необходимо поместить туда немедленно, не так ли?

— Я полагаю, это следует сделать, пока он не навредил кому-нибудь еще. Говорят, что абсент разъедает мозг.

— Я его наследник, знаете ли, поскольку он не женился и не имел детей.

— А я думаю, что абсент сделал его стерильным. — Эта мысль казалась Брэму весьма правдоподобной.

— Принимая во внимание вашу дружбу и долгое знакомство, вы засвидетельствуете тот факт, что маркиз Косгроув не способен сохранять свое положение в обществе. Правильно?

Брэм достал из кармана еще один листок бумаги.

— Я уже изложил это в письменной форме. Прочитав ее, Уайт долго смотрел на огонь в камине.

— Знаете, он всегда был злым человеком.

— Могу это с полным на то основанием засвидетельствовать.

— Я никому бы не пожелал оказаться в Бедламе, но мне надо думать о детях, у меня их двое. Честно говоря, поместить его в какое-нибудь место, откуда он не мог бы никому навредить, было бы большим облегчением.

— Согласен.

Томас снова посмотрел на него:

— Вы, случайно, не знаете адреса лорда Хоторна?

— Я поеду вместе с вами, если желаете.

— Дайте мне несколько минут, чтобы одеться и предупредить жену.

Как Брэм и предполагал, Хоторн принадлежал к тем многочисленным людям, которым надоели махинации маркиза Косгроува, к тому же у него имелись и другие доказательства. К десяти часам у них уже был ордер на доставку маркиза в Бедлам.

— Вам лучше не присутствовать, милорд, — сказал мистер Уайт, когда они подъехали к Гор-Хаусу. — Мы не хотим драки, когда можно ее избежать, а вы наверняка разозлите его.

— Как пожелаете. Удачи вам, мистер Уайт.

Черт бы его побрал! Брэму хотелось посмотреть в лицо Кингстона, когда его будут увозить. И это было разумно, ведь его целью было обеспечить будущее Розамунды, что бы она ни решила относительно его самого.

Будучи по природе циником, он хотел убедиться, что Косгроува действительно увезут. И он ждал, остановившись достаточно близко, чтобы все видеть и слышать, но оставаться при этом незамеченным. Пять минут спустя, когда Уайт и его люди вошли в Гор-Хаус, Брэм услышал споры, крики и звон разбитого стекла. Он подогнал Титана немного ближе к дому. Если Косгроув попробует сбежать, хорошо бы его прикончить.

Звуки становились более приглушенными и затем смолкли. А еще спустя несколько минут из Гор-Хауса вышли полдюжины мужчин. Впереди шел Уайт, позади — лорд Хоторн. А посередине вели крепко связанного и с кляпом во рту Косгроува.

Он вырывался, но они заталкивали его в ожидавший их экипаж. Когда они подтолкнули его вверх, он окинул безумным взглядом улицу и увидел Брэма.

Брэм встретил его взгляд, подавляя желание злорадно усмехнуться, послантовать или просто помахать рукой. Ведь он только что обрек человека на жизнь, которая была хуже смерти. Даже зная Косгроува, вероятно, намного лучше, чем кто-либо другой, он не мог сожалеть об этом, но и не хотел радоваться. Если бы не встреча с Розамундой, то, возможно, наступил бы день, когда его родная семья избавилась бы от него самого.

Когда карета исчезла из виду, он натянул поводья и направил Титана к Дэвис-Хаусу. Поднимаясь по ступеням, взглянул на карманные часы. Пять минут после полудня. Он явно становился точным и аккуратным, как и подобает джентльмену.

— Подождите, пожалуйста, в холле, милорд, — сказал дворецкий.

О, черт! Опять все то же.

— Хорошо. — Постукивая каблуками, он ожидал, не выйдет ли к нему Розамунда. Он достал из кармана письмо Салливана. Солдат, еще живший в нем, находил довольно забавным, что в самых горячих переделках он был спокойнее, чем сейчас.

— Не делай глупостей просто потому, что ты благодарна ему, — сказал отец Роуз. — Если он когда-нибудь появится.

— А разве не поэтому мы все прячемся в библиотеке? — возразила Роуз. — Ведь вы действительно думаете, что он появится.

— Расскажи ей то, что рассказал мне, Льюис. О его перспективах. — Леди Абернети вернулась к своему вышиванию.

— Левонзи лишил его содержания четыре месяца назад. Если он живет на карточные выигрыши, то к концу года станет нищим.

— Особенно после того, как отдал вам восемь тысяч фунтов! — возмутилась Роуз.

Какое лицемерие! Этот Косгроув, вероятно, их бы вполне устроил, несмотря на чудовищное поведение. Ведь он был богат. И имел титул к тому же.

— Факт остается фактом, у него ужасная репутация, никакой надежды наследовать титул или деньги, и единственный источник дохода исчез.

В дверь постучал Элбон и остановился на пороге.

— Милорд, вы желали, чтобы вам доложили, когда приедет лорд Брэмуэлл Джонс. Он здесь.

У Роуз дрогнуло сердце. Он пришел. В назначенное время. Острое желание увидеть его все возрастало с той поры, как они расстались накануне. Сейчас, зная, что он внизу, ее единственным желанием было выбежать из комнаты и броситься к нему.

— Спасибо, Элбон. Это все.

Кивнув, дворецкий исчез. Лорд Абернети посмотрел на нее, а затем на жену.

— Я избавлюсь от него вместо тебя, Роуз. Тебе не стоит делать это самой.

— А я не хочу избавляться от него, папа. Вы что, совсем не слушали меня?

— Я глупости не слушаю. Роуз сжала зубы.

— Я...

С глубоким вздохом Джеймс слез с подоконника.

— Иди к нему, Роуз, — сказал он. — Как ты уже говорила, тебе предложен еще один шанс. Воспользуйся им.

Она благодарно улыбнулась, обрадованная появлению неожиданного союзника, и, распахнув дверь, побежала к лестнице. Брэм стоял в холле и сосредоточенно смотрел на лист бумаги, который держал в руках. Она остановилась на минуту, чтобы посмотреть на него.

В этот день на нем был костюм бежевого цвета. Черными оставались только его глаза, волосы и начищенные высокие сапоги. Он выглядел таким красивым. А он думал, как она хороша.

— Знаешь, а я вижу тебя там, наверху, — сказал он, поворачиваясь к ней.

— Я не хотела помешать тебе читать.

— Спасибо. А теперь спускайся, пожалуйста. — С этими словами он отступил в утреннюю комнату.

Она не успела переступить порог, как он прижал ее к стене, покрывая ее поцелуями. Она, сдаваясь, раскрыла губы, а он поглаживал ее бедра и все сильнее прижимал ее к своему сухощавому сильному телу.

— Я думаю, тебе следует жениться на мне, — шепнула она, запуская пальцы в его волосы.

Он замер, затем приблизил лицо к ее лицу и посмотрел на нее:

— А знаешь, я и собирался это сделать.

— Я не была уверена. Мне казалось, у тебя очень высокое мнение о самом себе, которое я не разделяю.

— Сначала мне надо кое в чем признаться.

Холодок пробежал по ее спине.

— Признаться в чем?

— Сегодня утром я совершил последнее преступление.

— Ты ведь не ограбил чей-то дом, правда?

Он с мрачным выражением лица, которое она бы предпочла не видеть, покачал головой:

— Нет. Я ездил к кузену Косгроува. Его предполагаемому наследнику.

— О! Зачем?

— Чтобы убедить его, что из-за абсента Кинг стал безумным и что необходимо поместить его в Бедлам. Этим, кажется, я нарушил еще одну заповедь.

О Боже! Она долго смотрела ему в лицо, ожидая, что он подмигнет или признается, что пошутил. Но он только вздохнул:

— Он начал эту игру, а я ее закончил. И мы оба знаем, что, будучи чудовищем, он не был сумасшедшим. Но ему будет очень трудно убедить в этом кого-нибудь и когда-нибудь.

— Ты хочешь сказать, что его уже забрали?

— Да. Если бы было возможно как-то сдержать его, я бы не предпринял таких крайних мер. Но я знал его более десяти лет и видел, как он оставлял за собой следы смерти и горя. Я больше не мог рисковать. Теперь. — Он провел пальцем по ее щеке. — Я хотел, чтобы ты узнала об этом прежде, чем мы продолжим. — Он вздохнул.

О Господи, он волновался! И какой бы ужасной ни была участь Косгроува, она не могла не верить, что он заслужил эту кару. На мгновение у нее мелькнула мысль, как повезло ей и Джеймсу и всей ее семье, что Брэм оказался на их стороне. Он был так заботлив по отношению к ней!

— Розамунда, своим молчанием ты доведешь меня до апоплексического удара.

Она встрепенулась:

— Надеюсь, что уж теперь-то этого не случится.

Он взял ее за руки и подвел к креслу. Она села, все еще держась за его пальцы, и он опустил ее перед ней на колени.

— Письмо, которое я только что прочитал, изменило все, что я хотел тебе сообщить, — тихо произнес он, чуть скривив губы. — Я собирался сказать, что примирюсь с отцом и постараюсь сделать все, чтобы быть хорошим сыном, чтобы он сохранил мое прежнее положение и выдавал мне месячное содержание.

— А теперь, как я догадываюсь, ты этого не хочешь?

— Дело в другом. У Салливана хватает ума, чтобы снова уехать из Лондона. Как ты могла заметить, он очень не любит город.

— Да, я это почувствовала.

— Его репутация и его дело растут, и он предложил мне заниматься устройством его выставок в Лондоне и продажей лошадей. Практически он предложил мне быть его партнером. А поскольку я не имею желаний довести его до разорения, то постараюсь выполнять свое дело как можно лучше. Как это тебе нравится? Роуз не могла сдержаться и усмехнулась:

— Мне это кажется чудесным.

— Вот и хорошо. Ибо я думаю, что могу положиться на тебя, как на свою совесть, — по крайней мере, пока не обрету ее в полной мере.

Если бы он не держал ее за руки, она бы обняла его.

— Не наговаривай на себя, — сказала она слегка дрогнувшим голосом. — И если я еще не

говорила этого, то я люблю тебя так сильно, что мне все равно, даже если ты решишь, что мы станем пиратами и будем скитаться по семи морям.

Брэм поднял бровь.

— В самом деле? Это звучит намного интереснее, чем коневодство.

Он снова поцеловал ее.

— Я люблю тебя. — Еще поцелуй. — Ты вернула мне будущее, когда я уже решил, что у меня его не предвидится. — Еще поцелуй. — Я буду тебе хорошим мужем. — Еще поцелуй. — Я никогда, никогда не изменю тебе. Клянусь. Дважды клянусь!

Слеза скатилась по ее щеке.

— Я знаю это. Я всегда чувствовала, что ты благородный человек.

— А можно мне все-таки хоть немножко оставаться негодяем, а?

Она рассмеялась:

— Только немножко.

— Тогда выходи за меня, Розамунда. Ладно?

Она посмотрела в его черные глаза, которые светились умом, любовью и пронцательностью.

— Раз уж ты сделал предложение, то я кое в чем должна тебе признаться.

Его улыбка слегка увяла.

— В чем же?

— Через восемь месяцев, или около того, наша семья увеличится на одного человека.

Он озадаченно смотрел на нее. А затем Брэм Джонс издал радостный вопль, вскочил на ноги и вытащил ее из кресла. Обняв ее за талию, он закружил ее. Она знала, что поступила правильно, не поставив его в известность раньше. Еще подумает, что стал новым человеком только потому, что почувствовал ответственность в связи с предстоящим отцовством.

— Я все же хочу услышать твой окончательный ответ, Розамунда. Скажи еще раз, что ты выйдешь за меня.

О, если бы могла, она бы вышла за него дважды!

— Да, я выйду за тебя, Брэм. У тебя нет другого выхода. Усмехнувшись, он в очередной раз поцеловал ее.

— А мне он и не нужен.

— Хорошо. Потому что это вызвало бы много беспокойства.

— Я люблю тебя, — снова сказал он и, рассмеявшись, поставил ее на ноги. — Видит Бог, ты необыкновенная женщина.

— Я люблю тебя, Брэм. И это ты необыкновенный мужчина.

— Думаю, мы вместе имеем неплохой шанс частенько ставить Мейфэр на уши.

О, она на это рассчитывала!

Спустя три года

— Что это все значит? — Брэм сложил на груди руки и прислонился к косяку двери в верхней гостиной дома Салливана Уоринга, находившегося в Эмберглене в Восточном Суссексе.

— Ты имеешь в виду беспорядок? — спросил Фин, сидевший на полу перед башней, сложенной из игорных карт.

— Или разбросанные игрушки? — обвел взглядом комнату со своего места на диване Салливан.

— И то и другое. — Брэм пробрался между грудями деревянных игрушек и лошадкой-качалкой и занял кресло перед камином. — Я искал виски, Салливан, — заявил он, — и знаете, что я нашел?

— Боюсь и спрашивать.

— Я нашел бутылку. Только в ней вместо виски была грязь. И полно червей.

— Конечно, это дело рук Генри — сказал, улыбаясь, Салливан. — На прошлой неделе я обнаружил носок, набитый этой гадостью, в своем сапоге. К счастью, я не наступил на него.

— И что же юный Генри собирается делать, собрав всех червей Восточного Суссекса? — спросил, подняв бровь, Брэм.

— Они нужны для рыбалки, — ответил юный Генри Уоринг, осторожно прибавляя пару карт к башне Фина. — Я закончил ее, дядя Фин!

— У тебя твердая рука, Генри, — похвалил его Фин, перехватывая ползущую к башне из карт малышку и направляя ее в другую сторону.

— Отлично, Фин. Сообразил пустить свою дочку к камину! — Салливан наклонился и взял малышку на руки. — У твоего папы вместо мозгов сено, Сара, не сомневайся.

Ребенок в ответ хихикнул.

— Я-то знаю, где моя дочь, — проворчал Фин. — А твоя, Брэм, между тем куда-то исчезла. И где ее искать, понятия не имею. — Он заглянул за спинку кресла, в котором сидел Брэм.

— Мне следовало бы знать, что как только я выйду из комнаты, вы все потеряете мою дочь, — сказал, потягиваясь, Брэм. — Где ты, Эйприл? — Отведя в сторону левую руку, он коснулся шелковистых волос. — Пойдите-ка, а это что? — Он положил ладонь на маленькую детскую головку. — Послушайте, я нашел тыкву!

В ответ раздался звонкий смех:

— Это же я, папа!

Ловкое темноволосое неземное создание обошло кресло и вскарабкалось к Брэму на колени. Даже в свои два с небольшим года Эйприл Мэри Джонс была красавицей. Он поцеловал ее в лобик, все еще недоумевая, как они с Розамундой сотворили это маленькое чудо.

— Думал ли ты, Брэм, — сказал Салливан, развлекая своими очками девятимесячную дочку Фина, — что мы ко всему этому придем?

Брэм вздохнул. Покой был для него новым и редким ощущением. Именно этого он и хотел.

— И не предполагал. — Он взглянул на Розамунду, вошедшую в комнату в сопровождении Элайзы и Изабель. Его свет, его рай, его радость и все самое драгоценное. Он никогда не считал, что заслуживает такого дара.

— Почему ты улыбаешься? — спросила она, садясь на подлокотник его кресла, и, обняв за плечо, прильнула к нему.

— Ты совершаешь настоящий подвиг, обзаводясь еще одним ребенком, — тихо объяснил он, свободной рукой переплетая свои пальцы с ее пальцами.

— Вот это да! — повторил Салливан. — Теперь вы окончательно теряете всякую возможность сбежать от него, Роуз. Вы это поняли?

Розамунда преувеличенно тяжело вздохнула:

— Да, я понимаю... Брэм, конечно, немножечко негодяй, но все же очень хороший.

Среди общего смеха и поздравлений Брэм не сводил взгляда со своей жены. В его небезупречном прошлом должно было быть хотя бы одно доброе дело, если ему встретилась такая женщина. И такие друзья.